

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
Н. С. ЛѢСКОВА.

Л-502

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-биографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

6283.1
X

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

Продуманное и...
РЛБ - СССР
Заводский Комитет
№ 513
194

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1903.

№ 1494

V

V

И. А. ЛЕВОНОВА

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

Артистическое заведение А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

1921

НА НОЖАХЪ.

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.

Часть пятая.

ТЕМНЫЯ СИЛЫ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Два Вавилона.

Пока въ маленькомъ городкѣ люди оживали изъ мертвыхъ, женились и ссорились, то улаживая, то разстраивая свои маленькія дѣлишки, другіе герои нашего разсказа заняты были дѣлами если не болѣе достойными, то болѣе крупными. Парижъ дѣятельнѣйшимъ образомъ сносился съ Петербургомъ объ окончаніи плана, въ силу котораго Бодростина должна была овдовѣть, получить всю благопріобрѣтенную часть мужаина состоянія и наградить Горданова своею рукою и богатствомъ.

Бель-этажъ большого дома на Литейной, гдѣ жили Михаилъ Андреевичъ Бодростинъ и Павелъ Николаевичъ Гордановъ, почти ежедневно корреспондировалъ съ небольшимъ, но удобнымъ и хорошо меблированнымъ отдѣленіемъ маленькаго Hôtel de Maroc въ rue de Seine, гдѣ обитала Глафира Васильевна, и наверху, двумя этажами выше надъ нею, мѣстился въ крошечной мансардѣ Юсафъ Платоновичъ Висленевъ.

Формы постоянныхъ сношеній этихъ двухъ дожементовъ разнообразны и многообразны, но по характеру ихъ было ясно, что Парижъ играетъ, а Петербургъ пляшетъ подъ звуки волшебной флейты. Писалъ ли изъ Петербурга въ

Парижъ Михаилъ Андреевичъ Бодростинъ или Гордановъ, или, вѣроятно многими позабытый, счастливый чухонецъ Генрихъ Ропшинъ, все выходило одно и то же: рѣзкія и шутливыя, даже полунасмѣшливыя письма Бодростина, короткіе и загадочные рапорты Горданова и точныя донесенія Ропшина,—все это были матеріалы, при помощи которыхъ Глафира Васильевна подготавливала постановку послѣдней драмы, которую она сочинила для своего бенефиса, сама расписавъ въ ней роли. Все шло къ тому, что надо было три раза хлопнуть въ ладоши и занавѣсъ взвѣется, и предъ зрителемъ совершится актъ хитраго и далеко рассчитаннаго злодѣйства безъ наказанія порока и безъ торжества правды.

Всеобщее нетерпѣніе по ту и по другую сторону завѣсы давно тихо шепчетъ слово «пора» и, наконецъ, это слово громко произносится самимъ геніемъ всей исторіи, Глафирой.

Въ самомъ дѣлѣ, ей пора восторжествовать и успокоиться: ей, можетъ-быть, болѣе чѣмъ всѣмъ надоѣли всѣ эти осторожные подходы, личины и маскарадъ.

Кто не видалъ Глафиру Васильевну съ той поры, какъ она разсталась съ Гордановымъ въ Москвѣ, тотъ непременно долженъ былъ бы крайне удивиться переменѣ, происшедшей въ ней въ теченіе ея полугодового отсутствія изъ Россіи. Житіе въ Парижѣ до такой степени ее измѣнило, что человѣку, не очень пристально въ нее вглядывающемуся, даже вовсе не легко было бы ее узнать. Сверкающая красота ея померкла; глаза, вмѣсто прежняго пламеннаго, обдающаго жаромъ взгляда, смотрять только тревожно, остро и подозрительно; у угловъ губъ пролегла тонкая морщинка; подъ глазами замѣтны, темноватые круги, и вся кожа, такъ недавно вызывавшая у стараго Бодростина комплименты ея свѣжести и аромату, подцвѣтилась желтоватымъ янтарнымъ отливомъ.

Глафира была теперь янтарь, но янтарь забытый, залежавшійся и какъ-будто утратившій всю свою электрическую силу отъ долгаго бездѣйствія. Однако, это, можетъ-быть, такъ только казалось. Взглянемъ на нее поближе.

Парижское утро начинается очень рано въ томъ, далеко не аристократическомъ кварталѣ, гдѣ среди rue de Seine мѣстился незамѣчательный Hôtel de Maroc, избранный по

особымъ соображеніямъ Бодростиной для ея жительства. На зарѣ звонкія плиты узкихъ тротуаровъ оглашаются громкимъ хлопаньемъ тяжелой обуви работниковъ, рано покидающихъ свои постели и послѣшающихъ къ дѣлу. Вслѣдъ затѣмъ раздаются звонки и слышится стукъ желѣзныхъ скобъ у дверей лавченокъ, гдѣ эти же рабочіе добиваются получить свою утреннюю порцію мутнаго абсенту; затѣмъ гремятъ фуры перевозчиковъ мебели, бѣгутъ комиссіонеры съ своими носилками, кухарки со своими саками, гризетки со своими корзинками и кошками, и... день насталъ со всею его суетой: спать невозможно.

Лучшее помѣщеніе, которое занимала въ скромномъ отелѣ Глафира Васильевна Бодростина, въ этомъ отношеніи было самое худшее, потому что оно выходило на улицу, и огромныя окна ея невысокаго бель-этажа нисколько не защищали ее отъ ранняго уличнаго шума и треска. Поэтому Бодростина просыпалась очень рано, почти одновременно съ небогатымъ населеніемъ небогатаго квартала; Висленевъ, комната котораго была гораздо выше надъ землей, имѣлъ больше покоя и могъ спать дольше. Но о немъ рѣчь впереди.

Кварталь уже болѣе получаса тому назадъ простучалъ и прогремѣлъ свою утреннюю тревогу, и подъ окнами Hôtel de Maroc уже закурилась жаровня жарильницы капитановъ, когда въ одномъ изъ оконъ бель-этажа зашевелилась густая занавѣса, и Глафира Васильевна, стуча деревянными каблучками изящныхъ туфель, потянула шнуры оконной шторы и, взявъ съ каминнаго небольшого, старинной работы, ящичекъ изъ сердолика съ янтаремъ и бирюзой, снова легла въ свою постель.

Часъ былъ еще ранній, и Бодростина, не желая звать прислугу, открыла свой античный ящикъ и стала перебирать аккуратно сложенные въ немъ письма.

Солице, не смотря на ранній часъ утра, уже тепло освѣщало комнату, меблированную высокою старинною мебелью, и въ нишѣ, гдѣ помѣщалась кровать Глафиры, было столько свѣта, что наша героиня могла свободно пробѣгать открытый ею архивъ. Она этимъ и занималась, она его пробѣгала, безирестанно останавливаясь и задумываясь то надъ тѣмъ, то надъ другимъ листкомъ, и затѣмъ опять брала новые.

По сосредоточенному выраженію ея лица нельзя было усомниться, что предъ ней лежали не бальныя записочки

и не родственныя письма о бабушкиномъ здоровьѣ, а переписка дѣловая и строгая, требующая проверки прошлому, обзорнiя настоящему и рѣшенiя въ будущемъ.

Вотъ въ ея рукахъ бѣлый листокъ толстой бумаги съ переплетеннымъ вензелемъ «М. Б.» Это первое письмо, полученное Глафирой за границей отъ ея мужа. Письмо не длинно,—оно начинается на одной страницѣ и кончается на другой. Въ немъ Михаилъ Андреевичъ отвѣчаетъ женѣ на ея, полное негодованiя, письмо, по поводу дошедшихъ до нея слуховъ о его романѣ съ княгиней Казимирой Антоновной Вахтерминской. Михаилъ Андреевичъ извиняется предъ женой, что онъ отвѣчаетъ ей не скоро, потому что долго былъ очень занятъ однимъ весьма выгоднымъ предпрiятiемъ и потомъ, не опровергая слуха о княгинѣ Казимирѣ, отшучивается довольно наглою шуткой, добавляя:

— А что касается до вашихъ предостереженiй меня насчетъ ея предательскаго нрава, то будьте, *chère amie*, спокойны и на мой, и на свой счетъ, потому что *je la tiens hors de vue*.

Вотъ другiе листки иной, совсѣмъ ординарной бумаги, иногда короткiе и не дописанные, иногда же исписанные вдоль и поперекъ твердымъ, ровнымъ почеркомъ: это письма Горданова. Ихъ много, даже можно бы сказать ихъ слишкомъ много, если бы число ихъ пришлось сравнивать съ короткими письмами Бодростина, но довольно многочисленныя письма Горданова исчезали среди цѣлаго вороха высыпанныхъ Глафирой на колѣни скромныхъ листковъ синеватой клѣтчатою бумагой, писанныхъ мелкимъ бисернымъ почеркомъ Ропшина. Чухонецъ былъ вѣрнѣе всѣхъ и писалъ Глафирѣ аккуратно почти всякiй день въ теченiе всего ея отсутствiя.

Два остальныхъ письма Бодростина, изъ которыхъ одно послѣдовало чрезъ три мѣсяца послѣ перваго, а другое—совсѣмъ на-дняхъ, были очень коротки и лаконичны. Въ первомъ изъ нихъ Бодростинъ опять извинялся предъ женой, что онъ ей за недосугомъ не пишетъ; говорилъ о своихъ обширныхъ и выгодныхъ торговыхъ предпрiятiяхъ, которыя должны его обогатить и, наконецъ, удивлялся женѣ, чего она сидитъ въ Парижѣ и еще, вдобавокъ, въ этомъ отвратительномъ кварталѣ гризеть и студентовъ. «Я этого не могу понять,—добавлялъ онъ:—если бы ты была старѣе

пятнадцатую или двадцатую годами, я бы готовъ былъ повѣрить, что ты *заинтересовалась* юношескою любовью какого-нибудь студіозуса; но ты еще молода для такой глупости. Спиритизму же твоему, я признаюсь тебѣ, что ты хочешь дѣлай, не вѣрю, и когда Гордановъ недавно сказалъ мнѣ съ чыхъ-то словъ, что ты живешь въ Hôtel de Maroc, потому что тамъ близко обитаетъ какой-то генералъ вашего ордена, котораго посѣщаетъ *самъ* Алланъ Кардекъ, мнѣ это даже сдѣлалось смѣшно. Hôtel de Maroc и Алланъ Кардекъ—конечно, даже одно соединеніе этихъ звуковъ имѣетъ нѣчто внушающее, но что касается до генерала, то у тебя не можетъ быть такого дурного вкуса... Кстати здѣсь, гдѣ теперь такъ много, очень много даже, можетъ-быть слишкомъ много молодыхъ генераловъ, мною замѣчено, что какъ бы ни былъ молодъ генералъ, отъ него непремѣнно начинаетъ пахнуть старыми фортепиано. Особый и необъяснимый въ естествознаніи законъ... Да неужто же, *ma chère*, ты въ самомъ дѣлѣ еще склонна во что-нибудь вѣрить и особенно вѣрить въ такую чепуху, какъ спиритизмъ? А впрочемъ, *ma foi*, всѣ вѣры одинаково нелѣпы, и потому дѣлай что хочешь», заканчивалъ Михаилъ Андреевичъ, и въ *post-scriptum* освѣдомлялся о Висленевѣ, называя его «рыцаремъ печальнаго образа и эскавромъ, текущимъ за колесницей своей побѣдительницы».

Третье, самое недавнее письмо говорило, что Михаилъ Андреевичъ на сихъ лишь дняхъ едва свалилъ съ шеи большія и совершенно непредвидѣнныя хлопоты, и очень радъ будетъ вырваться домой въ деревню, гдѣ, по его распоряженію, быстро идутъ постройки фабрики и заводовъ, на коихъ будутъ выдѣлываться въ обширномъ размѣрѣ разные животныя продукты.

Глафира Васильевна знала всѣ эти «большія и совершенно непредвидѣнныя обстоятельства», о которыхъ такъ коротко извѣщала ее мужъ, и знала даже и то, что онъ еще вовсе не свалилъ ихъ съ шеи и что ему не ухватъ изъ Петербурга сѣзь ее помощи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Нимфа и Сатиръ.

Изъ обстоятельныхъ догесеній Горданова, заплетавшаго узлы вокругъ престарѣлаго Бодростина, и изъ подробнѣй-

шихъ отчетовъ Ропшина, шпионившаго за Гордановымъ съ усердіемъ ревниваго влюбленнаго, всячески старающагося опорочить и унизить своего соперника (каковымъ Ропшинъ считалъ Горданова), Глафира знала все и могла повѣрить всякую математическую выкладку дѣйствіемъ обратнымъ. Ропшинъ зорко слѣдилъ и за Гордановымъ, и за Кишенскимъ, который входилъ въ компанію съ Бодростинымъ въ качествѣ капиталиста и предалъ его, при посредствѣ жены Висленева, въ руки ловкой княгини Казимиры. Неблазный чухонецъ доносилъ Глафирѣ на всю эту компанію, обвиняя ее въ такихъ козняхъ и каверзахъ, которыя въ самомъ дѣлѣ заключали въ себѣ много возмутительнаго, но тѣмъ не мѣѣе не возмущали Глафиры. Для нея ничто не было ново: ни подлость Горданова, ни дряблая, старческая вѣтреность мужа, ни характеръ продѣлокъ Казимиры, и отчеты Ропшина ей были нужны только затѣмъ, чтобы повѣрить образъ дѣйствій Павла Николаевича, которымъ Глафира теперь имѣла основаніе быть совершенно довольною. Гордановъ велъ дѣло именно такъ, какъ было нужно Глафирѣ. Пользуясь слабостью Бодростина къ его уму и талантамъ, онъ тотчасъ же, по прибытіи въ Петербургъ, возобладалъ и двумя другими его слабостями. Онъ раздражилъ и раздулъ въ немъ духъ промышленной предпримчивости, игравшій въ Михайлѣ Андреевичѣ всегда, и особенно возбужденный въ послѣдніе годы при безобразномъ разгарѣ всеобщей страсти къ быстрой наживѣ. Но особенно посчастливилось Павлу Николаевичу сблизиться съ мужемъ Глафиры, благодаря княгинѣ Казимирѣ, которая очаровала Бодростина съ первой же встрѣчи у Кишенскаго, залучившаго къ себѣ Михаила Андреевича для ознакомленія съ одною изъ тѣхъ аферъ, которыми ловкіе столичные люди какъ сѣтями улавливають заѣзжихъ въ столицу предпримчивыхъ людей провинціальныхъ. Волокитство старика за Казимирой началось съ первыхъ же дней ихъ встрѣчи, и Ципри-Кипри очень мало преувеличивала положеніе дѣлъ, описанныхъ ею въ извѣстномъ намъ письмѣ ея къ Подозерову. Но ухаживанье Бодростина за великолѣпною княгиней до пріѣзда Горданова ограничивалось стороною чисто художественной. Михайлѣ Андреевичѣ, изжившій весь свой вѣкъ то въ доморощенномъ помѣщичьемъ развратѣ, то въ легкихъ побѣдахъ надъ легкими же дамами губернскаго бомонда, гдѣ вниманіе Бодро-

стина всегда высоко цѣнилось, сохранилъ очень много охоты къ дѣламъ этого сорта и, встрѣтивъ красивую и шикарную княгиню, почувствовалъ неодолимое влеченіе поклоняться ей красотою. Кишенскій замѣтилъ это и не далъ этой искрѣ погаснуть. Онъ немедленно же появился въ небогатомъ номерѣ, куда Казимира прѣехала съ желѣзной дороги вмѣстѣ съ польскимъ скрипачомъ и съ золотою рыбкой, которую привезла въ маленькомъ изящномъ аквариі. Кипешскій, окинувъ взоромъ занимаемое Казимирой помѣщеніе и ея необременительный багажъ и выждавъ минуту, когда скрипачъ оставилъ ихъ вдвоемъ tête-à-tête, прямо и безцеремонно спросилъ:

— Вы вся тутъ, ваше сіятельство?

— Вся,—отвѣчала княгиня.

— Такъ надо, значить, у кого-нибудь перехватить.

— Ну, у кого же?—полюбопытствовала княгиня.—У васъ вѣдь не перехватишь, не дадите.

— У меня!.. про меня и говорить нечего: я и не дамъ, да у меня и нѣтъ суммъ, которыя были бы достойны такой дамы, какъ вы, а вотъ вчерашняго барина у меня вы не заимѣтили ли?

— Да это, кажется, Бодростинъ?

— Кажется, — повторилъ, улыбаясь, Кишенскій. — Ахъ, матушка, ваше сіятельство: развѣ можно такъ говорить про такой кусочекъ?

— А что такое?

— Да какъ же-съ: это *именно* Бодростинъ; то есть *онъ самъ*, настоящій.—Бодростинъ, старой подруги вашей Глафиры Акатовой законный супругъ и обладатель ея прелестей, которыя, между нами говоря, всѣ одного вашего мизинчика не стоятъ и... кромѣ того обладатель цѣлыхъ двумъ динаріевъ, пенязей, злотницъ и вороховъ зерна бурмитекаго.

— Что же ему здѣсь нужно?

— Да вотъ подите же: еще богаче быть хочетъ. Это ужъ такова человѣческая алчность вообще, а у него въ особенности. Онъ на все жаденъ, и его за это Богъ накажетъ.

— А что такое?

— Да какъ же, развѣ вы вчера ничего не замѣтили?

— Рѣшительно ничего. А что же такое, скажите пожалуйста?

— Какъ вы вчера не замѣтили, какъ онъ въ васъ стрѣлялъ взорами?

— Ну, ужъ это сочиненіе!—молвила, покраснѣвшись, Казимира. Она живо сознавала и чувствовала, что Кишенскій говорить правду и что онъ замѣтилъ именно то самое, что она и сама замѣтила, и идетъ именно прямо къ тому, что ее занимало въ ея затруднительнѣйшемъ положеніи, безъ гроша денегъ и со скрипачомъ, и золотою рыбкой.

Кишенскому не было ни малѣйшаго труда прочесть и истолковать себѣ смущеніе Казимиры, и онъ, нимало не медля, тронулъ ее слегка за руку и сказалъ самымъ короткимъ тономъ:

— Ну такъ, матушка-княгиня, и прекрасно. Этой первой мысли, теперь васъ посѣтившей, и не перемѣняйте. Такъ и будетъ сдѣлано. Понимаете: сдѣлано честно, безкорыстно, безъ всякаго куртажа.

Казимира еще болѣе покраснѣла и пролепетала:

— Что вы это такое?.. почему вы знаете мои теперешнія мысли?

— Знаю-съ,—отвѣчала смѣло жидь.

— Я вовсе и не думаю о Бодростинѣ, и что онъ мнѣ такое?

— Онъ?.. онъ ничего, дрянъ, старый мѣшокъ съ деньгами, а... ваше сіятельство—женщина съ сердцемъ, и тотъ, кого вы любите, бѣденъ и сирь... Правду я говорю? Надо *чѣмъ-нибудь* пожертвовать,—это лучше, чѣмъ все потерять, матушка-княгиня.

Матушка-княгиня не возражала, но благодарно пожала мошенническую руку Кишенскаго, а тотъ позже внушалъ Михаилу Андреевичу, что для пріобрѣтенія настоящаго апломба въ средѣ крупныхъ дѣльцовъ Петербурга надо не пренебрегать ничѣмъ, на чемъ можно основать свою силу и значеніе. Перечисляя многоразличные атрибуты такой обстановки, Кишенскій дошелъ и до совѣта Бодростину блеснуть блестящею женщиной.

— Эта статья нынче много вѣситъ и заставляетъ говорить о человѣкѣ,—рѣшилъ онъ, и затѣмъ смѣло посоветовалъ Бодростину не пренебрегать этою статьей, тѣмъ болѣе, что она можетъ доставлять пріятное развлеченіе.

— Согласенъ, батюшка, съ вами,—отвѣчалъ ему Бодростинъ:—но, во-первыхъ, я старъ...

— Ну, это не резонъ, — перебилъ его Кишенскій: — старому утѣха нужнѣе, чѣмъ молодому.

— Пожалуй, что вы и правы, но вѣдь я, какъ знаете, женатъ.

— Ну, помилуйте, кто же въ наше время изъ порядочныхъ людей съ женами живетъ? У насъ въ Петербургѣ ужъ и приказные нынче это за моветонъ считаютъ.

— Канальи!

— Да; что канальи, не они въ томъ виноваты, а это ужъ таковъ вѣкъ. А къ тому же вѣдь я это совѣтую вамъ не въ серьезъ, а только для блезиру и притомъ имѣя въ виду одно случайное обстоятельство.

— Случайное обстоятельство?

— Да.

— Въ этомъ родѣ?

— Да, въ этомъ родѣ.

— Что же это такое: ужъ не ту ли вы француженочку хотите отбить у графа, что была съ нимъ вчера на пуантъ?

— Ну, вотъ: нашли что отбивать: — француженку! Что она такое значить?

— Ну, нѣтъ, вы этого не говорите: она хороша.

— Хороша-съ, чортъ ее знаетъ что она такое; безъ рода, безъ племени. Нѣтъ, надо изловить знаменитость.

— Пѣвицу или танцовщицу что-ль?

— Ну, что за танцовщицы! Нѣтъ, надо блеснуть дамочкой изъ свѣта, съ именемъ и, пожалуй, съ титуломъ, и я въ томъ смыслѣ веду съ вами и рѣчь. Вы видѣли у меня вчера княгиню Вахтерминскую?

— Прелестъ!

— Надѣюсь, что прелестъ, а у нея, кажется, дорожный баулъ нустенекъ и..

— Да будто вы это считаете возможнымъ? — спросилъ въ недоумѣнн Бодростинъ.

— То-есть я ничего особеннаго не считаю возможнымъ, но вполне увѣренъ въ одной возможности крайне обязать и разодолжить ее при ея нынѣшнихъ обстоятельствахъ и сдѣлать ее своею *attachée*, бывать съ нею, гдѣ съ такими дамами принято быть; принимать въ ея домѣ..

— Но, позвольте, — возразилъ Бодростинъ: — я замѣтилъ, что при ней этотъ польскій скрипачъ.

— Ага, вы это замѣтили! Я тоже замѣтилъ, что вы это взяли на примѣчаніе. О, да вы ходокъ по этой части!

— Да какъ же не замѣтить: вѣдь это сейчасъ видно.

— Ну, и пускай себѣ будетъ видно: этими господами стѣсняться нечего, да и это, наконецъ, ужъ ея дѣло или ихъ общее дѣло, а не наше. Мы же свое начнемъ по порядку, оно у насъ порядкомъ тогда и пойдетъ. Вотъ она теперь третью недѣлю живетъ въ нумеркѣ, и вѣдь она же, не видя этому никакого исхода, конечно о чемъ-нибудь думаетъ.

— Конечно.

— То-то-съ что «конечно». А о чемъ въ такомъ положеніи думаютъ дамы, у которыхъ нить благодатнаго притока оборвалась,—это вамъ тоже должно быть извѣстно.

— По крайней мѣрѣ догадываться можно.

— Да-съ, можно даже и не ошибаться. Такъ вотъ у нея теперь первое и даже самое страстное, пожалуй, желаніе имѣть свой ложементъ, то-есть хорошенькую уютную квартиру и пару сѣренькихъ лошадокъ съ колясочкой, хоть не очень сердитой цѣны. И все это она, разумѣется, приметъ съ нѣжнѣйшею благодарностью.

— Вы думаете?

— Да неиремѣнно такъ-съ, приметъ и еще съ нѣжнѣйшею благодарностью и обязательствомъ, чтобъ этотъ ея скрипачъ поселился отдѣльно, и она вошла бы въ приготовленный нами для нея уголокъ съ одною, золотою рыбкой. И мы будемъ навѣщать ее въ одиночествѣ и любоваться, какъ ея золотая рыбка плещется, потомъ иногда прокатимся съ ней на ея коняшкахъ попросту: вы рядкомъ съ ней, а я на передней лавочкѣ.

— Что же, это все ничего... то-есть это очень пріятно.

— Да и воистину-съ, чтобы вы знали, пріятно и вамъ и мнѣ, потому что я по всѣмъ этимъ мѣстамъ рыцарю по своей обязанности фельетониста. Знаете, вѣдь «эпиграмма-хохотунья трется, вьется средь народа, и тутъ, увидѣвши урода, ему и вѣщится въ глаза». Таковъ нашъ хлѣбъ, и вотъ какъ собакѣ снится хлѣбъ, а рыбка—рыбаку, я и проектирую наши будущія parties de plaisir: мнѣ хлѣбъ, а вамъ рыбка. Идетъ, что ли? Надо пользоваться обстоятельствами и временемъ, иначе, извините меня, я знатокъ въ такихъ дѣлахъ: этакая женщина, какъ Казимира. съ ея наруж-

ностью, именемъ и ласками, долго въ памяти въ Петербургѣ не останется и далеко пойдетъ.

Бодростинъ, которому Казимира нравилась безмѣрно и который мѣлалъ отъ одной мысли завладѣть ею на тѣхъ или другихъ основаніяхъ, разрѣшилъ Кишенскому пользоваться и временемъ, и обстоятельствами, и не прошло недѣли, какъ прекрасная Казимира прѣехала къ Михаилу Андреевичу на своихъ лошадяхъ и въ своей коляскѣ просить его о какомъ-то ничтожномъ совѣтѣ и тутъ же пригласила его въ свой салонъ и при этомъ нѣжно, нѣжно и крѣпко пожала его руку.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Собаки снится хлѣбъ, а рыба—рыбану.

Съ сихъ поръ Михаилъ Андреевичъ сдѣлался хозяиномъ Казимириныхъ апартаментовъ и опекуномъ жизни «маленькой княгини»; но все это ограничивалось для него лишь правомъ бесѣдовать съ нею вдвоемъ, цѣловать ея ручки, щекотать перышкомъ ея шейку и платить ея большіе, большіе расходы по счетамъ, шедшимъ чрезъ руки Кишенскаго и непомѣрно возраставшимъ отъ его прикосновенія.

Механика, устроенная Кишенскимъ, шла прекрасно: Бодростинъ не успѣлъ оглянуться, какъ Казимира сдѣлалась его потребностью: онъ у нея отдыхалъ отъ хлопотъ, она его смѣшила и тѣшила своею граціозною игривостью и остроуміемъ, взятыми на память изъ Парижа; у нея собирались цужные Бодростину люди, при посредствѣ которыхъ старикъ одновременно раскидывалъ свои широкіе коммерческіе планы и въ то же время молодѣлъ душой и тѣломъ.

Скрипачъ не мѣшалъ ничему. Кишенскій, бывший душой всего этого дѣла, все оставилъ безукоризненно, и самъ пилъ, ѣлъ, золотилъ руки и наслаждался, деля дальновидный планъ обобрать Бодростина въ конецъ. Плана этого Кишенскій, разумѣется, не открывалъ никому, а тѣмъ мѣнѣе Казимирѣ, которая съ перваго же шага смѣтила, что верткій фельетонистъ, шпионъ, социалистъ и закладчикъ, хлопочетъ не даромъ и не изъ-за того, чтобы только попить и поѣсть у нея на Бодростинскій счетъ. Но она не шла далѣе предположенія, что Кишенскій устроилъ ея карьеру съ тѣмъ, чтобы поживиться отъ счетовъ и расходовъ. Она легко смекнула, что если это дѣло пойдетъ такимъ тече-

нѣмъ на годъ, на два, то Кишенскій можетъ нажать съ этой сдѣлки шесть-семь тысячъ рублей. Казимиръ было жаль этихъ денегъ, но съ другой стороны она не могла расчитывать, чтобъ исторія эта потянулась на годъ, на два. Она понимала, что какъ ни очаровался ею Бодростинъ и какъ заботливо ни станетъ она охранять это очарованіе, старикъ все-таки не поставитъ ради ея на карту все свое положеніе, и недалеко время, когда сѣрымъ лошадямъ станетъ нечего ѣсть и нечѣмъ будетъ платить за роскошный ложементъ, и не на что станетъ жить бѣдному скрипачу, изгнанному изъ квартиры княгини и удостоившемуся отъ нея ласки и утѣшенія въ уютныхъ двухъ комнаткахъ, напчатыхъ имъ отдѣльно *vis-à-vis* съ квартирой Казимиры.

Скрипачъ, взирая по вечерамъ на освѣщенные окна княгининыхъ апартаментовъ, тоже смекалъ, что все это непрочное, что все это можетъ кончиться прежде, чѣмъ успѣешь спохватиться.

При такомъ согласіи во взглядѣ влюбленныхъ они нашли случай другъ съ другомъ объясниться, и результатомъ ихъ переговоровъ у Казимиры явилось рѣшеніе попросить у Бодростина тысячу рублей займа безъ посредства Кишенскаго. Рѣшеніе это удалось безъ малѣйшаго затрудненія и притомъ съ соблюденіемъ полнѣйшаго достоинства. Черезъ мѣсяць заемъ повторился еще на одну тысячу, а немного спустя встрѣтился еще экстренный случай, по которому потребовалось три тысячи... Бодростинъ все давалъ, но наконецъ и ему наскучило давать, да и Казимиръ стало неловко просить. Тогда въ одинъ прелестный день Кишенскій, посѣтивъ свои редакціи, гдѣ въ одной онъ гремѣлъ противъ распушенности современныхъ нравовъ, а въ другой — настрочилъ сквозной намекъ о нѣкоей очаровательной княгинѣ В., возвратился домой и, сидя за ширмой въ закладной комнатѣ, слышалъ, какъ кто-то толкнулся съ просьбой ссуды подъ вексель г. Бодростина.

Кишенскаго это изумило. Никакъ не думая, чтобы Бодростинъ могъ нуждаться въ наличныхъ деньгахъ, Кишенскій принялъ изъ рукъ дамы-посредницы вексель, списалъ его въ памятную книжечку и возвратилъ съ отказомъ въ дисконтъ.

Ему, можетъ-быть, слѣдовало бы извѣстить объ этомъ Бодростина, но долговременная жизнь на ножахъ отуманила его прозорливость и отучила его отъ всякой искренности.

«Чего добраго, можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ Бодростинъ совсѣмъ не такъ благонадеженъ, какъ говорятъ»,—думалъ Кишенскій и продолжалъ помалчивать.

Время шло. Михаилъ Андреевичъ расходовался самъ на свои предпріятія и платилъ расходы Казимиры, платилъ и расходы Кишенскаго по отыскиванію путей къ осуществленію великаго дѣла освѣщенія городовъ удивительно дешевымъ способомъ, а Кишенскій грѣлъ руки со счетовъ Казимиры и рвалъ куртажи съ тѣхъ ловкихъ людей, которымъ предавалъ Бодростина, расхваливая въ газетахъ и ихъ самихъ, и ихъ геніальные планы, а между тѣмъ земля, полящаяся слухами, стала этимъ временемъ доносить Кишенскому вѣсти, что то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ, еще и еще проскальзываютъ то собственные векселя Бодростина, то бланкированные имъ векселя Казимиры.

Кишенскій заподозрилъ, что дѣло что-то нечисто, и сообщилъ о томъ женѣ Висленева, которая поѣкзаменовала Казимиру и, замѣтивъ въ ней нѣкоторое смущеніе, пришла къ тѣмъ же самымъ заключеніямъ, что и Кишенскій. Тутъ непременно должна была крыться какая-нибудь темная штука. Тихонъ Ларионовичъ понялъ, что княгиня хотѣла его одурачить, и рѣшился наказать ее. Онъ могъ бы наказать ее и больно, открывъ всю эту исторію Бодростину, но этимъ бы все разстроилось, и самъ Кишенскій лишился бы хорошихъ доходовъ. Онъ предпочелъ только *проучить* «маленькую княгиню» и, удалясь подъ различными предлогами отъ участія въ ея дѣлахъ съ Бодростинымъ, поговорилъ о своихъ подозрѣніяхъ при Ципри-Кипри, результатомъ чего явилось извѣстное письмо послѣдней къ Подозерову. Кишенскій думалъ пугнуть ихъ Глафирой и промахнулся,—той это было только на-руку.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Другой рыбакъ съ иною отвагой.

Командированный въ силу этихъ извѣстій Гордановъ засталъ дѣло въ тяжкомъ кризисѣ. Кишенскій прятался и писалъ въ своихъ фельетонахъ намеки на то самое мошенничество, которое самъ устроилъ; Михаилъ Бодростинъ былъ смущенъ полученными имъ по городской почтѣ анонимными письмами, извѣщавшими его, что указываемое въ таковой-то газетѣ дѣло о фальшивыхъ векселяхъ непосредственно ка-

сается его. Съ одной стороны угрожающій по этому случаю скандалъ, а съ другой — подрывъ кредита раздражалъ его безмѣрно, и смущенный старикъ довѣрялъ свою досаду одной Казимирѣ, но та на эту пору тоже не находила у себя для него запаса утѣшеній.

Внезапное прибытіе Горданова въ Петербургъ въ эти смятенные дни было для Михаила Андреевича величайшею радостію. Онъ все разсказалъ Горданову и попросилъ его разыскать, въ чемъ можетъ заключаться дѣло, и вывести все на чистую воду, если можно, однако, безъ всякой огласки.

Гордановъ взялся все обдѣлать и поскакалъ. Онъ побывалъ, гдѣ зналъ, въ разныхъ мѣстахъ и потомъ у Кишенскаго, который, при видѣ его, улыбнулся, сгасъ и напомнилъ ему о долгѣ.

— Мой долгъ будетъ красенъ платежомъ, — отвѣчалъ ему съ презрѣніемъ Гордановъ: — а вы вотъ скажите мнѣ: что за слухи ходятъ о Бодростинскихъ бланкахъ и векселяхъ?

Кишенскій отозвался болѣзнию и полнымъ объ этомъ невѣдѣніемъ, но присовѣтовалъ, однакоже, Горданову толкнуться къ начальнику сыскной полиціи, или къ оберъ-полицеймейстеру, а также поговорить съ Казимирой и кстати подумать о долгѣ. Гордановъ на первый совѣтъ, куда ему толкнуться, ничего не отвѣтилъ, а о долгѣ обѣщаль поговорить послѣзавтра, и прямо отправился къ княгинѣ Казимирѣ.

Конфиденціи, которія имѣлъ Павелъ Николаевичъ съ очаровательною, безпаспортною княгиней, повели къ тому, что Михаилъ Андреевичъ видѣлъ ея милыя слезы, пріялъ ея раскаяніе въ увлеченіи недостойнымъ человѣкомъ и, разжалобясь, остался самъ ея единственнымъ утѣшителемъ, тогда какъ Гордановъ отправился немедленно перемѣстить скрипача, такъ чтобы не было и слѣда. Съ этихъ поръ отношенія Бодростина къ красавицѣ-княгинѣ вступили въ совершенно новую фазу, причемъ не мало значенія имѣли усердіе и талантъ Горданова.

Княгиня ни за что не хотѣла разстаться съ своимъ скрипачомъ. Даже сознавшись, подъ страшными угрозами Горданова, въ томъ, что фальшивые векселя отъ имени Бодростина фабриковалъ скрипачъ и что онъ же дѣлалъ отъ его имени ручательныя подписи на обязательствахъ, которія

она сама писала по его просьбамъ, княгиня ни за что не хотѣла оставить своего возлюбленнаго.

— Мы лучше бѣжимъ оба изъ Россіи,—сказала она Горданову, ломая свои руки.

— Пойдите, пойдите! — отвѣчала ей спокойно, соображая и обдумывая, Гордановъ.—Бѣжать хорошо, но именно, какъ вы сказали, надо «лучше бѣжать», а не кое-какъ.

И онъ предложилъ ей короткій и ясный планъ выпроводить артиста одного.

Княгиня отвѣчала отрицательно.

— Отчего же-съ?—допрашивалъ Гордановъ. — Если любите его, такъ и будете любить: пусть онъ подождетъ васъ гдѣ-нибудь за границей, а вы пока здѣсь... хорошенько подкустесь на золотыя подковки.

— Нѣтъ, это невозможно.

— Ревнуете, что ли, вы его?

— Да, и ревную, и...

— Вы, пожалуйста, договаривайте, а то вѣдь время дорого, и каждую минуту на слѣдъ этой продѣлки можетъ пакинуться полиція. Почему вы не можете съ нимъ разлучиться?

Княгиня молчала.

— Залогъ его любви, что ли, вы, можетъ-быть, храните?—отбилъ безцеремонно Гордановъ.

Княгиня вспыхнула и взглянула на дѣльца умоляющимъ взглядомъ.

— Понимаю васъ, понимаю,—успокоилъ ее Гордановъ.— Но, вѣроятно, еще не скоро?.. Ну, такъ мы вотъ что... Что у васъ есть залогъ его любви, это даже прекрасно, но самъ онъ здѣсь теперь не у мѣста и дѣлу мѣшаетъ: онъ васъ тоже вѣрно ревнуетъ?

— Ну, конечно... развѣ ему пріятно? — отвѣчала сквозь слезы княгиня.

— Да, да; разумѣется, я такъ и думалъ, но, впрочемъ, это ужъ всегда такъ бываетъ. Оттого все у васъ до сихъ поръ такъ вяло ишло, что вы связаны его мученіями.

Княгиня вдругъ вздрогнула и зарыдала.

— Ну-съ, не убивайтесь,—угѣшалъ ее Гордановъ: — положитесь на меня. Я такъ устрою, что вамъ никакого труда не будетъ стоять приласкать старичка. Что въ самомъ дѣлѣ: онъ вѣдь то же что дитя... чѣмъ тутъ терзаться-то?

Княгиня молчала.

— Да, приласкайте его; родственно, но хорошенько, — повторилъ Гордановъ: — такъ, чтобы у него ушки на макушкѣ запрыгали, и всю эту бѣду съ векселями мы сбудемъ и новую добудемъ... а того молодца мы пока припрячемъ отъ глазъ подалѣе. Хорошо?.. ну и прекрасно! А вы тѣмъ временемъ позакрѣпитесь, позаручитесь капиталцемъ на свою и на младенцеву долю...

Княгиня не выдержала и произнесла съ омерзѣніемъ:

— Фу! Гордановъ, что вы говорите!

— Дѣло говорю-сь, дѣло. И главное, все это будетъ сдѣлано безъ посредства этого подлаго жида Тишки.

— Ахъ, да! ужъ Бога ради только безъ него!

— Да ужъ объ этомъ вы не хлопчите: я его самъ ненавижу, повѣрьте, не менѣе вашего.

— Онъ такой негодай!.. мнѣ даже одинъ видъ его вселяетъ отвращеніе.

— Конечно, видъ его прегнусный.

— Ну, ужъ я не знаю, но я его всегда терпѣть не могла, а въ теперешнемъ моемъ положеніи...

— Да, въ теперешнемъ вашемъ положеніи это совсѣмъ не годится. Но, вы его зато болѣе и не увидите. А во всемъ остальномъ прошу васъ не того... не возмущаться. Что дѣлать, судьба! помните какъ это говорить прекрасная Елена: «Судьба!»

Княгиня покачала головой и хрустнула энергически пальцами, оглянулась по сторонамъ покоя и тяжело вздохнула, какъ бы отъ нестерпимой боли.

— Что-сь?—шепнулъ ей въ это время Гордановъ.

— Да ничего... «судьба... судьба!»

Гордановъ всталъ и проговорилъ:

— А судьбѣ благоразуміе велитъ покоряться.—Онъ протянулъ княгинѣ руку.

— Я покоряюсь,—молвила въ отвѣтъ княгиня.

Затѣмъ, когда былъ доставленъ Бодростинъ и когда онъ былъ оставленъ при требующей прощенія и утѣшенія княгинѣ, Павелъ Николаевичъ въ самые часы ихъ нѣжныхъ изліяній другъ предъ другомъ предался неожиданному коварству.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Рыбакъ рыбака видитъ.

Гордановъ общалъ княгинѣ, что спрячетъ ея скрипача гдѣ-нибудь неподалеку за чертой Петербурга, но спрячетъ такъ удобно, что для влюбленныхъ останется еще возможность хотя рѣдкихъ свиданій, но устроилъ все иначе.

Вмѣсто того, чтобы хлопотать о перевозѣ счастливаго артиста за городскую черту, Гордановъ, лаясь къ нему на другое утро, предъявилъ ему бумагу, по силѣ которой всякая полицейская власть обязана была оказывать Павлу Николаевичу содѣйствіе въ поимкѣ названнаго въ ней артиста.

Тотъ оторопѣлъ и, растерявшись, только осматривалъ Горданова съ ногъ до головы. Онъ, очевидно, никогда не видалъ птицъ такого полета.

— Вы не выдумайте, однако, защищаться, — заговорилъ тихо Гордановъ, замѣтивъ, что артистъ, собравшись съ мыслями, озирается по сторонамъ: — это будетъ бесполезно, потому что, во-первыхъ, я не позволю вамъ сойти съ мѣста и у меня въ карманѣ револьверъ, а во-вторыхъ, я совѣмъ не то, за что вы меня принимаете. Вамъ этого не понять; я Ѳедотъ, да не тотъ: я пришелъ васъ спасти. Поняли теперь?

— П...н...ѣ...т...ъ, — беззвучно уронилъ потерявшійся артистъ.

— Нѣтъ? очень жаль, а мнѣ разъяснить вамъ это некогда, но, впрочемъ, странно, что вы, будучи полякомъ, этого не понимаете: я иду дорогой, проложенною вашими же соотчичами, служу и вашимъ, и нашимъ. Бѣгите пока можете: я васъ отпускаю, но бѣгите ловко, не попадайтесь подъ мой слѣдъ, за вами могутъ пуститься другіе охотники, не изъ нашихъ... Тѣ ужъ не будутъ такъ милостивы, какъ я.

— Но за что же вы ко мнѣ такъ милостивы?

— Ну, ужъ это мое дѣло. Я знаю, что вамъ меня вознаграждать нечѣмъ.

— Совершенно нечѣмъ.

— Но, однако, вы мнѣ отдадите чтò у васъ есть готово?

— То-есть, что же такое вы желаете получить?

— То-есть я желаю получить векселя княгини съ Бодростинскими надписями.

Артистъ началъ было увѣрять, что у него ничего подобнаго нѣтъ, но когда Гордановъ пугнулъ его обыскомъ, то онъ струсиль и смятенно подалъ два векселя, которые Павелъ Николаевичъ прочелъ, посмотрѣлъ и объявилъ, что работа въ своемъ родѣ совершеннѣйшая, и затѣмъ спряталъ векселя въ карманъ, а артисту велѣлъ какъ можно скорѣе убираться, о чемъ тотъ и не заставлялъ себѣ болѣе повторять.

Онъ одѣвался, лепеча Горданову, что, ѣдучи въ Россію, онъ никакъ не думалъ заниматься здѣсь подобными дѣлами, но что его неудачи шли за неудачей, музыки его никто не хотѣлъ слушать и вотъ...

Гордановъ этому даже пособолѣзновалъ и сказалъ, что наша петербургская публика въ музыкальномъ отношеніи очень разборчива, и что у насъ не мало европейскихъ знаменитостей проваливалось, а затѣмъ далъ артисту нотацию не бросаться ни на одну желѣзную дорогу, ибо тамъ ему угрожалъ бы телеграфъ, а посоветовалъ ему съѣсть на финляндскій пароходъ и благополучно удирать въ Стокгольмъ, а оттуда въ любое мѣсто, гдѣ могутъ найтись охотники слушать его музыку.

Артистъ такъ и сдѣлалъ. О княгинѣ онъ было заикнулся, но Гордановъ такъ вѣско и внушительно помахалъ пальцемъ, что тотъ и языкъ потерялъ.

— Вы объ этомъ и думать не смѣйте! И писать ей не смѣйте, иначе вы погнѣби,—наказывалъ Гордановъ.

— А она?

— О ней не беспокойтесь. Развѣ вы не понимаете, въ чемъ дѣло и почему васъ только высылаютъ?

Артистъ при всемъ горестномъ своемъ положеніи осклабился.

— Она остается здѣсь, потому что ея присутствіе тутъ доставляетъ удовольствіе...—Тутъ Гордановъ пригнулъ и шепнулъ что-то на ухо артисту. Тотъ даже присѣлъ. Черезъ часъ онъ уже плылъ подъ густымъ дымомъ финляндскаго парохода.

Выпроводивъ артиста съ такими напутствіями, Павелъ Николаевичъ стройно устанавливалъ отношенія Бодростина съ княгиней Казимирой, которая хватилась скринача на

другой день, но, пометавшись всюду, убѣдилась, что его нѣтъ и искать его негдѣ. Кризисъ разрѣшился у ней обильемъ нервныхъ слезъ и припадкомъ отчаянной раздражительности, которую Бодростинъ не зналъ какъ успокоить и искалъ въ этомъ случаѣ помощи и содѣйствія Горданова, но тоже искалъ напрасно, потому что и Ропшинъ, и слуги, разосланные за Павломъ Николаевичемъ, нигдѣ его не могли отыскать.

Его лишь случайно нашелъ Кишенскій на станціи Варшавской желѣзной дороги. Они оба столкнулись, отвернулись другъ отъ друга и разошлись, но потомъ снова столкнулись и заговорили, когда поѣздъ отѣхалъ и они остались на платформѣ.

— Вы вѣрно кого-нибудь хотѣли проводить? — спросилъ Кишенскій, здравствуясь съ Гордановымъ.

— Да-съ, я-съ хотѣлъ-съ кого-то проводить; а вы тоже проводить желали? — отвѣчалъ не безъ насмѣшки въ голосѣ Гордановъ.

— Да, и я.

— Только не удалось?

— Не удалось.

— Представьте, и мнѣ тоже! Какъ вы думаете, гдѣ онъ теперь, каналья?

— Вы о комъ же говорите?

— Да все о немъ же, о немъ.

— То-есть...

— То-есть о томъ, кого вы хотѣли встрѣтить, или проводить, да не проводили и не встрѣтили. Скажите, дорого вамъ платять за вашу службу по этой части?

— Я думаю столько же, сколько и вамъ.

— Сколько же!.. ну, этого быть не можетъ.

— А отчего вы такъ думаете?

— Да вы не стѣдите столько, сколько я.

— Вотъ какъ!

— Конечно! Я о васъ полюбопытствовалъ: вы вѣдь употребляетесь для дѣлъ грязенькихъ, грубыхъ этакихъ... да?

— Да-съ; я языковъ не знаю, — отвѣчалъ спокойно Кишенскій.

— Ну, не одно это только, что вы языковъ не знаете, а у васъ... вообще, я думаю, очень многого недостаетъ для тонкихъ сношеній.

— Напримѣрь-сь, чего же бы это еще мнѣ недостасть?

— Напримѣрь? нечего тутъ напрімѣрь! Напримѣрь, вы вотъ совсѣмъ для хорошаго общества не годитесь.

— Да я и не гонюсь-сь за этимъ обществомъ-сь, и не гонюсь-сь; но вы напрасно тоже думаете, что васъ озолотятъ. Надуютъ-сь! Ужъ много такихъ же, какъ вы, франтовъ разлегались: думали тоже, что имъ за ихъ бонъ-тонъ нивѣсть сколько отсынять. Вздоръ-сь! и здѣсь есть кому деньги-то забирать...

— Да вы много понимаете! — отвѣтилъ съ презрѣніемъ Гордановъ.

— Я-то понимаю. Я знаю изъ-за чего вы сюда ударились.—При этихъ словахъ Кишенскій побагровѣлъ отъ досады и молвилъ:—но вы не безпокойтесь, кто бы васъ ни защищалъ за ваши обѣщанія открыть что-то важное, вы мнѣ все-таки отдадите деньги, потому что вы ихъ должны.

— Да, долженъ, не спору, но отдамъ не скоро, — отвѣчалъ, насмѣхаясь надъ нимъ, Гордановъ.

— Да-сь, отдадите.

— Только не скоро.

— И это же подло. Чѣмъ же вы хвастаетесь? Тѣмъ, что вамъ удалось представиться важнымъ дѣятелемъ, способнымъ обпаружить невѣдомо какія махинаціи, и что я принужденъ долгъ вамъ отсрочить, какъ нужному человѣку, я отсрочу-сь, отсрочу; но... но мы съ вами, господинъ Гордановъ, все-таки сочтемся.

— Какъ же, какъ же: непременно сочтемся: я вотъ удостоѣрюсь, правду ли вы мнѣ все это сказали, и тогда сочтемся.

— Да, сочтемся-сь, потому, знаете ли, что я вамъ скажу: я видѣлъ много всякихъ мошенниковъ и плутовъ, но со всѣми съ ними можно вести дѣло, а съ такими людьми, какіе теперь пошли...

— И плутовать нельзя?

— Именно.

— Это значитъ, близка кончина міра.

— И я то же думаю.

— Ну, такъ совѣтую же вамъ прочее время живота вашего скончать въ мирѣ и покаяніи,—сказалъ ему насмѣшливо Гордановъ и, крикнувъ кучера, уѣхалъ, взметая пыль въ глаза оставшемуся на тротуарѣ ростовщику.

«Ослушаться и представить на него ко взысканію?—думаль, идучи въ одну изъ своихъ редакцій, Кишенскій, — но... во-первыхъ, у него ничего нѣтъ и онъ отсидится въ долговомъ, да и только, и кромѣ того... бѣды наживешь: разорвать всё эти связи, станутъ на каждомъ шагу придираться по каскѣ... Вотъ, чортъ возьми, что странно-то и скверно, а впрочемъ, дьяволъ меня дернулъ разоблачать предъ нимъ тайны учрежденія! Все это несдержанное зло закинуло, а онъ этимъ можетъ воспользоваться и перессоритъ меня съ начальствомъ... Да! Какъ бы не такъ: сейчасъ и перессоритъ? Да кто же ему повѣритъ?.. Кто же у насъ кому-нибудь вѣритъ? и мнѣ не вѣрятъ, и ему не повѣрятъ, какъ я самъ никому не вѣрю... Кругомъ пошло!»

Но мы оставимъ на время и Кишенскаго, какъ оставили артиста, и поспѣшимъ къ позабытой нами Глафирѣ Васильевнѣ, которая во все это время, какъ мы окидывали бѣглымъ взоромъ операціи нашихъ достойныхъ дѣятелей, продолжаетъ оставаться сидя въ своей постели предъ ларцомъ, изъ котораго на ея колѣни высыпана куча пестрыхъ листковъ почтовой бумаги.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О т б о й.

Глафира Васильевна имѣла предъ собою обстоятельную лѣтопись всѣхъ петербургскихъ событій и притомъ съ различныхъ сторонъ. Помимо вѣсти отъ Горданова, Ропшина и самого Бодростина, были еще письма Ципри-Кипри (она получала по десяти рублей за каждое письмо съ доносомъ на Горданова), и наконецъ вчера Глафира получила два письма, изъ которыхъ одно было написано почеркомъ, заставившимъ Висленева затрепетать.

Бодростина это замѣтила и спросила Жозефа о причинѣ его замѣшательства, но онъ могъ только молча указать рукой на пакетъ.

Глафира разорвала конвертъ и, прочтя внизу исписаннаго листка имя «Кишенскій», махнула Висленеву рукой, чтобъ онъ вышелъ.

Это было часъ за полночь по возвращеніи Бодростиной и состоявшаго при ней Висленева со спиритской бесѣды у Аллана Кардека, куда Бодростина участвовала съ неизмѣннымъ постоянствомъ и гдѣ давно освоилась со всѣми при-

бывающими медиумами, видящими, слышащими, пишущими, рисующими или говорящими, и со всеми «философами», убежденными въ истинѣ спиритской системы, но ничего необыкновеннымъ путемъ не видящихъ, не слышащихъ и не говорящихъ. Глафира Васильевна принадлежала къ послѣднимъ, то-есть къ спиритамъ, не одареннымъ необыкновенными способностями, а только «убежденнымъ въ ученіи спиритизма и въ способности медиумовъ». Висленевъ же былъ медиумъ видящій, слышащій, пишущій и говорящій. Способности эти обнаружались въ немъ быстро и внезапно, сначала предчувствіями, которыя онъ имѣлъ, ожидая Бодростину въ пограничномъ городишкѣ, откуда послѣ своего побѣга прислалъ Горданову письмо, подписанное псевдонимомъ *Espérance*, а потомъ... потомъ духи начали писать его рукой увѣщанія Бодростиной полюбить Юсафа Платоновича. Глафира Васильевна читала эти «общенія» духа, и, повидимому, внимала имъ и вѣрила, но... но для Висленева все еще не наступало счастливаго времени, когда подобныя увѣщанія духа были бы излишними.

Такъ было во все время состоянія Висленева за границей при особѣ Бодростиной и такъ стояло дѣло и въ минуту, когда Глафира, прочтя подпись Кишенскаго подъ полученнымъ ею письмомъ, дала Висленеву рукой знакъ удалиться.

Кто (какъ мы), долго не видя Висленева, увидалъ бы его въ эту минуту, или вообще увидалъ бы его съ тѣхъ поръ, какъ онъ выскочилъ изъ фіакра, подавъ руку траурной Бодростиной, и сопровождалъ ее, неся за нею шаль, тотъ нашелъ бы въ немъ ужасную перемѣну: темя его еще болѣе порѣдѣло, носъ вытянулся, и на блѣдныхъ щекахъ обозначались красноватые, какъ будто наинъекцированны гарминомъ жилки; глаза его точно сейчасъ только проснулись, и въ нихъ было какое-то смущеніе, смѣшанное съ робостью и рискомъ на «авось вынесетъ», на «была не была». Вся его фигура носила отпечатокъ снѣдавшихъ его безпокойства, страсти и нерѣшимости.

Увидѣвъ противный для него почеркъ Кишенскаго и вслѣдъ затѣмъ мановеніе руки, которымъ Бодростина удаляла его изъ своей комнаты, онъ не осмѣлился возражать ей, но и не тронулся къ двери, не вышелъ, а помялся на одномъ мѣстѣ, робко присѣлъ на стулъ и поникъ головой долу.

Бодростина внимательно читала письмо Кишенскаго и, дочитавъ его до конца, оборотила листокъ и начала читать наново. Затѣмъ она положила письмо на колѣни и, разорвавъ другой конвертъ, принялась читать посланіе Горданова.

Въ это время Висленевъ всталъ и тихо заходилъ по устланной толстымъ зеленымъ сукномъ комнатѣ. Онъ шагаль изъ угла въ уголь, то закидывая голову назадъ и глядя въ потолокъ, то быстро опуская ее на грудь и какъ бы о чемъ-то задумываясь. Во все это время уста его что-то шептали, иногда довольно слышно, а руки дѣлали вздрагивающія движенія, межъ тѣмъ какъ самъ онъ приближался по діагонали къ Бодростиной и вдругъ, внезапно остановясь возлѣ ея кресла, тихо и какъ будто небрежно взялъ съ ея колѣнъ письмо Кишенскаго и хотѣлъ его пробѣжать, но Глафира, не прекращая чтенія другого письма, молча взяла изъ рукъ Висленева похищенный имъ листокъ и положила его къ себѣ въ карманъ.

Висленевъ, не смущаясь, отошелъ; еще нѣсколько разъ прошелся изъ конца въ конецъ комнаты и потомъ, тихо приблизясь къ двери, осторожно вышелъ и побрелъ по темной лѣстницѣ въ свою мансарду.

«Черный царь» изъ поэмы Фрейлиграта, уходя въ палатку съ своимъ барабаномъ, въ который онъ билъ, находясь въ нозорномъ цѣвну, не былъ такъ жалокъ и несчастливъ, какъ Висленевъ — этотъ вождь разбѣжавшагося воинства, состоящій нынѣ на хлѣбахъ изъ милости,

Бодростина не обратила на него никакого вниманія и продолжала читать и перечитывать полученныя ею письма, морила лобъ и болѣзненно оживлялась. Да и было отъ чего.

Кишенскій, котораго она презирала и съ которымъ давно не хотѣла имѣть никакихъ сношеній, зная всю неприязнь къ нему Глафиры, рѣшился писать ей объ обстоятельствахъ важныхъ и притомъ такихъ, которыя онъ, при всей своей зоркости, почиталъ совершенно неизвѣстными Бодростиной, межъ тѣмъ какъ они были ей извѣстны, но только частями, и становились тѣмъ интереснѣе при разясненіи ихъ съ новой точки зрѣнія. Кишенскій имѣлъ тѣ же взгляды, что и Ропшинъ, служившій шпіономъ Глафиры за одинъ поцѣлуй, купленный цѣной предательства и подлога. Онъ видѣлъ, что Гордановъ путаетъ и запутываетъ старика Вод-

ростина съ самыми темными предпринимателями, отбивая тѣмъ практику у самого Кишенскаго, который имѣлъ въ виду сдѣлать все это самъ съ непосредственною выгодой для себя. Не сознаваясь, разумѣется, въ этой послѣдней мысли, Кишенскій становился предъ Глафирой на нѣкоторую нравственную высоту, и чувствуя, что ему не совѣмъ ловко стоять предъ этою умною женщиною въ такой неестественной для него позиціи, оправдывался, что «хотя ему и не къ лицу проповѣдывать мораль, но что есть на свѣтѣ вещи, которыя все извиняють». Такимъ образомъ извинившись предъ Глафирой въ томъ, что онъ позволяетъ себѣ стать за какую-то честность и обличать какое-то зло, онъ перешелъ къ изложенію болѣе или менѣе извѣстной намъ исторіи сближенія Михаила Андреевича Бодростина съ княгиней Казимирой, указывалъ несомнѣнно участіе во всемъ этомъ Павла Горданова, который опутывалъ Бодростина съ помощью разной сволочи, собирающейся на рауты и ужины Казимиры, и... Тутъ г. Кишенскій опять встрѣтилъ необходимость извиниться и подкрѣплять себя различными наведеніями и сопоставленіями. Онъ писалъ Бодростиной, чтобъ она пріѣзжала «спасать мужа или его состояніе, потому что сношенія съ гнуснѣйшими негодяями, вовлекающими его въ отчаянныя предпріятія, угрожаютъ ему несомнѣнною бѣдой, то-есть разореніемъ». Но, выдавая Горданова, Кишенскій хорошо понималъ, что Глафира, зная его, конечно, станетъ доискиваться: какія выгоды имѣетъ онъ предостерегать ее и вредить Горданову? А Кишенскій не могъ указать никакихъ такихъ выгодъ, чтобъ онъ показались Глафирѣ вѣроятными, и потому прямо писалъ: «Не удивляйтесь моему поступку, почему я все это вамъ довожу: не хочется вамъ лгать, я дѣйствую въ этомъ случаѣ по мстительности, потому что Гордановъ мнѣ сдѣлалъ страшныя непріятности и защитился такими путями, которыхъ нѣтъ на свѣтѣ презрѣннѣе и хуже, а я на это даже не могу намекнуть въ печати, потому что, какъ вы знаете, Гордановъ всегда умѣлъ держаться такъ, что онъ ничѣмъ не извѣстенъ и о немъ нѣтъ повода говорить; во-вторыхъ, это не безопасно, потому что его протекторы могутъ меня преслѣдовать, а въ-третьихъ, что самое главное, наша петербургская печать въ этомъ случаѣ уподобилась тому пастуху въ баснѣ, который, шутя, кричалъ: «волки,

волки!» когда никакихъ волковъ не было, и къ которому никто не вышелъ на помощь, когда дѣйствительно напалъ на него волкъ. Такъ и съ нами: помните, бывало, мы отъ скуки, шутя себѣ, выкрикиваемъ: «шпіонъ, шпіонъ!» и всѣ думали, что это ничего, а между тѣмъ вышло, что мы этою легкомысленностію надѣлали себѣ ужасный вредъ, и нынче, когда таковые вправду изъ нашего лагеря размножились, мы уже настоящаго шпіона обличить не можемъ, ибо вслѣдствіе подумаетъ, что это не болѣе какъ по-старому: со злости и понапрасну. Не только печатать, а даже и дружески предупреждать стало бесполезно, и я прекрасно это чувствую въ сію минуту, дописывая вамъ настоящія строки; но вѣрьте мнѣ, что я вамъ говорю правду, вѣрьте... вѣрьте хоть ради того, чортъ возьми, что, стоя этакъ на ножкахъ другъ съ другомъ, какъ стали у насъ другъ съ другомъ всѣ въ Россіи, приходится вѣрить, что безъ довѣрія жить нельзя, что... однимъ словомъ, *надо вѣрить*.

«И это пишетъ Кишенскій», подумала Глафира и, отбросивъ его листокъ, съ несравненно большимъ вниманіемъ обратилась ко второму письму. Это было коротенькое письмо, въ которомъ Павелъ Николаевичъ выписалъ шутя извѣстные слова Диккенса въ одной изъ блестящихъ главъ его романа «Домби и Сынъ», именно въ главѣ, гдѣ описывается рожденіе этого сына. «Священнѣйшее таинство природы совершилось: за всколыхнувшимися завѣсами кровати послышался плачь новаго пришельца въ этотъ міръ скорби». Далѣе онъ прибавлялъ, что непосредственно затѣмъ исполнено таинство вельнїи Глафиры, то-есть, что «новый пришлецъ въ міръ скорби» изнесенъ изъ комнаты, гдѣ онъ увидѣлъ свѣтъ, на рукахъ Михаила Андреича и *имъ же* переданъ женщинѣ, которая благополучно сдала его въ Воспитательный Домъ. «Теперь,—кончалъ Гордановъ,—не имѣя чести знать далѣе вашихъ плановъ, заключаю мое сказаніе тѣмъ, что *cela vous concerne, madame*».

Прочитавъ эти письма по возвращеніи съ Висленевымъ изъ спиритической бесѣды, Глафира Васильевна уже не спала, и шумъ рано просыпающагося квартала не обезпокоилъ ее, а напротивъ, былъ ей даже приятенъ: живая натура этой женщины требовала не сна, а дѣятельности, и притомъ, можетъ-быть, такой кинучей, какой Глафира Бодрина до сихъ поръ не оказывала ни разу.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Monsieur Borné.

Переглядѣвъ наскоро всѣ письма, за которыми мы ее оставили, Глафира торопливо свалила весь этотъ архивъ назадъ въ античный ларецъ и, накинувъ на себя темный пеплумъ на мягкой индiйской подкладкѣ, позвонила служанку и велѣла ей позвать monsieur Borné.

Дѣвушка отвѣтила «oui, madame» и, возвратясь черезъ минуту назадъ, объявила, что требуемая особа сейчасъ явится.

Особа эта была не кто иной, какъ нашъ прiятель Юсафъ Платоновичъ Висленевъ.

Несмотря на то, что Жозефъ, чуждый тревогъ своей принципиальши, спалъ крѣпкимъ сномъ, когда его разбудили, онъ успѣлъ встать и одѣться такъ проворно, что Глафира Васильевна, дѣлавшая въ это время свой туалетъ, испугалась и воскликнула:

— Боже мой! ma chère, сюда идетъ мужчина!

Но служанка, выглянувъ изъ-за двери, которую хотѣла запереть, тотчасъ же отмѣнила это намѣренiе и отвѣчала:

— Mais non, madame. C'est monsieur Borné.

Но Глафиру Васильевну это все-таки не успокоило, и она, приказавъ служанкѣ опустить портьеру, сказала Висленеву по-русски, чтобъ онъ подождалъ ее въ коридорѣ.

— Хорошо-съ; я пробѣгу газеты здѣсь, — отозвался Жозефъ.

— Нѣтъ, пробѣгите ихъ гораздо лучше тамъ, — отвѣчала изъ-за драпировки Глафира.

— То-есть гдѣ это тамъ?.. Опять идти къ себѣ наверхъ?

— Нѣтъ, присядьте просто на лѣстницѣ или походите по коридору.

— Да, присядьте на лѣстницѣ, — недовольно пробурчалъ себѣ подъ носъ Висленевъ, и, выйдя за дверь, въ самомъ дѣлѣ присѣлъ на окнѣ и задумался, глядя на бродившую по двору нестройную цесарскую насѣдку привратницы. Онъ думалъ и имѣлъ, повидимому, не сладкую думу, потому что опущенныя князу вѣки его глазъ, несмотря на недавнее утреннее омовенiе ихъ при утреннемъ туалетѣ, начинали видимо тяжѣть и, наконецъ, на одной рѣсницѣ его проступила и повисла слеза, которую онъ тщательно

заслонил газетнымъ листомъ отъ пробѣгавшей мимо него въ ту минуту горничной, и такъ въ этомъ положеніи и остался.

«Боже, Боже!»—думалъ онъ, припоминая цесарку и ея цыплятъ:—когда мы пріѣхали сюда съ Сѣверной желѣзной дороги и я вошелъ къ привратницѣ спросить: нѣтъ ли здѣсь помѣщенія, меня встрѣтила вотъ эта самая пестрая курочка и она тогда сама миѣ казалась небольшимъ цыпленочкомъ, и вотъ она уже нанесла яицъ и выводитъ своихъ дѣтей, а... меня тоже все еще водятъ и водятъ, и не вѣдаю я, зачѣмъ я хожу»...

Онъ припомнилъ все, что онъ вынесъ,—конечно не всю свою жизнь,—нѣтъ; это было бы слишкомъ много, да и напрасно, потому что все претерѣнное имъ въ Петербургѣ, до бѣгства по оброку въ провинцію, онъ уже давно позабылъ и, вѣроятно, даже считалъ не существовавшимъ, какъ позабылъ и считалъ никогда не существовавшимъ происшествіе съ гордановскимъ портфелемъ, до сихъ поръ ничѣмъ не оконченное и какъ будто позабытое самимъ Гордановымъ; и зеленое платье... странное зеленое платье, которое бросило въ окно выпавшій изъ рукъ его ножъ... Какъ человѣкъ, ведущій постоянную большую игру, онъ давно пустилъ все это на смарку; но неудачь, которыя преслѣдовали его съ той поры, какъ онъ встрѣтилъ въ чужихъ краяхъ Графиру, онъ не могъ забыть ни на минуту. Въ его страданіяхъ была уже та старческая особенность, что онъ не чувствовалъ крупнѣйшихъ ударовъ, нанесенныхъ ему нѣсколько времени назадъ, но нервно трепеталъ и замиралъ отъ всякаго булавочнаго укола въ недавнемъ; а они, эти уколы, были часты и жгли его какъ моксы гальванической щетки. Они всѣ у него на счету и всѣ составляютъ рядъ ступеней, по которымъ онъ дошелъ до нынѣшняго своего положенія съ кличкой *monsieur Borné*.

Вотъ краткій, но грустный перечень этихъ несчастій: бѣды начались съ самаго начала, или, лучше сказать, онѣ и не прерывались. Самая встрѣча Жозефа съ Глафирой была совсѣмъ не такою, какой онъ ожидалъ: Бодростина даже не остановилась въ томъ городкѣ, гдѣ онъ ее ждалъ, и не очичила въ нанятой Жозефомъ садовой бесѣдкѣ, которую Висленевъ на послѣднія деньги убралъ цвѣтами и пр. Нѣтъ, эта холодная женщина едва кое-какъ наскоро

повидалась съ нимъ чрезъ окно вагона и, велѣвъ ему догонять ее съ слѣдующимъ же поѣздомъ въ Прагу, понеслась далѣе. Это, разумѣется, было очень непріятно и само по себѣ, потому что добрый и любящій Жозефъ ожидалъ совсѣмъ не такого свиданія; но сюда примѣшивалась еще другая гадость: Глафира пригласила его *на лѣту* ѣхать за нею въ Прагу, что Жозефъ, конечно, охотно бы и исполнилъ, если бъ у него были деньги, или была, по крайней мѣрѣ, наглость попросить ихъ тутъ же у Глафиры; но какъ у Иосафа Платоновича не было ни того, ни другого, то онъ не могъ выѣхать, и вмѣсто того, чтобы лѣтъ въ Прагу съ слѣдующимъ поѣздомъ, какъ желало его влюбленное сердце, онъ долженъ былъ еще завести съ Глафирой Васильевной переписку о займѣ трехсотъ гульденовъ. Наконецъ онъ получилъ отъ нея эти деньги, но не прямо изъ ея рукъ, а чрезъ контору, и съ наказомъ, для вящаго маскированія этихъ отношеній, расписаться въ полученіи этихъ денегъ, какъ мажордомъ Бодростиной, что Висленевъ въ точности и исполнилъ, хотя и улыбался женскому капризу Глафиры, наименовавшей его въ переводномъ векселѣ своимъ мажордомомъ... Помнить онъ далѣе, какъ онъ лѣтъ въ Прагу, какъ онъ, задыхаясь, вбѣжалъ въ номеръ отеля, гдѣ пребывала Глафира и... и потерялъ съ этой минуты свое положеніе равноправнаго съ нею человѣка. Онъ помнитъ Глафиру, окруженную какимъ-то чехомъ, двумя южными славянами съ греческимъ типомъ и двумя пожилыми русскими дамами съ сѣдыми пуклями; онъ помнитъ всѣ эти лица и помнитъ, что, прежде чѣмъ онъ рѣшилъ себѣ, чему приписать ихъ присутствіе въ помещеніи Бодростиной, она, не давъ ему вымолвить слова и не допустивъ его поставить на полъ его бѣдный саквояжъ, сказала:

— А вотъ, наконецъ, и мой мажордомъ; теперь, *с'ère princesse*, мы можемъ ѣхать. Вы не развязывайте вашихъ вещей, *monsieur Joseph*: мы сегодня же выѣзжаемъ. Вотъ вамъ деньги, отправьтесь на желѣзную дорогу и заготовьте семейное купѣ для меня съ баронессой и съ княгиней, и возьмите мѣсто второго класса себѣ.

— Возьмите, любезный, тамъ также мѣсто и моему стряпчему,—добавила сѣдая баронесса, вынимая изъ портмонея двумя пальцами австрійскую ассигнацію.

— Да, возьмите мѣсто стряпчему баронессы,—приказала ему Глафира, и обратила свой слухъ и все свое вниманіе къ рѣчамъ чеха, говорившаго объ утратѣ славянами надежды на Россію.

Глафира, казалось, была вся поглощена рѣчами этого единоплеменника, но человѣкъ, болѣе Висленева наблюдательный, не могъ бы не замѣтить, что она искоса зорко и даже нѣсколько тревожно слѣдила за всѣми дѣйствіями и движеніями Жозефа, и когда онъ вышелъ, даже подавила въ себѣ вздохъ отраднаго успокоенія.

Висленевъ могъ гордиться, что онъ въ точности понялъ камертонъ Глафиры и въ совершенствѣ заплѣлъ подъ него; Глафира могла быть покойна, что съ этой поры Висленевъ уже не выйдетъ изъ своей лакейской роли.

Такъ и случилось: въ Прагѣ Юсафъ Платоновичъ не имѣлъ минуты, чтобы переговорить съ Глафирой наединѣ; путешествуя до Парижа въ сообществѣ стряпчаго баронессы, онъ совсѣмъ почти не видалъ Глафиры, кромѣ двухъ исключительныхъ случаевъ, когда она звала его и давала ему порученія при таможенномъ досмотрѣ вещей. Съ баронессинимъ стряпчимъ, своимъ компаньономъ по второклассному вагону, новый мажордомъ говорилъ мало и неохотно: его унижало въ его собственныхъ глазахъ это сообщество съ человѣкомъ, возведеннымъ къ званію стряпчаго, очевидно, единственно ради важности, а въ самомъ дѣлѣ бывшего просто грамотнымъ дворецкимъ, которому было поручено веденіе дорожныхъ расходовъ и счетовъ и переписки по требованію денегъ отъ управителей домовъ и земель баронессы. Принужденное сообщество съ такимъ человѣкомъ, разумѣется, и не могло приносить Висленеву особаго удовольствія, тѣмъ болѣе, что Юсафъ Платоновичъ съ первыхъ же словъ своего полутчика убѣдился, что тотъ стоялъ на самой невысокой степени умственнаго развитія и, по несомнѣнному преобладанію въ немъ реализма, добивался только сравнительныхъ выводовъ своего положенія при баронессѣ и положенія Висленева при его госпожѣ Бодростиной. Онъ жаловался ему на безпокойство характера и причудливость баронессы и описывалъ трудность своего положенія, весьма часто низводимаго безпокойною принципалкой до роли чисто лакейской. Висленевъ, не желая продолжать этого разговора, отвѣчалъ, что въ его положеніи ничего подобнаго нѣтъ, да

и быть не можетъ, какъ по характеру госпожи Бодростиной, такъ особенно по его личному характеру, о которомъ онъ отозвался съ большимъ почтеніемъ, какъ о характерѣ, не допускающемъ ни малѣйшей прииженности. Баронессинъ стряпчій ему позавидоваль, и эта зависть еще увеличилась въ немъ, когда онъ, сообщивъ Висленеву цифру своего жалованія, узналъ отъ Юсафа Платоновича, что Бодростина платитъ ему гораздо дороже,—именно сто рублей въ мѣсяць. Висленевъ никакъ не могъ оцѣнить себя дешевле этой круглой цифры и столь раздражилъ этимъ хвастовствомъ баронессинаго стряпчаго, что тотъ рѣшилъ во что бы то ни стало немедленно же требовать себѣ прибавки «въ сравненіи съ сверстниками», и, перенося въ Кельнѣ сакъ своей баронессы, уже достаточно сгрубилъ ей и далъ ей почувствовать свое неудовольствіе.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Парижскія бѣды *monsieur Borgé*.

Въ Парижѣ съ Жозефомъ сдѣлалось нѣчто еще болѣе мудреное. Снося свою унижительную роль дорогой, Висленевъ надѣялся, что онъ въ первый и послѣдній разъ разыгрываетъ роль мажордома, и твердо ступилъ на землю Парижа. И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь онъ у самаго амбаркадера былъ приглашенъ Глафирой въ экипажъ, сѣлъ съ нею рядомъ, надулся и промолчалъ во все время переѣзда, пока карета остановилась предъ темнымъ подъѣздомъ *Hôtel de Margot* въ *rue Seine*.

Это притворное, капризное дутье на Глафиру было новымъ неблагоразуміемъ со стороны Жозефа. Отмалчиваясь и дуясь, онъ нисколько не затруднялъ положенія Глафиры, которая равнодушно смотрѣла на дома улицъ и не думала о Висленевѣ. Это дутье даже дало Глафирѣ поводъ поставить его въ Парижѣ на еще болѣе обидную ногу, чѣмъ прежде. Глафира заняла въ *Hôtel de Margot* лучшее отдѣленіе и потребовала *une petite chambre* отдѣльно для своего секретаря. Висленевъ, слыша эти распоряженія, усугублялъ свое молчаливое неудовольствіе, не захотѣлъ окинуть глазомъ открытую предъ нимъ мансарду верхняго этажа и зато былъ помѣщенъ въ такой гадостной лачугѣ, что и Бодростина, при всей своей пренебрежительности къ нему, не оставила бы его тамъ ни на одну минуту, если бы она ви-

дѣла эту жалкую клѣтку въ одно низенькое длинное окошечко подь самымъ склономъ косога потолка. Но Глафира никогда здѣсь не была, никогда не видала помѣщенія своего несчастнаго секретаря и мажодорма, и онъ такъ и завалился тутъ, въ этомъ никому не потребномъ чуланншкѣ.

Помнить онъ первые свои дни въ Парижѣ, тѣ дни, когда онъ еще устанавливался и дулся, какъ бы имѣя право на что-то претендовать. Онъ упорно оставался въ своей копурѣ и ничего въ ней не приводилъ въ порядокъ, и не шелъ къ Глафирѣ. Онъ хотѣлъ показать ко всему полное презрѣніе и заставить Бодростину это замѣтить, но это положительно не удавалось. Глафира Васильевна не только не роптала на него за его отсутствіе, но въ пять часовъ вечера прислала ему пакетикъ, въ которомъ былъ сто-франковый билетъ и лаконическая записка карандашомъ, извѣщавшая его, что онъ здѣсь можетъ располагать своимъ временемъ какъ ему угодно и кушать, гдѣ найдетъ удобнѣе, въ любую пору, такъ какъ стола дома не будетъ. О назначеніи приложенныхъ ста франковъ не было сказано: это было дано на хлѣбъ насущный. Висленевъ, впрочемъ, думалъ было возвратить эти деньги, или намѣревался хоть поговорить, что принимаетъ ихъ на благородныхъ кондичіяхъ займы, но дверь Бодростинной была заперта, а затѣмъ, когда голодъ заставилъ его почать ассигнацію, онъ уже не думалъ о ней разговаривать. Теперь онъ только соображалъ о положеніи, въ которомъ очутился, и о томъ, какое взято самою Глафирой, конечно, по собственной своей волѣ. По его мнѣнію, ей, разумѣется, совсѣмъ не такъ слѣдовало бы жить, и Висленевъ объ этомъ очень резонно рассуждалъ.

— Я бѣжалъ, я ушелъ отъ долговъ и отъ суда по этой скверной исторіи Горданова съ Подозеровымъ, мнѣ уже такъ и быть... мнѣ простиительно скитаться и жить какъ попало въ такомъ мурьѣ, потому что я и бѣденъ, и боюсь обвиненія въ убійствѣ, да и не хочу попасть въ тюрьму за долги; но ей... Я этого рѣшительно не понимаю; я рѣшительно не понимаю и не могу понять, зачѣмъ она такъ странно ведетъ себя? Чтѣ за выходки такія, и для чего она нырнула прямо сюда, въ этотъ гадостный кварталъ и... и возится съ какими-то старухами и стариками... тогда какъ мы могли жить... могли жить... совсѣмъ иначе и безъ

всякихъ стариковъ... Да что это, наконецъ, за глупость въ самомъ дѣлѣ!

Висленеву стало такъ грустно, такъ досадно, даже такъ страшно, что онъ не выдержалъ и въ сумерки второго дня своего пребыванія въ Парижѣ сбѣжалъ съ своей мансарды и толкнулся въ двери Бодростиной. Къ великому его счастью, двери эти на сей разъ были не заперты, и Юсафъ Платоновичъ, получивъ разрѣшеніе взойти, очутился въ пріятномъ полумракѣ предъ самой Глафирой, которая лежала на мягкомъ оттоманѣ предъ тлѣющимъ каминомъ и граціозно куталась въ волнистомъ пледѣ.

Здѣсь было такъ хорошо, тепло, уютно; темно-пунцовый цвѣтъ раскаленныхъ угольевъ нерѣшительно и томно сливался на срединѣ комнаты съ сѣрымъ свѣтомъ сумерекъ, и въ этомъ сліяніи какъ бы на самой чертѣ его колебалась тонущая въ мягкихъ подушкахъ дивана Глафира.

Она была очень хороша и въ эти минуты особенно напоминала одну изъ фей Шехеразады: вокругъ нея были даже клубы какого-то куренія, или это, можетъ-быть, только казалось.

Увидавъ въ такой обстановкѣ свою очаровательницу, Висленевъ позабылъ всѣ неудовольствія и пени, и, швырнувъ куда попало фуражку, бросился къ оттоману, сталъ на колѣни и, схвативъ руку Глафиры, прильнулъ къ ней страстнымъ и долгимъ поцѣлуемъ. Разумъ его замутился.

Мягкій шелковый пеплумъ Глафиры издавалъ тончайшій запахъ свѣжаго сѣна,—запахъ, сообщенный ему, въ свою очередь, очень причудливыми духами. Все болѣе и болѣе сгущающійся сумракъ, наступая сзади ея темною стѣной, точно придвигалъ ее къ огню камина, свѣтъ котораго ограничивался все болѣе и болѣе тѣснымъ кругомъ. Остальной міръ весь былъ темень, и въ маленькомъ пятнѣ свѣта были только *онъ* и *она*.

Висленевъ вскинулъ голову и взглянулъ въ ярко-освѣщенное лицо Глафиры. Она глядѣла на него спокойными, задумчивыми глазами и, медленно поднявъ руку, стала тихо перебирать его волосы.

Это произвело на Юсафа Платоновича особенное, какъ бы магнетическое, дѣйствіе, подъ вліяніемъ котораго онъ, принавъ устами къ другой рукѣ Глафиры, присѣлъ на полъ и положилъ голову на край дивана. Прошло нѣсколько ми-

нуть, и темнота еще гуще скутала эту пару, и магнетизмъ шевелившейся на головѣ Висленева нѣжной руки, вмѣстѣ съ усыпляющимъ тепломъ камина, помутилъ ясность представленийъ въ его умѣ до того, что онъ изумился, увидя надъ своимъ лицомъ лицо Глафиры. Бодростина, облокотясь на руку и склонясь, смотрѣла на него черезъ лобъ.

— Вы, кажется, спите? — спросила она его бодримъ и свѣжимъ голосомъ, внезапно разогнавшимъ всю таинственность и всѣ чары полумрака.

— Да, я было задремалъ,—отвѣчалъ Висленевъ, рассчитывая огорчить этими словами женское самолюбіе Глафиры; но Бодростина повернула эту сонливость въ укоръ ему и добавила съ усмѣшкой:

— Хорошо, очень хорошо! Два дня дулся, а на третій пришелъ да и спить... Нѣтъ, если вы такой, то я не хочу идти за васъ замужъ!

Висленевъ, боясь попасть въ рѣшительный тонъ, отвѣчалъ лишь съ легкимъ неудовольствіемъ, что онъ не понимаетъ даже, къ чему тутъ рѣчь о бракѣ, когда она замужемъ и онъ женатъ, но положеніе его таково, что и безъ брака заставляетъ желать не малаго.

— Ничего меньше,—отвѣчала Глафира: — или все, или ничего.

— Да я имѣю одно «ничего»,—обиженно молвилъ Висленевъ. — Я вѣдь вамъ по правдѣ скажу, я ровно-ничего не понимаю, что такое вы изъ меня строите. Это какое-то вышучиванье: что же я шутъ, что ли, въ самомъ дѣлѣ, чтобы слыть мажордомомъ?

— А вамъ развѣ не все равно, чѣмъ вы слывете и какъ называетесь?

— Извините меня; но мнѣ это совсѣмъ не все равно.

— Въ такомъ случаѣ, конечно... я очень сожалѣю, что я прибѣгла къ этимъ небольшимъ хитростямъ... Но я вѣдь въ простотѣ моей судила по себѣ, что дѣло не въ названіи вещи, а въ ея сути.

— Да вѣдь у меня же нѣтъ никакой и сути?

— А-а! если такъ, если для васъ суть заключается не въ томъ, чтобы видѣть меня и быть вмѣстѣ со мною, то, разумѣется, это не годится, и вы свободны меня оставить.

При этихъ словахъ она быстро отняла свою руку отъ его головы и начала зажигать спичку, держа ее въ такомъ

отдаленіи между собою и Висленевымъ, что послѣдній долженъ былъ посторониться и сѣлъ поодаль, ближе къ камину.

— Быть при васъ,—повторилъ онъ, вздыхая.—Да, суть въ томъ, чтобы быть при васъ, но *чѣмъ быть?* Вотъ въ чемъ дѣло! Гм... вы говорите о своей простотѣ, а между тѣмъ вы сдѣлали меня вашимъ слугой.

— А вы хотите, чтобы я себя компрометировала, чтобы вы слыли моимъ любовникомъ. Васъ унижаетъ быть моимъ слугой?

— Да-съ, унижаетъ, потому что дѣло въ томъ, *какимъ* слугой быть! Слугой, да не дворецкимъ.

— Да, ну это, можетъ-быть, мой промахъ; но что дѣлать, надо поступать такъ, какъ позволяютъ обстоятельства.

— Такихъ обстоятельствъ нѣтъ, которыя бы заставляли человѣка унижать другого равнаго до подобной низкой роли, до какой низведенъ я, потому что это остается на всю жизнь.

Бодростина расхохоталась и возразила:

— Какой вздоръ вы говорите! Почему же это останется на всю жизнь? Развѣ всѣ рыцари не бывали, въ свою очередь, прежде оруженосцами?

— То рыцари и тогда былъ вѣкъ, а теперь другой, и кто видѣлъ меня при васъ въ этомъ шутовскомъ положеніи лакея, для того уже я вѣчно останусь шутомъ.

— А я вамъ говорю, что это неправда.

— Нѣтъ-съ, это правда, и мнѣ очень не весело, что я въ этомъ водевилѣ изъ господъ попалъ въ лакеи.

— А вы были господиномъ? Это для меня новость.

Глафира лихо засмѣялась и снова добродушно коснулась рукой его головы.

— Если я и не былъ особеннымъ господиномъ, то... все-таки до сихъ поръ я никогда не былъ и лакеемъ,—проговорилъ смущенный Висленевъ.

— Ну, такъ успокойтесь же, вы и теперь никакъ не лакей, а если уже вамъ непременно хочется приравнивать свое положеніе къ водевильнымъ ролямъ, то вы «Стряпчій подь столомъ».

Глафира опять разсмѣялась и затѣмъ серьезнѣйшимъ и спокойнымъ тономъ прочитала своему собесѣднику нотацию за его недовѣріе къ ней и недалъновидность. Она разъ-

яснила ему всё самонаибольше его сомнѣнія съ такою ясностію, что Юсафъ Платоновичъ навсегда и прочно убѣдился не только въ цѣлесообразности, но даже и въ необходимости всѣхъ ея плановъ и предначертаній. Висленевъ безъ большого труда увѣровалъ, что Бодростина не могла и не можетъ выдавать его иначе, какъ выдаетъ, то-есть за ея мажордома, потому что баронесса и графиня, доводясь родственницами Михаила Андреевича, не преминули бы сдѣлать своихъ заключеній насчетъ пребыванія Юсафа при ея особѣ и не только повредили бы ей въ Россіи, но и здѣсь, на мѣстѣ, въ Парижѣ, не дали бы ступить шага въ тотъ кругъ, гдѣ она намѣрена встрѣтить людей, способныхъ разъяснить томлящія ее отвлеченные вопросы. Однимъ словомъ, она прямо объявила, что главнѣйшая цѣль ея прібытія въ Парижъ есть сближеніе съ Алланомъ Кардекомъ и другими вліятельнѣйшими лицами спиритическихъ кружковъ.

— Ваша роль, — добавила она, поднимаясь съ дивана и становясь предъ Висленевымъ:—ваша роль, пока мы здѣсь и пока наши отношенія не могутъ быть иными, какъ они есть, вполне зависитъ отъ васъ. Назвать васъ тѣмъ, чѣмъ вы названы, я была вынуждена условіями моего и вашего положенія, и отъ васъ зависитъ все это даже и здѣсь сдѣлать или очень для васъ тяжелымъ, какъ это было до сей минуты, или же... эта фиктивная разница можетъ вовсе исчезнуть. Какъ вы хотите?

— Разумѣется, я бы хотѣлъ, чтобъ она исчезла.

— Въ такомъ случаѣ... я не помню, право... мнѣ кажется, когда мы были тамъ... на хуторѣ, у Синтяниной...

— Да-съ.

— Когда мы были тамъ послѣ послѣдняго раза, какъ былъ у меня Сумасшедшій Бедуинъ и рассказывалъ про своего Испанскаго Дворянина...

— Предъ самою дуэлью Горданова?

— Да, предъ самымъ убійствомъ Подозерова.

— Вы говорите убійствомъ?

— Да, я говорю «убійствомъ». Предъ самымъ этимъ событіемъ вы говорили, что вы порой нѣчто такое чувствуете... что на васъ какъ будто что-то такое находило или находить?

— Ахъ, да... вы про это! Да, я иногда нѣчто этакое какъ будто ощущалъ.

— Что же именно такое?

— То-есть, какъ вамъ сказать: что такое именно, этого я вамъ рассказать не могу, но ощущалъ и именно что-то странное.

— На что же это, напримѣръ, хоть похоже?

— Рѣшительно, что ни на что не похоже, а совсѣмъ что-то такое... понять нельзя!

— Эту способность въ васъ слѣдовало бы опредѣлить. Я подозреваю въ васъ способность сдѣлаться медиумомъ, а если вы медиумъ, то поздравляю: вы можете доставить безконечную пользу и себѣ, и обществу.

— Что же, я готовъ,—отвѣтилъ Висленевъ.

— Но только я говорю: васъ надо испытать.

— Съ величайшимъ моимъ удовольствіемъ.

— И тогда, если окажется, что вы медиумъ и, какъ я полагаю, сильный медиумъ...

— Непремѣнно сильный, я это чувствую.

— Тогда, каково бы ни было ваше положеніе, оно не только не помѣшаетъ намъ быть всегда вмѣстѣ въ полномъ равенствѣ, но общество само станетъ у васъ заискивать и вы ему станете предписывать.

Бодростина замолчала; Висленевъ тоже безмолвствовалъ. Онъ что-то прозрѣвалъ въ напущенномъ Глафирой туманѣ, и вдали для него уже гдѣ-то мелодически рокотали привѣтные колокольчики, на звуки которыхъ онъ готовъ былъ спѣнить, какъ новый Вадимъ. Въ ухахъ у него тихо звонило, опущенныя руки тяжелѣли, подъ языкомъ становилось солоно,—онъ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ теперь право сказать, что ощущаетъ нѣчто неестественное, и естественнымъ путемъ едва могъ прошинѣть:

— А что же такое, напримѣръ, я буду послѣ обществу предписывать?

— Взгляды, мнѣнія, мало ли что!

— Да, да, да, понимаю.

— Какъ посредникъ высшихъ силъ, вы можете сдѣлать очень много, можете реформировать нравственность, разъяснять неразрѣшимыя до сихъ поръ дилеммы... ну, вообще обновлять, освѣжать, очищать человѣческое мышленіе.

— Да, да, понимаю: обновлять мышленіе, и только.

— Какъ и только!—удивилась Глафира.

— Да; то-есть можно только предписывать, обновлять

мышленіе... реформировать мораль и тому подобное, а ничего практическаго, реальнаго предписывать нельзя?

— Ничего реальнаго?.. Гм!—Глафира разсмѣялась и добавила:—а вамъ, вѣрно, думалось, что вы можете дать предписание перевезти къ вамъ кассы Ротшильда или Томсона Бонара?

— Нѣтъ, я знаю, что этого нельзя.

— Напрасно вы это знаете такимъ образомъ, потому что это, весьма напротивъ, не нельзя, а возможно.

У Висленева даже горло внутрь въ грудь потянуло.

— Какъ же возможно велѣть привезти къ себѣ кассы?

— Отчего же, если это будетъ внушено хорошимъ умомъ...

— Позвольте! позвольте!—перебилъ, вскочивъ съ мѣста, Висленевъ.—Теперь я понимаю.

— Едва ли?

— Нѣтъ-съ, понимаю, совершенно понимаю.

При этомъ онъ раскатился веселымъ смѣхомъ и заходилъ по комнатѣ.

Глафира молча зажгла свѣчи и пересѣла на другой диванъ.

— Теперь я понимаю все, — заговорилъ, остановясь съ таинственнымъ видомъ, Висленевъ.—Я понимаю васъ, понимаю ваше отступничество отъ прежнихъ идей, и я васъ оправдываю.

— Благодарю, — уронила Бодростина, начиная разрѣзывать новый томъ «Revue Spirite».

— Да; я не только васъ оправдываю, но я даже пойду по вашимъ стопамъ смѣлѣе и далѣе. Извольте-съ, извольте! увѣренный отнынѣ, что разрушеніе традицій и морали путемъ ласковаго спиритизма гораздо удобнѣе въ нашъ вѣкъ, чѣмъ путемъ грубаго матеріализма, я... я не только съ свободою совѣстью перехожу на вашу сторону, но... но я съ этой минуты дѣлаюсь ревностнѣйшимъ гонителемъ всякаго грубаго матеріализма, кромѣ...

— Конечно, кромѣ матеріализма въ любви,—перебила съ улыбкой Бодростина.

— И то нѣтъ; я вовсе не то хотѣлъ сказать, а я хотѣлъ бы, кромѣ всего этого, еще гдѣ-нибудь разразиться прогивъ матеріализма жестокою статьей и поставить свое имя въ числѣ его ярыхъ враговъ.

— Мѣсто готово.

— Гдѣ же?

— Идите переодѣньтесь и ѣдемъ.

Висленевъ всталъ, переодѣлся и поѣхалъ, и отъ этого ему сдѣлалось хуже.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Онъ теряетъ свое имя и получаетъ имя Устина.

Итакъ, они вышли, сѣли въ фіакръ и поѣхали. Ъхали много ли, мало ли, долго ли, коротко ли, и остановились: сердце у Жозефа упало какъ предъ экзаменомъ, и онъ перекрестился въ потемкахъ.

Теперь они уже не ѣхали, а шли.

Припоминаетъ Висленевъ, что онъ былъ введенъ Глафирой въ почтенное собраніе, гдѣ встрѣтилъ очень много самыхъ разнообразныхъ и странныхъ лицъ, съ именами и безъ именъ, съ слѣдами искры Божіей и безъ этого божественнаго знака, но всѣ были равны, безъ чиновъ и безъ различій положенія. Однако, при всей своей ненаблюдательности, Висленевъ усмотрѣлъ, что и здѣсь есть свои дѣленія, свой «естественный подборъ», свои аристократіи и свой плебсъ,—первыхъ меньше, послѣднихъ цѣлая масса; фізіономіи первыхъ спокойны и свидѣтельствуютъ о *savoir faire*; лица плебса дышать поэтическимъ смущеніемъ и тревогой простодушныхъ пастушковъ, пришедшихъ къ волшебницѣ отыскивать слѣды отогнанныхъ ночью коней и воловъ своего стада.

По своей ненаходчивости и запуганности Висленевъ всего легче склоненъ былъ примкнуть къ искателямъ стада, но Глафира, вошедшая при содѣйствіи своей графини и баронессы въ аристократію спиритизма, выдвинула своего печальнаго рыцаря впередъ и дала ему помазаніе *savoir faire*. Висленевъ началъ пророчествовать, въ чемъ ему не мало помогли давнія упражненія въ этомъ родѣ въ нигилистическихъ кружкахъ Петербурга. Кромѣ того, священнодѣйствіе это здѣсь ему было облегчено необыкновенно ловкимъ пріемомъ Глафиры, которая у подѣзда сказала ему, что онъ не долженъ говорить по-французски, чтобы не стѣсняться своимъ тяжелымъ выговоромъ, и, введя, тотчасъ отрекомендовала русскимъ человѣкомъ, совсѣмъ не понимающимъ французскаго языка, но одареннымъ замѣчательными медиумическими способностями, и, въ доказа-

тельство его невѣдущности въ языкѣ, громко сказала по-французски:

— Cet homme est borné, mais il donne souvent des reponses aux questions les plus profondes.

Всѣ блажные и блаженные окинули Висленева внимательнымъ взглядомъ и въ дальнихъ рядахъ, гдѣ разслышана была только часть этой рекомендаціи, прокатило имя *monsieur Borné*, новаго медиума, новаго адепта великаго новаго учения.

Такимъ образомъ съ Висленевымъ здѣсь на первомъ же шагу повторилось то же самое, чѣмъ онъ такъ обижался въ Петербургѣ, гдѣ люди легкомысленно затеряли его собственное имя и усвоили ему названіе «Алинкина мужа». Теперь здѣсь, въ спиритскомъ кружкѣ Парижа, онъ дѣлался *monsieur Borné*, что ему тоже, конечно, не было особенно пріятно, но на что онъ вначалѣ не могъ возразить по обязанности притворяться непонимающимъ французскаго языка, а потомъ... потомъ ему некогда было съ этимъ возиться: его заставили молиться «невѣдомому богу»; онъ удивлялся тому, что чертили медиумы, слушалъ, вдохновлялся, уразумѣвалъ, что все это и самъ онъ можетъ дѣлать не хуже добрыхъ людей, и наконецъ, получивъ порученіе, для пробы своихъ способностей, спросить духовъ: кто его гений-хранитель? начерталъ безтрепетною рукой: «Благочестивый Устинъ».

Это было первое несчастіе, котораго никто не можетъ понять и оцѣнить, если мы не скажемъ въ чемъ дѣло! А дѣло было въ томъ, что Юсафъ Платоновичъ дѣйствительно не хотѣлъ записать себѣ въ покровители никакого Устина. Изъ всѣхъ именъ христіанскихъ писателей Жозефъ съ великою натугой могъ припомнить одно имя Блаженнаго Августина и хотѣлъ его объявить и записать своимъ покровителемъ, но... но написалъ, вмѣсто Блаженный Августинъ, «Благочестивый Устинъ», то-есть вмѣсто почтеннаго авторитетнаго духа записалъ какого-то незнакомца, который Богъ вѣсть кто и ни вѣсть отъ кого названъ «благочестивымъ».

Это до такой степени разсердило и смутило Жозефа, что онъ сейчасъ же хотѣлъ зачеркнуть Благочестиваго Устина и написать себѣ иного генія; но Глафира остановила его

рѣшительнымъ движеніемъ и объявила, что это невозможно, что духи не ошибаются.

Потомъ она взглянула на бумагу, одобрительно кивнула Висленеву и перевела собранію имя генія-покровителя новаго медіума, при чемъ поставила на видъ и его смущеніе, и то, что онъ написалъ имя, вовсе о немъ не думая.

— О, это прекрасно! Вдохновенно! Божественно! — слышалось со всѣхъ сторонъ.

— Это такъ и должно быть, — произнесъ, возведя къ небу рѣзко очерченные темною каемочкой глаза, тихій отецъ парижскихъ спиритовъ и, заложивъ по своей привычкѣ лѣвую руку за бортъ доверху застегнутаго длиннополага коричневаго сюртука, положилъ два пальца правой руки на руку тощаго молодого человѣка съ зеленовато-желтымъ лицомъ и нѣкоторымъ намекомъ на бакенбарды.

Тотъ сію же секунду взялъ со стола перо съ длинною ручкою изъ розоваго коралла, развернулъ золотообрѣзную книгу въ темномъ сафьянѣ и начерталъ на надлежащемъ мѣстѣ, противъ имени Monsieur Borné, наименованіе его патрона: «Pieux Justin».

Имя и значеніе Жозефа было составлено, и ему оставалось теперь только работать на этомъ ампула сообщителя откровеній Благочестиваго Устина. Онъ въ этомъ и подвизался, подвизался много, упорно и съ постоянствомъ, приобрѣлъ навѣкъ вѣщать поученіями и отвѣчать на вопросы открытые и закрытые, и дѣлалъ это ловко, и слылъ медіумомъ отличнымъ, но собственныя дѣла его по снисканію фавора у Бодростиной не подвигались. Она была вѣчно окружена сторонними людьми, у ея скромнаго отеля всегда можно было видѣть чей-нибудь экипажъ изъ именитыхъ иностранцевъ и не менѣе именитыхъ заѣзжихъ соотечественницъ: она была, по всеобщему мнѣнію, образцовая спиритка и добродѣтельнѣйшая женщина, а онъ... онъ былъ медіумъ и monsieur Borné.

Въ такомъ положеніи были дѣла ихъ до самой той минуты, когда Глафира Васильевна попросила Жозефа подождать ее за ея дверью, и онъ, сидя на лѣстничномъ окнѣ, перепустилъ предъ своими мысленными очами ленту своихъ невеселыхъ воспоминаній. Но вотъ сердце Жозефа встрепенулось; онъ услышалъ сзади себя бодрый го-

дось Глафиры, которой онъ приготовилъ сегодня эффектънѣйшій, по его соображеніямъ, сюрриризмъ, вовсе не ожидая, что и она тоже, въ свою очередь, не безъ готовности удивить его.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

У стинь не помогъ.

Дверь, за которою сидѣлъ на окошечкѣ Висленевъ, тихо отворилась и на площадку лѣстницы вышла Глафира Васильевна, по обыкновенію, вся въ черномъ, съ чернымъ антука въ рукахъ и съ лицомъ, завѣшеннымъ до подбородка черною вуалеткой съ вышитыми мушками.

Стройная и сильная фигура ея была прекрасна: все на ней было свѣжо, чисто и необыкновенно ловко, и, вдобавокъ, все, что было на ней, точно съ нею сливалось: ея скрипящій бабмачокъ, ея шелестящее платье, этотъ прыгающій въ ея рукѣ тонкій антука и эта нестрая вуалетка, изъ-подъ которой еще ярче сверкаютъ ея страстные глаза и которая прибавляетъ столько нѣжности открытой нижней части лица,—все это было прекрасно, все увеличивало ея обаяніе и давало ей еще новый шикъ. Гордановъ, разжигая Висленева, сравнивалъ генеральшу Снитянину съ Гибралтаромъ. Это шло къ Александрѣ Ивановичу, если сравнивать ее съ Гибралтаромъ въ настоящемъ его положеніи, въ рукахъ англійской націи, сынамъ которой, къ чести ихъ, такъ мало свойственна измѣна. Глафиру тоже можно было сравнить съ Гибралтаромъ, но только съ измѣнникомъ-комендантомъ въ цитадели. Этотъ неувимый запахъ, эта неопредѣленная атмосфера измѣнничества, растлѣвающіе и деморализующіе гарнизонъ и сбивающіе съ толку силы осаждающей арміи, носились и вѣяли вокругъ ея, и пахнули изъ ея глазъ на оторопѣвшаго Жозефа, проходя мимо котораго, она сказала:

— Пойдемте!

Тонкій, долгій, бѣлый и волокнистый Висленевъ соскочилъ съ окна и засѣменилъ за нею.

Сойдя внизъ на улицу, они взяли фіакръ. Въ первомъ же домѣ, гдѣ они очутились, Висленевъ былъ удивленъ, услыхавъ, что Глафира прощается и говоритъ о какихъ-то своихъ внезапныхъ, но тягостныхъ предчувствіяхъ и о не-

медленномъ выѣздѣ въ Россію. Иосафъ Платоновичъ рѣшительно не могъ вѣрить ни словамъ спутницы, ни своимъ собственнымъ ушамъ, но тѣмъ не менѣе обтекалъ съ нею огромный кругъ ея спиритскаго знакомства, посѣтилъ съ ней всѣхъ ея бѣдныхъ, видѣлъ своими собственными глазами, какъ она отсчитала и отдала въ спиритскую кассу круглую сумму на благотворительныя дѣла, и наконецъ, очутивъ послѣ всей этой гоньбы, усталый и изнеможенный, въ квартирѣ Глафиры, спросилъ ее: неужто они въ самомъ дѣлѣ уѣзжаютъ назадъ? и получилъ отвѣтъ: «да, я уѣзжаю».

— Когда же мы ѣдемъ?—освѣдомился Висленевъ и получилъ въ отвѣтъ: «сегодня».

— Фу, чортъ возьми!—Но это невозможно сегодня!—возразилъ онъ, и на это уже вовсе не удостоился отвѣта, между тѣмъ какъ приготовленія къ отъѣзду видимо довершались, и *monsieur Borné* былъ даже вытѣсненъ ради этихъ сборовъ изъ удобнаго помѣщенія Глафиры къ себѣ на душную вышку, гдѣ онъ едва могъ стоять выпрямась.

Нежданная вѣсть о столь внезапномъ и быстромъ отъѣздѣ срѣзала Висленева, и быстрыя ноги его зашатались: возвратясь въ свою конурку, онъ забѣгалъ по ней, изогнувшись, изъ угла въ уголь и, наконецъ, всталъ посреди, уперъ персть въ лобъ и стоялъ, держа на плечахъ своихъ потолокъ, какъ Атласъ держитъ землю. *Monsieur Borné* пришла счастливая мысль удержать Бодростину отъ немедленнаго выѣзда, доказавъ ей неосновательность ея предчувствій, и онъ тотчасъ же подсѣлъ, согнувши ноги, къ окошечку и написалъ къ себѣ письмо отъ Благочестиваго Устина. На этотъ разъ Благочестивый Устинъ предостерегалъ «желающую выѣхать», чтобъ она не выѣзжала, пока пройдетъ опасность, о которой Благочестивый Устинъ обѣщавъ заблаговременно извѣстить, а въ другомъ... въ другомъ онъ философствовалъ о бракѣ и отвѣчалъ на выставленный Висленевымъ вопросъ о томъ, какъ смотреть на бракъ въ высшихъ мірахъ. Благочестивый Устинъ говорилъ о бракѣ, какъ объ учрежденіи божественномъ въ смыслѣ союзи любви, и отрицалъ его значеніе гражданское,—выводомъ изъ всего этого выходило отрицаніе брака съ достовѣрнымъ ручательствомъ, что въ высшихъ областяхъ нѣтъ никакихъ положеній ни о какомъ бракѣ, въ полномъ смыслѣ этого понятія, и что потому понятія эти суетны, вздорны

и не стѣять вниманія. Благочестивый Устинъ ручался, что всѣ нарушенія условной морали въ сношеніи половъ есть только земная выдумка и притомъ самая несостоятельная, ибо въ существѣ всякая нарушительница этой морали, даже въ самой крайней мѣрѣ, менѣе преступна, чѣмъ дитя, сорвавшее стручокъ гороха изъ чужого огорода, «ибо снабдить чѣмъ бы то ни было своимъ собственнымъ гораздо добродѣтельнѣе, чѣмъ взять что-нибудь чужое».

Послѣднее сравненіе и силлогизмъ, которымъ Иосафъ Висленевъ придавалъ особенное значеніе, онъ почерпнулъ изъ «*Корана*» Стерна, нѣсколько томиковъ котораго, будучи пріобрѣтены Жозефомъ, составили его избранную бібліотеку, вмѣстѣ съ «*Парижскимъ Цырюльникомъ*» Поль де-Кока, «*Хромымъ Бѣсомъ*» Лесажа и «*Книгой Духовъ*», собранною изъ сверхъестественныхъ сочиненій Аланомъ Кардекомъ. Жозефъ почерпнулъ изъ Стерна оригинальность для своихъ сужденій, изъ Поль де-Кока—веселость и игривость, изъ Лесажа—способную предприимчивость, изъ Алана Кардека—смѣлость говорить вѣщнымъ языкомъ ветхій вздоръ спиритской философіи. Всѣмъ этимъ онъ заряжался какъ темная фокусная бутылка съ различными нашивками и разливалъ по рюмочкамъ, что кому требовалось, но... но хмель его не туманитъ той, для которой вызывались всѣ эти туманные картины: спиритка Глафира была къ одной части откровеній равнодушна, а къ другой—даже относилась съ обиднымъ и схизматическимъ недовѣріемъ. Къ послѣдней области относились всѣ либеральныя сообщенія Благочестиваго Устина о бракѣ. Глафира крѣпко стояла за бракъ по формѣ, какъ онъ принятъ, и не убѣждалась никакими, ни естественными, ни сверхъестественными доводами въ пользу признанія его только по сущности. Не признавая революціи, проповѣдуемой Висленевымъ при содѣйствіи Благочестиваго Устина и другихъ духовъ, она оказалась непреклонною рабой законовъ европейскаго общества и приводила Иосафа въ отчаяніе. Доживъ до такого возраста, въ которомъ любовь уже начинаетъ повиноваться разуму, и притомъ преслѣдуя цѣли совсѣмъ не любовныя и имѣя предъ глазами столь жалкаго соблазнителя, какъ Висленевъ, Глафира небрегла словами любви и стала въ извѣстномъ смыслѣ *plus royaliste que le roi*. Она сказала Висленеву разъ и навсегда, что она уже не ребенокъ и зна-

еть, что такое значить любовь человека къ чужой женѣ, и потому повѣрить только въ любовь *своего мужа*.

— Того, который васъ не любитъ и обманываетъ? — поставилъ ей на видъ Висленевъ.

— А развѣ женщину менѣе обманываетъ тотъ, кто говоритъ ей, что любитъ ее, и между тѣмъ ничего не дѣлаетъ, чтобы дать законное значеніе этой любви, — отвѣчала Глафира.

— Что же для этого надо сдѣлать?

— Надо быть моимъ мужемъ.

— Но вы замужемъ.

— По русскимъ законамъ допускается не одинъ бракъ.

— Да, я знаю, что можно выйти замужъ и во второй разъ.

— И даже въ третій.

— Прекрасно-съ; но вѣдь все это, конечно, не вдругъ?

— О, разумѣется, не вдругъ.

— Такъ вѣдь, стало-быть, нужно, чтобы прежде мужъ вашъ умеръ.

— Можетъ-быть.

— А какъ это сдѣлать? Это не отъ насъ зависитъ, и онъ можетъ прожить очень долго.

— Ну, ужъ я вамъ не могу отвѣчать, какъ это сдѣлать, и отъ кого это зависитъ, и сколько онъ еще можетъ прожить, — небрежно молвила Глафира, и съ тѣхъ поръ не сказала Висленеву болѣе ни одного положительнаго слова, а только, по его выраженію, все «упорно стояла на бракѣ».

Нимало не измѣнили ея настроенія и послѣднія откровенія, полученныя Иосафомъ въ его каморкѣ отъ Благочестиваго Устина и другихъ дѣховъ, переселенныхъ за свои совершенства въ высшія обители. Просмотрѣвъ предъявленныя Висленевымъ предостереженія насчетъ выѣзда, Глафира, которую Иосафъ засталъ за уборкой своихъ дорожныхъ вещей, спокойно взялъ этотъ листокъ и, сунувъ его въ объемистый портфель, набитый такою же литературой *monsieur Vigné*, продолжала свое дѣло.

Иосафа это обидѣло, и онъ, дождавшись конца Глафириной работы, спросилъ ее:

— Неужто она и послѣ этого ѣдетъ?

— Непремѣнно ѣду, — отвѣчала Глафира. — А что такое можетъ помѣшать?

— А это общеніе!

— О, что могутъ значить эти пустяки!

— Какъ пустяки? Такъ вы, значить, этому не вѣрите?

— Не вѣрю.

— На какомъ же это основаніи?

— Я имѣю основаніе.

— Да вы что же... вы, можете-быть, отвергаете весь спиритизмъ?

— Нѣтъ, я его не отвергаю.

— Такъ... вы отвергаете его опытную часть: отвергаете вѣроятность общеній? Это значить отвергаете все.

— Нисколько; напротивъ, я не только не отвергаю общеній, но я ими-то теперь и руководствуюсь.

— А если руководствуетесь, то вамъ въ такомъ случаѣ нельзя ѣхать.

— Нѣтъ, именно потому-то мнѣ и должно ѣхать.—отвѣчала Глафира и, выдвинувъ мизинцемъ изъ кучи неубранныхъ еще со стола бумагъ листокъ, проговорила:

— Вотъ, не хотите ли это прослушать?

На листкѣ собственнымъ почеркомъ Глафиры было написано всего только два слова «revenez bientôt».

— Что жъ это такое!—воскликнулъ Висленевъ, который смекнулъ, что тутъ нѣчто скрывается, и въ рукахъ котораго эта страшная бумажка затрепетала.—Что это?—повторилъ онъ.

— Это? Развѣ вы не видите? Это общеніе.

— Но вѣдь это вы сами написали?

— Да, я сама. А что такое?

— Да ничего-съ... Но вы вѣдь не имѣете медиумическихъ способностей.

— То-есть я ихъ не имѣла до сегодняшняго дня, но когда вы прислали мнѣ ваше запрещеніе ѣхать, я была этимъ смущена и, начавъ томиться, вдругъ почувствовала въ рукѣ какое-то млѣніе.

— А-а! Я это знаю: это обманъ, это просто судороги.

— Нѣтъ, извините, совсѣмъ не судороги, а этакое совершенно особенное тяготѣніе... потребность писать, и только что взяла карандашъ, какъ вдругъ на бумагѣ, безъ всякаго моего желанія, получились вотъ эти самыя слова.

Висленевъ очутился въ положеніи самомъ затруднительномъ: онъ понялъ, что Глафира наконецъ посягнула и на

послѣднее его достояніе, на его даръ пророчества. Онъ рѣшилъ биться за это до послѣднихъ силъ.

— Позвольте,—пролепеталъ онъ:—я не отвергаю, что это, пожалуй, могло быть, и могло быть именно точно такъ, какъ вы рассказываете, но вѣдь вы позабывали самое главное, что въ этихъ вещахъ нужны опытность и осторожность. Вы должны знать, что вѣдь между дѣхами есть очень много вчерашнихъ людей.

— Я это знаю.

— Да-съ; есть дѣхи шаловливые, легкіе, вѣтренные, которымъ не только ничего не значить врать и паясничать, которые даже находятъ въ томъ удовольствіе и нарочно, для своей потѣхи, готовы Богъ вѣсть что внушать человѣку. Бывали вѣдь случаи ужасныхъ ошибокъ, что слушались долго какого-нибудь великаго духа, а потомъ вдругъ вышло, что это гаерничалъ какой-нибудь самозванецъ, бродяжка, дрянъ.

— Ахъ, знаю, знаю! Я, къ сожалѣнію, это очень хорошо знаю и должна сказать вамъ очень не отрадную вѣсть.

— Именно-съ?—вопросилъ Висленевъ, предчувствуя, что ему готовится ударъ еще болѣе тяжкій.

— Извѣстно вотъ что, что вашъ Благочестивый Устинъ...

— Ну, ужъ что касается Благочестиваго Устина, то его не надо беспокоить,—перебилъ Висленевъ.

— Нѣтъ; да что тутъ о безпокойствѣ! А дѣло вотъ въ чемъ, что никакого Благочестиваго Устина не было и нѣтъ.

— Какъ нѣтъ-съ! Какъ не было и нѣтъ-съ никакого Устина! Покорно васъ благодарю за такое сообщеніе! А кто же это, по-вашему, мой геній-хранитель?

— Не знаю, совершенно не знаю.

— Значить, по-вашему, у меня нѣтъ, что ли, совѣмъ генія?

— Не знаю.

— Но кто же тогда столько времени писалъ моею рукой?

— Ахъ! это ужасная мошенница, которую, когда она была на землѣ, звали Ребекка Шарпъ.

— Вздоръ-съ! не вѣрю, это вздоръ: я никакой Ребекки Шарпъ не знаю вовсе.

— Да вамъ и не нужно ее знать, а она вами дѣйствовала... гадкая бездѣльница: вы были ея игрушкой.

— По кто же она такая-съ?

— Она?.. она лицо довольно извѣстное: она героиня романа Теккерей «*Армарка Тщеславія*». О, она извѣстная, извѣстная плутовка!

— Кто вамъ это открылъ?

— Самъ Теккерей.

— Это, можетъ-быть, не вѣрно: это, можетъ-быть, легкій и шаловливый духъ надъ вами потѣшается.

— Ну, нѣтъ.

— Нѣтъ-съ; это надо повѣрить. Мы сейчасъ это повѣримъ,—и Висленевъ засуетился, отыскивая по столу карандашъ, но Глафира взяла его за руку и сказала, что никакой повѣрки не нужно: съ этимъ она обернула предъ глазами Висленева бумажку, на которой онъ за нѣсколько минутъ прочелъ «*revenez bientôt*», и указала на другія строки, въ которыхъ рѣзко отрицался Благочестивый Устинъ и всѣ сообщенія, сдѣланныя отъ его имени презрѣнною Ребеккой Шарпъ, а всего горестнѣе то, что открытіе это было подписано авторитетнымъ духомъ, именемъ котораго, по спиритскому катихизису, не смѣютъ злоупотреблять духи мелкіе и шаловливые.

— Ну, да,—произнесъ Висленевъ сквозь зубы, кладя на столъ бумажку: — да, все это прекрасно, и на это нельзя возражать, но только скажите: до чего мы дойдемъ, наконецъ, такимъ образомъ?

Онъ не замѣчалъ, что въ своей потерянности онъ велъ разговоръ о томъ, о чемъ думалъ, и вовсе не о томъ, о чемъ хотѣлъ говорить.

Мало обращавшая на него вниманіе, Глафира замѣтила это и, улыбувшись, спросила:

— А какъ вы думаете: до чего мы дойдемъ?

— Да что же,—продолжалъ разсуждать Висленевъ:—мы прежде все отвергали, и тогда насъ звали нигилистами, теперь за все хватаемся и надо всѣмъ сами смѣемся... и... чортъ знаетъ, какъ насъ назвать?

Бодростина глядѣла на него молча и по лицу ея бѣгала улыбка.

— Право,—продолжалъ Висленевъ:—вѣдь это все выходитъ какое-то поголовное шарлатанство всѣмъ: и безвѣріемъ, и вѣрой, и матеріей, и духомъ. Да что же такое мы сами? Нѣтъ. Я васъ спрашиваю: что же мы? Всякая сволочь имѣетъ

себѣ названіе, а мы... мы какія-то темныя силы, изъ которыхъ невѣдомо что выйдетъ.

— Вы дѣлаете открытіе,—уронила Глафира.

— Да что же-съ? я говорю истину.

— И я съ вами не спору.

— Всѣ этакъ другъ съ другомъ... на ножкахъ, и во всемъ безъ удержа... разоидемя, и въ концѣ другъ друга перерѣжемъ, что ли?

— На ножкахъ и безъ удержа,—повторила за нимъ Глафира:—и другъ друга перерѣжемъ. А что же далѣе? Я васъ съ любопытствомъ слушаю: оказывается, что вы тоже и говорящій медіумъ.

— Да-съ, «говорящій», я говорящій... Благодарю васъ покорно! Заговоришь, заговоришь разными велѣніями и разными языками, какъ...

Но съ этимъ Висленевъ всталъ и, отойдя отъ Бодростиной, прислонился къ косяку окна.

Межъ тѣмъ Глафира позвала хозяина маленькаго отеля и, не обращая никакого вниманія на Висленева, сдѣлала расчетъ за свое помѣщеніе и за каморку Жозефа. Затѣмъ она отдала приказаніе приготовить ее къ вечеру фіакръ и отвезти на желѣзную дорогу ея багажъ. Когда все это было сказано, она отрадно вздохнула изъ полной груди, взяла книгу и стала читать, какъ будто ничего ея не ожидало.

Ей наконецъ надоѣло это скитанье, надоѣли эти долгіе сборы къ устройству себя на незыблемомъ основаніи, съ полновлстіемъ богатства, и она теперь чувствовала себя прекрасно, какъ дитя, въ окнѣ котораго уже занялась заря его именинаго дня.

Она не замѣтила, какъ Висленевъ, тотчасъ по выходѣ хозяина отеля, обернулся къ ней и лепеталъ: «какъ же я? что же теперь будетъ со мной?» и когда онъ въ десятый разъ повторилъ ей этотъ вопросъ и несмѣло коснулся ея руки, она еще разъ вздохнула и, какъ бы что-то припоминая, проговорила:

— Да, въ самомъ дѣлѣ: какъ же вы и что будетъ теперь съ вами?

— Я рѣшительно не знаю этого: вы совсѣмъ сбили меня съ толку; я совсѣмъ потерялся.

— Пойдите!.. Какъ же это я въ самомъ дѣлѣ... такъ разсѣянню?.. Спросите скорѣе Устина!

Висленевъ взглянулъ на нее, потомъ покачалъ угоризненно головой и, наконецъ не выдержавъ, отвернулся и размѣлся.

Когда онъ оборотился полуоборотомъ къ Глафирѣ, желая взглянуть на нее искоса и съ тѣмъ вмѣстѣ скрыть отъ нея такъ некстати прорвавшійся смѣхъ, онъ увидалъ, что Бодростина тоже смѣется и... оба вдругъ сняли свои маски и оба искренно расхохотались въ глаза другъ другу.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Въ шутовскомъ колпакѣ.

Никто въ такой мѣрѣ, какъ Висленевъ, не представлялъ собою нагляднаго примѣра, какъ искренно и неудержимо способенъ иногда человѣкъ хохотать надъ самимъ собою и надъ своимъ горемъ. Юсафъ Платоновичъ просто искаивался со смѣху: повиснувъ на одномъ мѣстѣ, онъ чуть только начиналъ успокаиваться, какъ, взглянувъ на Бодростину, быстро перескакивалъ на другой стулъ и заливался снова.

— Бога ради!..—умолялъ онъ:—не смѣшите меня болѣе, а то я... умру.

— Упаси Богъ отъ такого несчастья, — отвѣчала серьезно Глафира. — Съ кѣмъ же я тогда останусь?

Висленевъ опять покотился, закашлялся и, отбѣжавъ въ уголь, застонать и заохалъ. Въ состоянiи его было что-то истерическое, и Глафира, сжалясь надъ нимъ, встала и подала ему стаканъ воды.

Жозефъ пилъ эту воду съ такою же жадностію, съ какою нѣкогда отпивался этимъ напитокомъ у Горданова отъ истерики, возбужденной въ немъ притѣсненіями его жены и немилосерднаго Кишенскаго. Разница заключалась только въ томъ, что та давняя истерика вела его къ потерѣ чувствъ и къ совершенному разслабленію и упадку жизненности, межъ тѣмъ какъ теперь съ каждымъ глоткомъ воды, поданной ему бѣлыми, античными руками Глафиры, въ него лилась сила безотчетной радости, упованія и надежды. Онъ схватилъ руки Бодростиной и припалъ къ нимъ своими устами.

— Не покидайте меня! — шепталъ онъ между поцѣлуями.

— Я и не думала васъ покидать, — отвѣчала, не отнимая у него своихъ рукъ, Глафира.

— Но вѣдь вы знаете, что мнѣ нельзя возвращаться въ Россію.

— Отчего нельзя?.. Нѣтъ, я этого не знала.

— Да какъ же не знали! Меня тамъ схватятъ.

— За долги?

— Ну, разумѣется. Чуть я только появлюсь въ Петербургъ, сейчасъ и пожелайте въ Tarasen Garten, это порядокъ извѣстный.

— Пустяки, у васъ есть дѣти: васъ нельзя сажать въ долговую тюрьму.

Висленевъ замоталъ головой.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ:—вы это говорите на общихъ основаніяхъ, а мое положеніе особенное, ножевое, меня не защититъ и то, что у меня есть дѣти, то-есть я хотѣлъ сказать, что... ко мнѣ приписаны дѣти.

Бодростина выразила недоумѣніе, но Висленевъ, сверхъ всякаго чаянія, очень обстоятельно разъяснилъ особенныя преимущества своего положенія. Оказывалось, что они состояли въ томъ, что вообще претензіи бываютъ предъявляемы отъ стороннихъ лицъ, а его можетъ посадить собственная, по его выраженію, «родная жена» и мать тѣхъ самыхъ дѣтей, которыми онъ могъ бы нѣсколько защищаться отъ иска лица посторонняго. Онъ здраво выводилъ, что, при представленной имъ роковой комбинаціи, всякое правительственное попеченіе о дѣтской судьбѣ естественно сдѣлается излишнимъ, и вотъ въ этомъ-то и заключалась привилегія его положенія.

Глафира Васильевна не ожидала отъ Юсафа такой далекой и тонкой казуистической предусмотрительности. Такая комбинація, какую вывелъ Висленевъ, ей не приходила въ голову и, по своей крайней курьезности и новостности, поставила ее въ невозможность обнять и разъяснить ее себѣ сразу.

«Что же въ самомъ дѣлѣ,—подумала Глафира:—вѣдь оно совершенно логично, что если сама мать дѣтей скажетъ: я не требую содѣйствія моего мужа въ содержаніи ребятъ, а прошу посадить его за долгъ мнѣ въ тюрьму, то, кажется, и взаправду едва ли найдутся логическія причины отказать ей въ такой справедливости».

Глафира едва сдержала на своемъ лицѣ улыбку, вызванную этими соображеніями о логикѣ юридической справед-

ливости вексельнаго права, и, желая успокоить злополучнаго Висленева, сказала, что предполагаемая имъ комбинація такъ нова, что едва ли предусмотрена закономъ и, вѣроятно, еще составитъ вопросъ, который можетъ разрѣшиться въ благоприятномъ для Иосафа смыслѣ. Но Жозефъ едва далъ окончить Бодростиной ея утѣшительныя слова и заговорилъ:

— Нѣтъ-съ, нѣтъ-съ; я слуга вашъ покорный, чтобъ я сталъ на это полагаться! Знаю я-съ, какъ тамъ въ Петербургѣ на это смотрять. Гм!.. Покорно васъ благодарю!.. Нѣтъ; тамъ нашему брату мужчинѣ пощады не ждать: тамъ этотъ женскій вопросъ и всѣ эти разные служебныя лкбоницы и разные пунцовыя фллантропы... Куда тамъ съ ними мужчинѣ!.. Они сейчасъ все повернуть въ интересахъ женскаго вопроса и... мое почтеніе, мужа поминай какъ звали.

— Бѣдныя женщины! все на нихъ; даже и друзьямъ женскаго вопроса—и тѣмъ достается.

— Да-съ, друзья... Знаемъ мы этихъ друзей. Нужно равноправіе, а я во всѣ газеты посылалъ статьи объ открытіи мужского вопроса и нигдѣ не печатаютъ. Будто мы тѣмъ и виноваты, что мы родимся мужчинами, и за то женщины имѣютъ привилегію на всеобщее послабленіе къ нашимъ обидамъ, межъ тѣмъ какъ мы даже вопроса о себѣ поднять не можемъ нигдѣ, кромѣ духовныхъ журналовъ, которыхъ никто не читаетъ... Это тоже прекрасно! Нѣтъ-съ; ужъ я лучше сгину, пропаду здѣсь на чужбинѣ, за границей, но въ Россію, гдѣ женскій вопросъ, — не поѣду. Ни за что, ни за что на свѣтѣ не поѣду!

— Какой вы, однако, злой!

— Нѣтъ-съ, извините меня. Это не я золь, а скорѣе другіе злы,—отвѣчалъ онъ запальчиво, и развилъ, что если въ Россіи все такимъ образомъ пойдетъ, то это непременно кончится ни больше, ни меньше какъ тѣмъ, что оттуда всѣ мужчины убѣгутъ въ Англію или въ Германію, и надъ Цевой и Волгой разовьется царство амазонокъ.

— Ну, а если бы тамъ наконецъ рѣшились въ уровень съ женскимъ вопросомъ поднять мужской вопросъ?—спросила Глафира.

— Ни за что этого не будетъ,—отвѣчалъ со вздохомъ Висленевъ.

— Ну, а если бы?

— Нечего невозможнаго и предполагать, когда у наших монгольскихъ выродковъ все такіе инстинкты, что они все на свѣтѣ готовы для женщинъ сдѣлать. И оно и понятно: въ женщины влюбляются и поддаются къ ихъ волѣ и желаніямъ, а мы, мужчины, что такое?.. Мы постоянно нуждаемся въ женской ласкѣ, въ привѣтѣ; чувствуемъ любовь, привыкаемъ къ женщинамъ, наконецъ... противъ насъ все, противъ насъ наконецъ сама природа! Мы такъ несовершенно и мерзко созданы, что одни жить не можемъ. Ну, что ужъ тутъ еще остается толковать? Гибель, гибель, гибель нашему полу въ Россіи, и болѣе ничего!

Бодростина весело размѣялась и замѣтила своему собесѣднику, что онъ неосторожно богохульствуетъ, порицая совершенство творенія, чего ему, какъ спириту, дѣлать не надлежитъ; но онъ категорически опровергъ это обвиненіе и доказалъ, что именно какъ спиритъ-то онъ и правъ, потому что признаетъ планету и обитающіе на ней организмы еще въ періодѣ самаго ранняго развитія и вѣрить, что въ далекомъ или въ недалекомъ будущемъ воспослѣдуютъ усовершенствованія, при которыхъ нынѣшняя и все болѣе и болѣе усиливающаяся власть женщинъ надъ мужчинами упряднится.

— Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же вы мнѣ говорите столько времени, что вы меня любите?—промолвила Бодростина.

— Говорю, потому что люблю васъ,—отвѣчалъ, всплеснувъ руками, Висленевъ.

— Нѣтъ, а вы гораздо лучше отъ этого эманципируйтесь.

— А что дѣлать, когда не могу.

— Значитъ, кто же надъ вами деспотствуетъ: женщина или вы сами?

— Самъ, я самъ, я знаю, что я самъ.

— Ну, такъ эманципируйтесь отъ себя.

— Не могу-съ, въ томъ-то все и дѣло, что не могу, такъ скверно созданъ.

Собесѣдники снова вмѣстѣ засмѣялись, и Бодростина, не отрицая настояній Жозефа, что онъ «скверно созданъ», отвѣчала, что женщины гораздо покорнѣе мужчинъ волѣ Промысла, устроившаго все такъ, какъ оно устроено, и затѣмъ прямо поворотила рѣчи къ насущному вопросу дня, то-есть къ тому, какъ быть съ собою злополучному Юсафу?

По ея мнѣнію, ему не оставалось ничего иного, какъ ѣхать съ нею назадъ въ Россію, а по его соображеніямъ это было крайне рискованно, и хотя Глафира обнадеживала его, что ея братъ Грегваръ Акатовъ (котораго знавала въ старину и Висленевъ) теперь предсѣдатель чуть ли не полусотни самыхъ невѣроятныхъ комиссій и комитетовъ, и ему не будетъ стоить особаго труда поднять въ одномъ изъ этихъ серьезныхъ учреждений интересующій Юсафа мужской вопросъ, а можетъ быть даже нарядить для этого вопроса особую комиссію, съ выдѣленіемъ изъ нея особаго комитета, но бѣдный Жозефъ все моталъ головой и твердилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Но шутить довольно: какъ бы то ни было, я въ Россію ѣхать не могу.

— Но гдѣ же вы будете жить за границей?

— И за границей мнѣ жить негдѣ.

— Такъ какъ же быть?

— Я опять-таки и этого не знаю.

— Но кто же это долженъ знать?

— И того не знаю.

Глафира улыбнулась и пожала плечами. Висленевъ тоже улыбался: дѣла его, какъ мы видимъ, были не хороши; но онъ былъ увѣренъ, что въ его положеніи начинается дѣйствовать какое-то облегчающее обстоятельство, — его въ этомъ убѣждало его предчувствіе, и онъ не ошибался: Глафира Васильевна не хотѣла его покинуть, ибо приближались уже лукавые дни, когда волокнистый *Wogné* спиритскихъ собраній Парижа долженъ былъ совершить на родинѣ разбойничьи дѣла, къ которымъ онъ давно предназначался...

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Въ дыму и въ искрахъ.

Глафирѣ немного стоило, однако, труда показать Висленеву всю безцѣльность его дальнѣйшаго пребыванія за границей послѣ ея отъѣзда. Висленевъ самъ зналъ, что онъ остается ни при чемъ, и хотя страхъ долговой тюрьмы въ Россіи былъ такъ великъ, что испепелялъ въ немъ даже самый недугъ любви къ Глафирѣ, когда Глафира, принявъ серьезную мину, сказала ему, что всѣ эти страхи въ су-

пещевъ не очень страшны, и что она даетъ ему слово не только провезти его благополучно чрезъ Петербургъ, но даже и увезти къ себѣ въ деревню, то Иосафъ выразилъ полное желаніе ее слушать и сказалъ:

— Конечно, я понимаю, что возможно и спастись, потому что въ Петербургѣ я могу никуда не выходить и сидѣть, запершись, въ какой-нибудь комнатѣ, а въ вашей деревнѣ—тамъ всѣ эти становые и все прочее въ вашей волѣ, да и къ тому же я могу переѣзжать изъ уѣзда въ уѣздъ, и меня моя драгоценная супруга не изловить.

Онъ даже предался мечтамъ по этому случаю, какъ онъ будетъ перебѣгать изъ бодростинскаго имѣнія въ одномъ уѣздѣ въ другое, его же имѣніе, находящееся въ другомъ уѣздѣ, и сдѣлается такимъ образомъ неуловимымъ для безпощадной жены своей и ея друга Кишенскаго; и Иосафъ Платоновичъ, уносясь такими мечтами, сдѣлался даже весель и началъ трунить надъ затруднительнымъ положеніемъ, въ которое онъ поставитъ этимъ коварствомъ несчастныхъ становыхъ; но Глафира неожиданно разбила весь этотъ хитрый планъ и разрушила его счастливую иллюзію. Она назвала все это ребяческою полумѣрой и на мѣсто невинной затѣи Висленева докончить дни свои въ укрывательствѣ отъ тюрьмы, сказала, что ужъ пора его совсѣмъ освободить отъ всѣхъ этихъ утѣсеній и эманципировать его такимъ благонадежнымъ способомъ, чтобы онъ вездѣ свободно ходилъ и всѣмъ показывался, но былъ бы неуязвимъ для своихъ недруговъ.

Мысль эта, разумѣется, представилась Висленеву очаровательною; но онъ, считая ее слишкомъ невѣроятною, опять требовалъ объясненія, а Глафира ему этого объясненія не давала.

— Я вамъ не могу этого рассказать, какъ я думаю это сдѣлать, но я это сдѣлаю,—отвѣчала она на его вопросъ.

— Вы это такъ думаете только, или вы въ этомъ увѣрены?

— Это иначе не можетъ быть, какъ я вамъ говорю.

— Но въ такомъ случаѣ почему же вы не хотите ничего сказать мнѣ: какъ вы это сдѣлаете?

— Потому что вамъ этого не нужно знать, пока это сдѣлается.

— Вотъ тебѣ и разъ: но вѣдь я же долженъ быть въ чемъ-нибудь увѣренъ!

— Ну, и будьте увѣрены *во мнѣ*.

— Гм!.. въ васъ.. Я это слышала.

— Что?.. развѣ вы мнѣ не вѣрите?

— Нѣтъ; нѣтъ; не то... не то... я вамъ вѣрю, но вѣдь... позвольте-съ... вѣдь это все меня довольно близко касается и ужъ по тому одному я долженъ... поймите, я *долженъ* знать, чтò вы со мной намѣрены дѣлать?'

— Нѣтъ, вы именно этого *не должны*.

— Почему-съ? скажите мнѣ разумную причину: почему?

— Потому что вы... «скверно сотворены».

— Гм! шутка не отвѣтъ.

— Я и не шучу и мнѣ даже нѣкогда съ вами шутить, потому что я сейчасъ уѣзжаю, и вотъ, я вижу, идутъ комиссіонеры за моими вещами и приведенъ фіакръ. Хотите положиться на меня и ѣхать со мною назадъ въ Россію съ твердою вѣрой, что я васъ спасу, такъ идите, забирайте свой багажъ и поѣдемъ, а не надѣтесь на меня, такъ надѣйтесь на себя съ Благочестивымъ Устиномъ и оставайтесь.

Въ это время въ комнату вошли комиссіонеры, и Глафира имъ указала на свои упакованныя вещи, которыя тѣ должны были взять и доставить на желѣзную дорогу.

— Подождите же, я сейчасъ притащу свой сакъ-воляжъ, пусть они и его захватятъ,—произнесъ скороговоркой Висленевъ.

— Только, пожалуйста, поскорѣй, а то мы можемъ опоздать на поѣздъ,—торопила его Глафира.

— О, не бойтесь, не бойтесь: я въ одну минуту! — воскликнулъ на быстромъ бѣгу Висленевъ и дѣйствительно не болѣе какъ черезъ пять минутъ явился съ пустымъ сакъ-воляжемъ въ одной рукѣ, съ тросточкой, зонтикомъ и пледомъ—въ другой, и съ бархатною фуражкой на головѣ.

Сдавъ вещи комиссіонерамъ, онъ самъ сѣлъ съ Глафирой въ фіакръ и черезъ часъ уже ѣхалъ съ нею въ перво-классномъ вагонѣ по Сѣверной желѣзной дорогѣ.

До Берлина они нигдѣ не останавливались, и Жозефъ повеселѣлъ. Онъ былъ доволенъ тѣмъ, что ѣдетъ съ Глафирой рядомъ въ одномъ и томъ же классѣ, и предавался размышленіямъ насчетъ того, чтò съ нимъ должно произойти въ ближайшемъ будущемъ.

Онъ уже давно потерялъ всякую надежду овладѣть любовью Глафиры, «подавшеюся, по его словамъ, новому

тяготѣнію на бракъ», и даже не вѣрилъ, чтобъ она когда-нибудь вступила съ нимъ и въ бракъ, «потому что какая ей въ этомъ выгода?» Но, размышлялъ онъ далѣе: кто знаетъ, чѣмъ чортъ не шутить... по крайней мѣрѣ въ романахъ, надъ которыми я послѣднее время поработалъ, всѣ говорятъ о женскихъ капризахъ, а ея поведеніе по отношенію ко мнѣ странно... Ужъ тамъ какъ это ни разбирай, а оно странно! Она все-таки принимаетъ во мнѣ участіе... Зачѣмъ же, почему и для чего это ей, если бъ она мною не интересовалась? Гмъ! Нѣтъ, во всемъ этомъ я вижу... я вижу ясныя шансы, позволяющіе мнѣ надѣяться; но только одно скверно, что я женатъ, а она замужемъ и намъ невозможно жениться. Развѣ тайно... въ Молдавіи, чтобы попъ обвѣчалъ и въ книжку нигдѣ не записывалъ?

Эта блестящая мысль его посетила ночью, и онъ тотчасъ же поспѣшилъ сообщить ее Глафирѣ, съ предложеніемъ повернуть изъ Берлина въ Молдавію и обвѣчаться, но Глафира не соблазнилась этимъ и отвѣчала:

— Что же это будетъ за бракъ такой?

— Да отчего же: вѣдь если это для совѣсти, такъ тамъ тоже православный священникъ насъ будетъ вѣнчать.

— Прекрасный планъ,—замѣтила ему, отворачиваясь, Глафира.

— Ну, а если для положенія,—бурчалъ Висленевъ:—такъ тогда уже разумѣется...

— Что?—уронила, глядя въ окно, Бодростина.

— Тогда ничего сдѣлать нельзя, пока Михайлъ Андреевичъ живъ,—отвѣтилъ, вздохнувъ, Висленевъ.

— Ну, вотъ то-то и есть, а есть вещи и еще важнѣйшія, чѣмъ положеніе: это деньги.

— Да, деньги, деньги очень важны и дѣлаютъ большой эффектъ въ жизни,—повторилъ Жозефъ слова, нѣкогда сказанныя въ губернской гостиницѣ Гордановымъ.

— А всѣ эти деньги могли бы и должны... быть ваши... то-есть ваши, если только...

При этихъ словахъ Глафира еще больше подалась въ окно и тотчасъ же увидала возлѣ своего лица любовитный ликъ Жозефа, неотступно желавшаго знать: въ чемъ дѣло? какое «если» можетъ разрушить замрѣявшій передъ очами души его «большой эффектъ въ жизни?»

Онъ такъ неотступно приставалъ съ этимъ вопросомъ

къ Глафирѣ, что она наконецъ сказала ему, какъ бы нехотя, что «если» заключается въ томъ, что значительнѣйшая доля состоянія ея мужа можетъ достаться его племяннику Кюлевейну.

— Этому кавалерійскому дураку-то?—воскликнулъ съ сознаниемъ огромныхъ своихъ преимуществъ Висленевъ.

— Да; этому дураку.

— Ну, ужъ это глупость.

— Глупость, да весьма вѣроятная и возможная, и притомъ такая, которой нельзя отворать.

— Нельзя?

— Я думаю.

Они замолчали и продолжали попрежнему сидѣть другъ противъ друга, глядя въ открытое окно, мимо котораго свистѣлъ вѣтеръ и неслись красныя искры изъ трубы быстро мчавшагося локомотива.

Повѣздъ летѣлъ, грохоталъ и подскакивалъ на смычкахъ рельсовъ: Висленевъ все смотрѣлъ на дымъ, на искры и началъ думать: почему не предотвратить этихъ искръ? Почему на трубѣ локомотива не устроить какого-нибудь искрогасителя? И вдругъ встрепенулся, что ему до этого совсѣмъ нѣтъ никакого дѣла, а что гораздо важнѣе найти средство, какъ бы не доставалось все Кюлевейну, и чуть только онъ пораздумалъ надъ этимъ, какъ сейчасъ же ему показалось, что искомое средство есть и что онъ его даже нашелъ.

Жозефъ откашлянулся, крикнулъ разъ, крикнулъ еще и, взглядывая на Глафиру, произнесъ:

— А что... если...

Она молча устремила на него свои глаза и, казалось, желала помочь ему высказываться; но Жозефъ ощущалъ въ этомъ нѣкоторое затрудненіе: ему казалось, что его голосъ упалъ и не слышенъ среди шума движенія, да и притомъ вагонъ, покачивая ихъ на своихъ рессорахъ, постоянно мѣняетъ положеніе ихъ лицъ: они трясутся, вздрагиваютъ и точно куда-то уносятся, какъ Канинъ и его тѣнь.

«Что же, все это вздоръ, почему не сказать», — думалъ Висленевъ и, набравъ храбрости, молвилъ:

— А что если этого Кюлевейна не станетъ? Онъ единственный прямой наслѣдникъ Михаила Андреевича, или есть еще и другіе?

— Я никого другого не знаю,—отвѣчала грубымъ контральтомъ Глафира:—но я не понимаю васъ, почему это его вдругъ не станетъ?

— А если его... того?

И Висленевъ, сложивъ кисть лѣвой руки чайничкомъ, сдѣлалъ видъ, какъ будто что-то наливаетъ: но въ это время колесо вагона подпрыгнуло и запицало на переводной стрѣлкѣ, и собесѣдники, понявъ назадъ, подались вглубь своихъ мягкихъ кресель.

Въ вагонѣ, кромѣ ихъ двухъ, всѣ спали. Когда поѣздъ остановился у платформы станицы, Глафира встала съ мѣста. Она оправила юбку своего суконнаго платья и, насупя брови, сказала Висленеву: «вы начинаете говорить странные глупости».

Съ этимъ она вышла, и не смѣвшій слѣдовать за нею Жозефъ видѣлъ изъ окна, какъ она быстро, какъ темный духъ, носилась, ходя взадъ и впередъ по платформѣ. Несмотря на то, что на дворѣ еще стояли первыя числа марта и что ночной воздухъ подъ Берлиномъ былъ очень влаженъ и прохладенъ, Бодростина обмахивалась платкомъ и жадно впивала въ себя холодныя струи свѣжей атмосферы.

Висленевъ это видѣлъ и понималъ, что путешественница чѣмъ-то сильно взволнована, но онъ этого не приписывалъ своимъ словамъ, — до того онъ самъ привыкъ къ ихъ ничтожеству, — не соединялъ онъ этого и съ рѣзкимъ отвѣтомъ, съ которымъ Глафира вышла изъ вагона, — это тоже для него была не новость и даже не рѣдкость; но онъ очень испугался, когда послышался послѣдній звонокъ и вслѣдъ затѣмъ поѣздъ тронулся одновременно съ кондукторскимъ свисткомъ, а Глафира не входила.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

На краю гибели.

Это обстоятельство чуть не стоило жизни бѣдному Висленеву. Почувствовавъ, что поѣздъ тронулся и покатился, Иосафъ Платоновичъ заметался, затрясся, кинулся внутрь вагона, наступивъ на ноги двумъ спавшимъ пассажирамъ, потомъ метнулся назадъ, высунулся въ окно, звалъ, кричалъ и наконецъ, быстро оторвавшись отъ окна, кинулся опретью къ двери и едва былъ удержанъ на вагонной

ступени кондукторомъ: иначе онъ непременно слетѣлъ бы внизъ и былъ бы или разрѣзанъ на рельсахъ, или сдавленъ между буферами. Но, къ счастью для него и для насъ, этого несчастія не случилось, благодаря бдительности и нѣмецкой аккуратности кондуктора, который не ограничился тѣмъ, что изловилъ Висленева на краю пропасти, но неотступно усадилъ его на мѣсто и, въ виду его необъяснимаго волненія, присѣлъ возлѣ него самъ, чтобы не допустить его возобновить свою попытку броситься подъ вагонъ. А что Висленевъ имѣлъ намѣреніе найти смерть на рельсахъ, въ этомъ не сомнѣвался ни самъ кондукторъ, ни тѣ изъ пассажировъ, которыхъ Жозефъ разбудилъ, наступивъ на ихъ мозоли. Къ тому же, на несчастье путешественника, онъ, будучи рьянымъ врагомъ классицизма, не зналъ тоже никакихъ и новыхъ языковъ и могъ говорить только на своемъ родномъ. Мѣшая русскія слова съ нѣмецкими, онъ высказывалъ свои опасенія за судьбу оставшейся на станціи своей сопутницы, но его никто не понималъ и въ отвѣтъ на всѣ его моленія, жалобы и порывы вскочить, нѣмецкій кондукторъ, съ длиннымъ лицомъ, похожимъ на гороховую колбасу, присаживалъ его мощною рукою на мѣсто и приговаривалъ: «Seien Sie ruhig!» и затѣмъ продолжалъ вести вполголоса бесѣду съ тѣми изъ пассажировъ, которые проснулись и любопытно наблюдали эту сцену.

Плохо понимавшій по-нѣмецки, Висленевъ не обращалъ вниманія на ихъ разговоръ, въ которомъ до ушей его еще чаще другихъ словъ долетало слово *verrückt*, и къ отягченію своего положенія оставался въ безвѣстности о томъ, что его считаютъ сумасшедшимъ. Въ его разстроенномъ воображеніи мелькнула мысль, что Глафира на него донесла и выдала его, а сама скрылась, а ему уже нѣтъ спасенія. Это было ужасное состояніе, и Висленевъ, потерявъ надежду вырваться изъ-подъ присмотра или объясниться съ суровымъ кондукторомъ, вѣхалъ въ полномъ отчаяніи. Онъ считалъ себя погибшимъ, видѣлъ себя уже разстрѣляннымъ, повѣшеннымъ, затеряннымъ, пропавшимъ безъ вѣсти и... упавъ духомъ, проклиналъ Глафиру. Иногда только ему входило въ голову, что она, можетъ-быть, и въ мысли не имѣла доносить на то, что онъ сдѣлалъ чайникомъ руку, а просто упустила поѣздъ. Но онъ не хотѣлъ ее жалѣть, онъ и тутъ хотѣлъ клясть и клясть, если не за предательство и

коварство, то за «проклятыя женскія фантазіи», ради которыхъ она вышла изъ вагона и пошла расхаживать.

«Чего? чего она вышла? — вопрошалъ онъ самого себя и, сжимая кулакъ свободной отъ кондукторскаго ареста руки, цѣдилъ сквозь зубы: — ухъ, какъ бы я, съ какимъ то-есть я удовольствіемъ всѣхъ этихъ женщинъ выпоролъ! Чудесно бы это было, и мужья бы меня даже навѣрно похвалили».

Но въ то самое время, когда онъ, изнывая въ своемъ безсиліи, въ сотый разъ повторялъ это невинное желаніе, подъ колесомъ вагона раздался опять визгъ переводной стрѣлки, ходъ поѣзда сталъ умѣреннѣе, и очамъ страдающаго Жозефа представилась живая, цвѣтущая красотою и здоровьемъ Глафира.

Такъ какъ въ этомъ романѣ читателямъ уже не разъ приходилось встрѣчать сцены, относительно которыхъ, при поверхностномъ на нихъ взглядѣ, необходимо должно возникнуть предположеніе, что въ разыгрываніи ихъ участвуютъ невѣдомыя силы незримаго міра, — тогда какъ ученымъ реалистамъ нашего времени достовѣрно извѣстно, что цѣтъ никакого иного живого міра, кромѣ того, въницомъ котораго мы имѣемъ честь числить насъ самихъ, — то необходимо сказать, что внезапное появленіе Бодростиной въ вагонѣ не должно быть относимо къ ряду необъяснимыхъ явленій въ родѣ зеленого платья, кирасирскаго мундира съ разрѣзанною спинкой, гордановскаго секрета разбогатѣть, синтянинскаго кольца съ соскобленною надписью, болѣзненнаго припадка Глафиры и другихъ темныхъ явленій, разъясненіе которыхъ остается за авторомъ въ недоимкѣ. Теперь мы уже не такъ далеки отъ всѣхъ этихъ разгадокъ; но разъясненіе появленія Бодростиной на всемъ ходу вагона не станемъ даже откладывать ни на минуту и займемся имъ тотчасъ же, — дадимъ его какъ задатокъ къ тѣмъ расплатамъ, какія за нами числятся и которыя мы въ свое время надѣемся произвести самую натуральною и ходячею монетою.

Дѣло было весьма просто и могло показаться страннымъ и невѣроятнымъ не по существу своему, а по взгляду, который имѣлъ на него смотрящій.

Глафира Бодростина, издавна начертавъ себѣ планъ завладѣть огромнымъ состояніемъ своего мужа, ускользавшимъ

отъ нея по ея же собственной винѣ, по ея неспособности совладать съ собою въ первые годы своего замужества и лицемѣрно или искренно составить себѣ прочную репутацію, взялась за это дѣло нѣсколько поздно; но она, какъ мы видѣли, не теряла надежды привести все къ такому концу, какой для нея былъ нуженъ. Все это она вела исподволь, медленно и расчетливо соединяя множество лицъ и ихъ страстей и влеченій къ одному фокусу стекла, чрезъ которое желала показать міру актъ своего торжества. Простой планъ извести мужа и овладѣть его состояніемъ былъ извѣстенъ, кромѣ ея самой, одному Горданову, но Гордановъ недаромъ додумывался въ Москвѣ до того, что это не весь планъ, а не болѣе какъ только намекъ на то, чего желаетъ и къ чему стремится Глафира. Гордановъ не ошибался, что если бы дѣло шло только о томъ, чтобы убить Бодростиша, то это можно было бы давно сдѣлать и ядомъ, и кинжаломъ, но Глафира чего-то, повидимому, выжидала. Это путало соображенія Горданова. Онъ не ошибался: она путала многихъ и не безъ умысла, и въ числѣ этихъ многихъ его болѣе, чѣмъ кого-нибудь другого. Глафира сама опасалась, что Гордановъ это прозрѣлъ и насторожилъ вниманіе, но она была твердо увѣрена, что онъ не можетъ разгадать ея плана въ его цѣломъ. Цѣлое это было извѣстно только ей одной и притомъ часто измѣнялось то въ той, то въ другой детали, отъ совершенно случайныхъ обстоятельствъ.

По непонятному влеченію контрастовъ, Глафира страстно любила Подозерова: это продолжалось уже цѣлые два года, и къ концу того періода, съ котораго началась наша исторія, чувства Глафиры дошли до неодолимой страсти. Она нѣкогда ухаживала за Подозеровымъ и искала сближенія съ нимъ по тому стереотипному способу, которымъ не брезгаютъ многія; но Подозеровъ, вѣчно занятый дѣлами крестьянъ, недаромъ слылъ чудакомъ. Чувствуя омерзѣніе къ разносторонней «направленской» лжи, съ такимъ избыткомъ переполняющей въ наше время жизнь такъ-называемыхъ «мыслящихъ дѣятелей» того или другого закала, онъ съ чувствомъ глубокой и нервной гадливости удалялся отъ битыхъ ходовъ и искалъ своей доли въ безыскусственномъ и простомъ выполненіи своихъ обязанностей, изъ которыхъ первѣйшею считалъ заботу о своемъ собственномъ усвер-

шенствованіи. Умная и пачитанная Глафира часто съ нимъ бесѣдовала и полюбила его умъ, взгляды и правила, а потомъ, увидавъ, что и самая жизнь его строго гармонируетъ съ этими правилами, полюбила и его самого... по контрасту; но онъ не могъ, или не хотѣлъ быть ея любовникомъ. Это она видѣла и остановилась охотиться за нимъ на этомъ полѣ. Даже болѣе: пораздумавъ, она поняла, что онъ и не хорошъ былъ бы любовникомъ, что, измѣнивъ въ этомъ случаѣ своимъ правиламъ, онъ потерялъ бы весь свой букетъ и пересталъ бы походить на самого себя. Тогда онъ пересталъ бы быть интереснымъ, и всякій гусарь, всякій безпардонный враль, даже всякій нигилистъ въ этой роли были бы интереснѣе его. Но другое дѣло, если бъ онъ былъ ея мужъ... На этомъ она останавливалась съ сладостнѣйшими мечтами; она впадала въ самую пасторальную сентиментальность, доходя даже до того, что воображала его какимъ-то ребенкомъ, а себя—его пѣстуньей, строила планы, какъ бы она лелѣяла его покой, окружа его довольствомъ, любовію, вниманіемъ. Она уносила такъ далеко, что, подобно тому какъ сказочная невѣста ссорилась съ своимъ женихомъ по поводу выбора мужа для ихъ будущей дочери,—она негодовала на себя, когда ей приходила въ голову мысль, что воображаемый мужъ ея Подозеровъ наскучитъ ей, и она ему измѣнитъ... и какъ онъ это снесетъ? Испанскимъ Дворяниномъ, Гораціемъ, благословляющимъ за то и за другое, или... холодно пренебрежетъ ею и броситъ ее безъ вниманія? Броситъ ее... красавицу... богачку? А что же: она, вѣдь, не Лариса, она знаетъ, что это возможно. Она это предвидѣла, негодовала на это и даже готова была плакать. Пусть психологи объяснятъ, почему любовь порочныхъ людей бываетъ такою сентиментальною и противорѣчащею всѣмъ другимъ чертамъ ихъ характера; но это бываетъ такъ и это такъ было съ Глафирой и съ ея любовью къ Подозерову. Вызвавъ изъ блужданья въ пространствѣ Горданова, она хотѣла его рукой освободиться отъ мужа и тогда... обмануть Горданова и выйти за Подозерова, если онъ женится... Если?.. Но почему же нѣтъ? И наконецъ самая забота объ этомъ приносила уже ей удовольствіе; но все это рушилось, сначала благодаря смазливому личику и какой-то таинственной прелести Лары. Потомъ эта дуэль, въ которой Гордановъ настолько превзо-

шелъ самого себя въ предательствѣ и слѣпой паглости, что Глафира этого даже не ожидала, а потомъ... потомъ все докончало извѣстіе о свадьбѣ Лары, сообщенное Гордановымъ въ томъ же самомъ письмѣ, при которомъ была прислана въ Парижъ прекрасная фотографическая карточка, изображающая генеральшу Синтянину въ нѣжнѣйшей позѣ съ Павломъ Николаевичемъ. Сентиментальная любовь Глафиры была съ корнемъ вырвана этимъ извѣстіемъ, и съ нею, откинута всѣ затѣи по сердечной части, но... нѣчто, впрочемъ, осталось. Главное дѣло теперь было исправить репутацію. При помощи спиритизма и денегъ это было устроено такъ легко, что Глафира черезъ мѣсяць послѣ пріѣзда въ Парижъ была принята самыми суровыми ревнительницами добродѣтели, получила отъ нихъ выраженія вниманія и дружбы и даже свободно могла бы дѣлать втайнѣ какія угодно тайныя дѣла, и въ свѣтѣ ей нашлась бы поддержка, и всякій намекъ на ея прошедшее почитался бы не иначе, какъ злонамѣренною клеветой. Но Глафира не смѣшила пользоваться этою легкою побѣдой, она выждала извѣстій о появленіи и о сдачѣ новорожденнаго младенца княгини Казимиры. Между тѣмъ, бѣдный кварталъ, въ которомъ она жила, заговорилъ о ея святости, добротѣ и христіанскомъ милосердіи. Какъ актрисы собираютъ нумера газетъ, въ которыхъ съ похвалою отзываются объ ихъ дебютахъ, такъ Бодростиша собирала нумера, гдѣ парижскіе фельетонисты мелкихъ газетъ писали напыщенный вздоръ о ея благодѣянιάхъ. Все это, разумѣется, стоило денегъ, но Глафира на это не скупилась. По мѣрѣ выхода этихъ газетныхъ мадригаловъ, Глафира посылала ихъ въ Петербургъ, гдѣ Гордановъ долженъ былъ хлопотать, чтобъ ее въ газетахъ брали за благодѣянія, расточаемыя иностранцамъ. Другія газеты смѣшили услужливо оспаривать эти нападки, и имя Глафиры дѣлалось предметомъ разговоровъ и толковъ. Она пріобрѣла нѣсколько бессильныхъ враговъ и множество друзей, имѣющихъ вѣсь и значеніе въ сферахъ, гдѣ космополитизмъ Глафиры давалъ ей наилучшую рекомендацію.

Такимъ образомъ она возвращалась на родину съ цѣлою батареей презервативовъ, долженствовавшихъ охранять ее отъ заболѣваній недугами, которые должна была породить ее собственная злая воля. Но приближеніе къ развязкѣ запутанныхъ ею узловъ все-таки дѣйствовало на нее не-

пріятно... Натура въ ней, противъ воли ея, возмущалась и въ сердцѣ ея шевелилось нѣчто въ родѣ молитвы: да идетъ сія чаша мимо. Ея душевное состояніе было подобно состоянію деспота, который стремится къ абсолютному тиранству, опираясь на содѣйствіе низкихъ клеветовъ и предателей: она противъ воли своей презирала тѣхъ, на кого опиралась, и съ неудовольствіемъ уважала тѣхъ, кого ненавидѣла. Отсюда получило свое начало, можетъ-быть не всегда умѣстное, ея полупрезрительное отношеніе ко всѣмъ ея темнымъ ангеламъ, не исключая самаго старшаго изъ нихъ, Павла Николаевича Горданова. Когда эти люди слѣпо исполняли ея волю, она еще сносила свое положеніе, но когда тотъ или другой изъ ея пособниковъ неосторожно давалъ чувствовать, что онъ проникаетъ въ ея планъ и даже самъ можетъ ей его подсказывать, то ея овладѣвало чувство нестерпимой гадливости. Поэтому, когда Висленевъ, коснувшись въ разговорѣ съ нею опасности, какую имѣть для нея пребываніе въ живыхъ племянника ея мужа, ничего незначащаго кавалериста Кюлевейна, выговорилъ: «а если его... того?» и при этомъ сдѣлалъ выразительный знакъ кистью руки, согнутой въ видѣ чайничка, Глафирѣ сдѣлалось невыносимо противно, что ее проникъ и понялъ этотъ глубоко презираемый ею *monsieur Borné*, сохраняемый и приготовляемый ею хотя и на самую рѣшительную, но въ то же время на самую низкую службу.

Эта гадливость была поводомъ къ тому, что Глафира, во-первыхъ, далеко откинулась отъ Висленева въ глубину своего дивана; во-вторыхъ, что она назвала слова его глупостью, несмотря на то, что они выражали ея собственное мнѣніе, и, въ-третьихъ, что она выбѣжала, ища воздуху, вѣтру, чтобъ онъ обдулъ и освѣжилъ ее отъ тлетворной близости жалкаго Жозефа. Глафира оставалась на платформѣ станціи до послѣдней минуты, и потомъ, давъ кондуктору въ руку талеръ, вѣхала стоя на площадкѣ у двери вагона. Висленеву этого не пришло въ голову, и онъ жестоко страдалъ, то порываясь бѣжать, то пытаясь сообщить попутчикамъ свое затруднительное положеніе. Онъ лепеталъ, подбирая черезъ пятое на десятое нѣмецкія слова о своей спутницѣ, объ ихъ разговорѣ насчетъ одного больного, который будто бы не хотѣлъ принимать лѣкарствъ и которому онъ совѣтовалъ дать это лѣкарство обманомъ.

При этомъ Висленевъ опять изображалъ изъ свободной руки чайничекъ и прихлебывалъ воздухъ, но всѣмъ этимъ только потѣшалъ не понимавшихъ его нѣмцевъ и наконецъ распотѣшилъ и Глафиру, которая съ прибытіемъ въ Берлинъ вошла въ вагонъ.

Ея появленіе чрезвычайно сконфузило Жозефа, онъ залепеталъ было какія-то объясненія, но та, не слушая его, поблагодарила кондуктора, что онъ поберегъ ея спутника, и велѣла ему отпустить руку Жозефа, а тому дала знакъ помогать ей собирать находившіяся при ней дорожныя мелочи ея багажа.

Пассажиры толпились у выхода, и въ толгѣ можно было замѣтить спокойное и даже веселое лицо Бодростиной и робкій, тревожный зракъ Висленева. Приближеніе къ Россіи наполняло безпокойное воображеніе Жозефа неписанными страхами, и Юсафъ Платоновичъ уже млѣлъ и терялся въ Берлинъ, а завтра ждалъ его еще больший страхъ и ужасъ: завтра онъ будетъ въ отечествѣ, «котораго и дымъ намъ сладокъ и приятенъ», и увидитъ наконецъ свою жену и ея малютокъ, которыя, безъ сомнѣнія, выросли и похорошѣли въ это время, какъ онъ находился въ бѣгахъ изъ Петербурга.

«Да и сколько ихъ тоже теперь у меня? это интересно», — думалъ онъ, поспѣвая за Бодростиной и закрывая себѣ лицо коробкой съ ея шляпой. «Ухъ, отцы мои родные, жутко мнѣ, жутко! Ухъ, матушка святая Русь, если бы ты была умница, да провалилась бы въ тарь-тарары и вмѣстѣ съ моею женой, и съ дѣтьми, и со всѣми твоими жецкими и не женскими вопросами! То-то бы я благословилъ за это Господа!»

И Висленевъ началъ часто креститься рукою по груди подъ бортомъ своего пальтишка.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Въ черномъ цвѣтѣ.

Несмотря на то, что Берлинъ — городъ не только не русскій, но даже не особенно расположенный къ Россіи, всѣ русскіе свободомышленники, къ числу которыхъ по привычкѣ причислялъ себя и Жозефъ Висленевъ, останавливаясь въ Берлинѣ на обратномъ пути изъ Лондона или Па-

рижа, обыкновенно предвкушали и предвкушаютъ здѣсь нѣчто отечественное, или, лучше сказать, петербургское. Этому, можетъ-быть, много содѣйствуетъ и виѣшнее сходство обѣихъ столицъ. Тѣ же прямыя, широкія улицы, тѣ же зданія казенно-казарменнаго характера, тѣ же стоячіе воротники, тѣ же нѣмецкія выѣски и та же нѣмецкая рѣчь и паспортная строгость, однимъ словомъ, многое и многое напоминающее, что человекъ уже находится въ преддверіи русской столицы.

Висленевъ ощущалъ все это съ чуткостью самаго тонкокожаго инсекта, и чуть только они съ Глафирой пристали въ гостиницѣ, онъ тотчасъ выразилъ чрезвычайную дѣятельность. Нимало не заботясь о томъ, гдѣ его помѣстятъ и какъ будутъ трактовать въ краткое время пребыванія въ Берлинѣ, онъ бросилъ свой сакъ-воляжъ въ передней номера, гдѣ расположилась отдохнуть Глафира, и попросилъ у нея займы десять талеровъ. (Онъ давно забылъ, какъ имѣютъ свои собственныя деньги, и постоянно бралъ у всѣхъ, у кого могъ, займы, и всегда маленькими суммами, и притомъ, къ чести его, всегда выпрашивалъ ихъ съ большимъ смущеніемъ и на самый кратчайшій срокъ).

Бодростина никогда ему не отказывала въ ссудѣ, но и никогда не давала ему болѣе, чѣмъ онъ просилъ, да и поступи она иначе, онъ бы этимъ ужасно обидѣлся. Такъ и на этотъ разъ она дала ему требуемые десять талеровъ и, отпуская его изъ дому, наказала, чтобъ онъ не забалтывался и помнилъ, что они сегодня же вечеромъ выѣзжаютъ.

! — О, не беспокойтесь, не беспокойтесь, ужъ я не опоздаю, — отвѣчалъ Жозефъ: — я иду по дѣлу, и вы увидите, что я эти нѣсколько часовъ пребыванія въ Берлинѣ употреблю для себя съ большою пользою.

Съ этими словами онъ бросился за двери и убѣжалъ.

Глафира осталась одна и, улегшись, одѣтая, въ довольно жесткое кресло, думала и дремала, дремала и думала. Съ тѣхъ поръ какъ она получила, оказавшееся потомъ ложнымъ, извѣстіе о смерти Подозерова, будто бы убитаго Гордановымъ на дуэли, къ ней рѣдкими, но смѣлыми приступами начало подкрадываться одно странное чувство, нѣсколько общее съ тѣмъ, что ощущала во всѣ знаменательныя минуты своей жизни Лариса. При первомъ из-

вѣсти, что Подозеровъ убить, Глафира не столько сожалѣла о немъ, сколько затруднялась опредѣлить: зачѣмъ же теперь ей все то, что она затѣяла и что совершаетъ? Она находила, что все это напрасный трудъ и рискъ, что для нея почти все равно, пусть все идетъ своимъ порядкомъ, что она теперь ни къ кому уже не чувствуетъ особенной вѣжности. Это былъ тотъ же разломъ, съ тѣмъ же ощущеніемъ своей духовной нищеты, то же самое «нечѣмъ жить», которое томило и обращало Богъ вѣсть во что красавицу Лару. Бодростина выѣхала изъ деревни на окончаніе дѣла неохотно: она даже чувствовала лѣнь все это додѣлывать и даже охотно бы все это бросила, если бы не исторія съ завѣщаніемъ, которую нельзя было оставить, потому что не ровень часть: Бодростинъ самъ могъ пожелать взять это завѣщаніе для какой-нибудь перемѣны, чухонецъ Ропшинъ могъ взрывать и измѣнить ей... Всего этого можно было опасаться. Это и подвигло Глафиру ѣхать поправлять свою репутацію съ цѣлю освободиться отъ мужа и стать полновластною госпожей. Извѣстіе о выздоровленіи и женитьбѣ Подозерова не измѣнило ея настроенія. Впрочемъ, въ Парижѣ разломъ и лѣнь еще щадили ее; но дорогой, когда она скрылась отъ Висленева изъ вагона и ѣхала на площадкѣ, обдуваемая вѣтромъ и осыпаемая искрами, она опять ощутила подступъ этого внутренняго тата. Внутренній голосъ зашепталъ ей подъ свистъ вѣтра: «Брось! На что тебѣ все это? Твоему мужу и безъ того недолго остается жить... Онъ старъ; онъ самъ скоро умретъ своею естественною смертию... На что тебѣ этотъ грѣхъ его насильственной кончины?»

«Ни на что, — рѣшительно отвѣчала она сама себѣ, и чувствовала, что разломъ овладѣваетъ ею все сильнѣе, и даже испугалась. — Какъ же теперь оставить: чѣмъ удовлетворить и куда дѣть всю эту несытую сволочь? Всѣ они, стоя на ножкахъ другъ съ другомъ, переревниуются, перессоряются, и кто сдуру, кто изъ мстительности, всѣ выдадутъ другъ друга и ее въ томъ числѣ». Тяжелыя эти мысли ея и соображенія не разогналъ, а только разсѣялъ на минуту своимъ представленіями въ вагонѣ Висленевъ, и зато, какъ только онъ ушелъ, оставивъ ее одну въ номерѣ берлинской гостиницы, всѣ онѣ снова повисли предъ нею въ воздухъ и качались скучно и безотвязно.

«Надо додѣлывать,—опять шептало ей ея соображеніе.— Ну, пусть такъ; ну, пусть надо; допустимъ даже, что все это удастся и благополучно сойdetъ съ рукъ: ну, что же тогда далѣе? *Чѣмъ жить?*... Умомъ? Господи, но вѣдь не въ акушерки же мнѣ поступать! Умомъ можно жить, живучи полною жизнью и сердцемъ... Стало-быть надо жить сердцемъ?»

Глафира положила руку на грудь и покачала головой.

«Нѣтъ, — проговорила она себѣ: — нѣтъ, довольно этого, довольно: я уже не могу любить... Довольно, довольно: мнѣ нравился чистый, нравственный контрастъ самой меня, но... но я не могу быть любима своимъ чистымъ, нравственнымъ контрастомъ, да и... я чувствую, что и я его мало, очень мало любила...» А все остальное ей было безразлично противно. Ей даже стало мерзко играть въ ту игру, которую она ведетъ съ Висленевымъ, Ропшинымъ и Гордановымъ, изъ которыхъ каждый втайнѣ одинъ отъ другаго рассчитываетъ быть ея мужемъ... Какой позоръ! Эта мизерія Висленевъ, или, еще гаже, этотъ чухонецъ Ропшинъ... О, спаси Боже, какая гадость!.. А Гордановъ?.. этотъ холодный злодѣй и мерзавецъ, наглый, самонадѣянный, злой, коварный предатель и ея пагубникъ...

Глафира при этомъ воспоминаніи даже вся покраснѣла, сжала кулаки и, скрипнувъ зубами, почувствовала неодолимое и страстное желаніе впиться своими пальцами въ его шею и задушить его, какъ она едва этого не сдѣлала полъгода тому назадъ въ Москвѣ, при воспоминаніи, что онъ не только убилъ душевно ее самоё, но и старался физически убить Подозерова, единственнаго человѣка, чья нравственная чистота влекла ее порой къ примиренію съ скорбленнымъ ею и отворачивающимся отъ нея человѣческимъ міромъ. Она глубоко ненавидѣла одного Горданова и ему одному... одному ему на свѣтѣ она хотѣла отомстить за себя тяжело и больно, и это было въ ея рукахъ. За этомъ она вела игру, которая вся теперь была роздана и которую уже настала чась разыгрывать.

«Въ ничью,—опять подсказалъ ей смущающій голосъ.— Въ ничью, потому что... что же ты сдѣлаешь юслѣ всего этого съ самою собою?»

— Я буду богата,—утѣшала себя Глафира.

— Ну, а далѣе?—переговаривался голосъ.

— А далѣе?.. А далѣе?.. Я не знаю, что далѣе...

И она лежала, кусая себѣ губы, и досадливо вглядывалась въ ту страшную духовную нищету свою, которая грозила ей послѣ осуществленія ея плана обладать громаднымъ вещественнымъ богатствомъ, и въ эти минуты Глафира была *человѣкъ*, болѣе чѣмъ всѣ ея партнеры. Она видѣла и мысленно измѣряла глубину своего паденія и слала горькія пени и проклятія тому, кто оторвалъ ее отъ дающихъ опору преданій и опрокинулъ предъ ней всѣ идеалы простого добра и простого счастья...

Съ ней и надъ ней загодя совершалась казнь отрицанія, неотразимая для всякаго отрицателя, посягнувшаго на все святое души, но не лишеннаго того, что называется *натурой*. Она вкушала муки духовнаго нищенства, и въ этомъ было ея преимущество предъ Гордановымъ и братіей, и въ этомъ же заключалось и сугубое несчастье, ибо естественная природа зла, порождающая одно зло изъ другого, не пускала ее назадъ.

Всѣ тяжкіе выводы духовнаго прозрѣнія вдаль не помогали ей нимало: выходило, что она должна довершить то, что затѣяла, хотя бы только для того, чтобъ отдѣлаться отъ стан вороновъ, которыхъ она вызвала сама и которыхъ видъ ей столько теперь досадливъ и неприятенъ.

Она вздохнула, оглянулась вокругъ по пустому покою и, хрустнувъ пальцами схваченныхъ рукъ, бросила ихъ съ досадой на колѣни и, закрывъ глаза, опустила голову и задремала.

Сѣрый сумракъ густѣлъ, по коридорамъ гостиницы, вдали, раздавались шаги и смолкали, въ комнатѣ же была ненарушимая тишь, среди которой слышалось глубокое сонное дыханіе Глафиры. Она спала беспокойно, — ибѣтъ, спокойный сонъ тоже давно ее оставилъ, но дремота ея была тяжелая и крѣпкая, соответствующая большой потребности отдыха и большому желанію хоть на время уйти отъ себя и позабыться.

Потребность въ отдыхѣ удовлетворялась вполнѣ, желаніе позабыться — лишь въ самой малой степени: могучій, прочный и выносливый организмъ Глафиры довольствовался самымъ незначительнымъ физическимъ отдыхомъ, и ея силы возрождались и нервы становились спокойны и крѣпки; но забытье, котораго она жаждала, ее позабыло. Оно носилось

гдѣ-то выше, лишь нижнимъ краемъ своей туманной одежды сокрывая отъ Глафиры головы и лица фигурь, наполнившихъ ея дорожный приютъ; но она узнавала ихъ темныя коптуры. Они шевелились и все ближе и ближе выдвигались изъ глубины покоя къ ея креслу, и тутъ вдругъ все затряслось, спуталось, упало на полъ тяжелою длиною куклою и застонало.

Глафира вздрогнула, обвела комнату полудремотнымъ взглядомъ и замѣтила, что по полу комнаты прокатились одинъ за другимъ два мягкіе клубка сѣрой пряжи. Бодростина догадалась, что это были двѣ иѣмецкія мыши, но она не могла понять, чѣмъ за коричневый черепъ киваетъ ей, выльзая изъ полу въ темномъ углу? Она всматривается и видитъ, что это въ самомъ дѣлѣ черепъ, и вотъ, когда движенія его стали тише, вотъ видны ясно два бѣлые глаза.

Бодростина встала, направилась къ этому таинственному предмету и, толкнувъ его ногой, равнодушно отошла и стала предъ окномъ, въ которое были видны берлинскія кровли и вспыхнувшіе вдали рожки газа.

Предметъ, казавшійся кивающею адамовой головой, былъ полукруглый кожаный бауль, который мыши столкнули съ дорожного сундука, а что такое были два бѣлые глаза, это даже и не занимало Глафиру: она знала, что это двѣ замаскировывавшія замки перламутровыя пуговицы. Она чувствовала себя теперь свѣжею и бодрою, и относилась къ недавнему своему разлому какъ къ слабости, которую надо откинуть, и только торопила время.

«Скорѣй бы, скорѣй! — думала она: — скорѣе ѣхать и все бы скорѣе... Но уже пора ѣхать! гдѣ же запропастился Висленевъ?»

Она вынула изъ-за корсажа часы, поднесла ихъ къ своимъ глазамъ и, отличивъ черную стрѣлку на бѣломъ циферблатѣ, нетерпѣливо молвила про себя:

«Гдѣ можетъ до сихъ поръ оставаться этотъ дуракъ?»

Но прежде чѣмъ она успѣла составить себѣ какую-нибудь догадку въ отвѣтъ на это пытанье, ее поразилъ странный шорохъ за дощатою перегородкой, отдѣляющею переднюю.

«Что это?» подумала Глафира и громко крикнула:

— Эй! кто тамъ?

Отвѣта не было.

— Aber sagen Sie doch: wer ist da?—спросила она еще настойчивѣе и громче, но отвѣта снова не было, а только шорохъ послышался еще яснѣе и торопливѣе.

«Какъ это, однако, глупо, что я оставила незапертою дверь за этимъ болваномъ!» подумала Бодростина, и хотя не струсивъ, однако немного покраснѣвъ отъ мысли, что во время дремоты къ ней очень легко могъ забраться воръ, или даже дерзкій грабитель, который, будучи теперь захваченъ ею на мѣстѣ преступленія, можетъ ни за что, ни про что пырнуть ее ножомъ и дать всей судьбѣ ея такое заключеніе, какого она сама никакъ не выводила ни изъ своего прошлаго, ни изъ настоящаго.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Удивиль!

Опасенія Глафиры, однакоже, были напрасны: шорохъ за перегородкой не заключалъ въ себѣ ничего страшнаго и угрожающаго, а напротивъ, обѣщаль нѣчто смѣшное. Въ этомъ Бодростина удостовѣрилась въ ту же минуту, когда, пожелавъ разрѣшить свое недоумѣніе, черкнула зажигательною спичкой о стоявшую на столѣ плитку опиленаго песчаника.

— Не зажигайте, не зажигайте, Бога ради, огня!—прокричалъ ей изъ-за перегородки знакомый голосъ Висленева, и шорохъ оберточною бумагой сталъ слышенъ еще рѣзче и торопливѣе.

— Что это за вздоръ еще? — спросила Глафира, опустивъ незажженную спичку.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, это не вздоръ: пожалуйте, не зажигайте.

— Да что вы, съ ума, что ли, сошли?

— Нѣтъ; только одну минуточку; еще одну только минуточку не зажигайте, а потомъ можно.

Глафира вмѣсто отвѣта черкнула новою спичкой; но та, вѣроятно, отсырѣла и не загорѣлась; другая тоже, у третьей отскочила головка; зажигая четвертую, Бодростина уронила на полъ весь зажигательный снарядъ и стала подбирать его.

Во все это время Висленевъ усиленно ворочался, кричалъ и ныжился.

Но вотъ Глафира зажгла огонь, и въ ту же самую секунду Жозефъ сдѣлалъ самодовольное «у-у-фъ», и добавилъ: «фу ты, Господи, какъ я вспотѣлъ!»

— Что даже находите нужнымъ объявить объ этомъ,— отозвалась Бодростина, закигая отъ одной свѣчи другую на подзеркальной доскѣ.—Но пожалуйте-ка сюда.

— Сейчасъ-съ.

И затѣмъ прошла еще минута, а Висленевъ не появлялся, между тѣмъ какъ въ узкій просвѣтъ подъ дверью Глафирѣ были видны висленевскіе сапоги.

— Да идите же скорѣе, а то мы изъ-за васъ еще опоздаемъ,—крикнула Глафира.

— Иду-съ, иду.

И сапоги засуетились около двери, но опять ни съ мѣста.

Глафира подошла скорыми шагами къ двери, быстро отмахнула ее однимъ движеніемъ, но отмахнула не безъ труда и не безъ усилія, потому что за дверью цѣпко держался за ручку и наконецъ вылетѣлъ на средину комнаты... кто?.. Какъ назвать это лицо? Глафира отступила два шага назадъ. вмѣсто Жозефа предъ ней стоялъ... чужой человѣкъ, брюнетъ, съ лицомъ, тщательно закрытымъ ладонями.

— Да что же это, наконецъ, такое? — воскликнула Глафира и, однимъ движеніемъ отведя руки незнакомца отъ его таинственнаго лица, расхохоталась.

Предъ нею стоялъ Висленевъ, но не Висленевъ бѣлый и волокнистый, а жгучій, пламенный брюнетъ, съ темною родинкой на лбу у правой брови и съ другою такою же наперекось посерединѣ лѣвой щеки.

Лишь фигура да взоръ напомнили прежняго Висленева: онъ также мялся на мѣстѣ, и то тупилъ глаза внизъ, то хотѣлъ ихъ поднять и разсмѣяться, что ему, наконецъ, и удалось. Видя недоумѣніе Глафиры, онъ вдругъ принялъ изъ несмѣлой и потерянной позы самую развязную, и шаркнувъ и размашисто поклонясь предъ Бодростиной, огнесъ въ сторону руку и произнесъ:

— Какъ вы находите?

— Довольно отвратительно. Объяснитесь, пожалуйста, что это за маскарадъ? Для чего это вы изволили окраситься въ эту вороную масть и расписали себѣ родными бородавками фронтонъ?

— Такъ... совершенно такъ, потому что это такъ нужно, — отвѣчалъ Висленевъ.

— Трусъ! — произнесла, презрительно покачавъ на него головой, Глафира. — Ахъ, какой трусъ, и жалкій, презрѣнный трусъ, теряющій сознание и невѣдающій, что онъ дѣлаетъ.

— Можете говорить что вамъ угодно, а всякій борется за существованіе какъ онъ умѣетъ, — отвѣчалъ, обижаясь, Жозефъ. — Я за границей, при иностранныхъ законахъ о правѣ женщины не трусилъ, и никогда бы не струсилъ и не побоялся моей жены, будь я ей хоть даже вдесятеро болѣе долженъ; но когда мы вѣзжаемъ въ Россію, гдѣ на сторонѣ женщинъ законы, тутъ... я, какъ мужчина, обязанъ сберечь свою свободу отъ жениной власти; да-съ, и это обязанъ!

Глафира не возражала ни слова и, глядя молча на перекрашеннаго Висленева, размышляла: какъ ей съ нимъ быть? Удобно ли ей везти его съ собою далѣе, послѣ его предусмотрительной, но неожиданной выходки? Ее вдругъ посетила мысль: не сдѣлалъ ли онъ это еще въ какихъ-нибудь иныхъ цѣляхъ?.. Кто его знаетъ: онъ что-то долго ходилъ, могъ зайти куда-нибудь въ богатый^о магазинъ и... пожалуй, чего добраго, что-нибудь стянуть? Что же удивительнаго для человѣка, который рѣшился уже однажды подрѣзать пріятельскій портфель, довѣренный ему на сохраненіе? Но она еще посмотрѣла и рѣшила, что это подозрѣніе не можетъ имѣть мѣста, потому что гдѣ ему рѣшиться и что-нибудь сдѣлать самому! Но про^о всякій случай... про всякій случай она сказала, что она съ нимъ рядомъ въ одномъ вагонѣ не поѣдетъ.

— Это почему? — полюбопытствовалъ Жозефъ.

— А потому, что тотъ же цырюльникъ, который васъ раскрашивалъ, конечно могъ заподозрить ваше поведеніе и вѣроятно уже до сихъ поръ указалъ на васъ полиціи.

Юсафъ Платоновичъ затрясся и лепеталъ, что онъ красился у самаго простого мастера, въ глухой улицѣ, и что нынче красятся многіе очень порядочные люди, а что родинки онъ самъ сдѣлалъ себѣ ляписомъ. Впрочемъ, онъ не сопротивлялся Глафириному рѣшенію и, схвативъ свой сакъ-вояжъ, побѣжалъ на желѣзную дорогу, чтобы взять себѣ мѣсто во второклассномъ вагонѣ. Тутъ онъ забился ранѣе

всѣхъ въ темный уголь и, замирая со страха, дожидаль отхода поѣзда, межъ тѣмъ какъ выѣхавшая позже него изъ нумера Бодростина спокойно помѣстилась въ купѣ перваго класса.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Висленевъ въѣзжаетъ въ Петербургъ.

Во всю послѣднюю путину Жозефъ не покидалъ своего угла и показался Глафирѣ лишь въ Эйдкуненѣ, у таможеннаго прилавка; но затѣмъ, переѣхавъ русскую границу, онъ началъ ей досаждать на каждой станціи, подбѣгая къ окну ея вагона и прося ее «серьезно» сказать ему: имѣеть ли она средство спасти его? Глафира нѣсколько разъ отвѣчала ему на это утвердительно, но потомъ ей надобло повторять ему одно и то же, и Висленевъ, не получая новыхъ подтвержденій на свои докучанья, сталъ варьировать вопросы. Теперь онъ добивался, скоро ли, по прибытіи въ Петербургъ, надѣется Глафира улучшить минуту, чтобы заняться его дѣломъ.

— Скажите мнѣ это, Бога ради, потому что это мнѣ очень важно... это меня беспокоить,—говорилъ онъ.—Успокойте же меня, скажите: когда вы начнете?

— Въ первую же минуту, какъ только сниму въ Петербургѣ мою дорожную шляпку,—отвѣчала Глафира.

— Ахъ, не шутите, пожалуйста: мнѣ не до шутокъ.

— Я не шучу и даю вамъ слово, что я прежде всего займусь вашимъ дѣломъ. Вы будете первою моею заботой въ Россіи.

— Честное слово?

— Честнѣйшее, какое только я могу дать.

— Я вамъ вѣрю!

И онъ крѣпко пожималъ и встряхивалъ руку, которую ему нехотя подавала Бодростина, и убѣгалъ въ свой вагонъ, но на слѣдующей остановкѣ опять появлялся возлѣ окна и вопрошалъ:

— Такъ честное слово?

— Да,—отвѣчала коротко Бодростина, и при дальнѣйшихъ остановкахъ не стала открывать своего окна и притворялась спящею.

Жозефъ не осмѣливался ее беспокоить и довольствовался

тѣмъ, что бродилъ возлѣ ея вагона, жалостно засматривая и вздыхая, и затѣмъ исчезалъ до новой остановки.

Чѣмъ ближе они подъѣзжали къ Петербургу, тѣмъ злополучный Козефъ становился все смущеннѣе и жалче, и когда за три послѣднія станціи на стеклѣ окна показалсядвигающійся серебряный пяточокъ, что выходило отъ прижатого Висленевымъ къ стеклу кончика своего носа, то Глафира даже сжалась надъ нимъ и, открывъ окно, сказала ему самымъ искреннимъ и задушевнымъ тономъ, что она бдитъ надъ нимъ, проситъ его успокоиться и увѣряетъ его, что ему ровно нечего бояться.

— Ваше смущеніе и тревога могутъ гораздо болѣе вамъ вредить, чѣмъ все на свѣтѣ, потому что оно выдастъ васъ на первомъ же шагу. Оставьте это и будьте веселы,—посоветовала Бодростина; но Висленевъ отвѣчалъ, что онъ перваго шага отнюдь не боится, ибо первый шагъ для него уже достаточно обезопасенъ, но зато слѣдующіе шаги, слѣдующіе дни и минуты... вотъ что его сокрушало!

Но въ этомъ онъ уже не получилъ утѣшенія: Глафира не слушала его словъ. По мѣрѣ окончательнаго приближенія къ Петербургу, гдѣ она готовилась дать большое генеральное сраженіе мужу, Казимирѣ и всѣмъ ихъ окружающимъ, Бодростина и сама была неспокойна и, сосредоточенно углубляясь въ свои соображенія, кусала свои алыя губы и не слушала дребезжанья своего партнера.

Висленевъ едва добился отъ нея на послѣдней остановкѣ отвѣта на вопросъ: не будетъ ли ихъ кто-нибудь встрѣчать?

Глафира успокоила его, что о ея пріѣздѣ никто не можетъ знать; что для нея самой необходимо, чтобы пріѣздъ въ Петербургъ былъ для всѣхъ неожиданностію и что потому ихъ никто не встрѣтитъ.

— Ну, а если это случайно случится, что кто-нибудь будетъ на станціи, напримѣръ моя жена?—продолжалъ онъ въ тревогѣ.

— Ну, случайность чѣмъ же можно предотвратить? Впрочемъ, вѣдь теперь уже вечеръ и вы перекрашены.

— Да; но по васъ могутъ догадаться, вѣдь вы въ своемъ видѣ выѣзжаете.

— Ну, ужъ я, разумѣется, перекрашиваться не буду; но вы, какъ остановится поѣздъ, берите свой сакъ, садит-

тесъ въ первую карету и подъѣзжайте къ подъѣзду: я сяду и васъ никто не увидитъ.

Это была послѣдняя ихъ умолвка на дорогѣ, и черезъ нѣсколько минутъ ѣзды передъ ними завиднѣлись вдали блудящія звѣздки петербургскихъ огней, а наконецъ вотъ онъ и самъ «полнощныхъ странъ краса и диво».

Суматоха, обыкновенно происходящая при выходѣ изъ вагоновъ, поглотила вниманіе Глафиры настолько, что она, не ожидая помощи Висленева, почти и позабыла о немъ, но онъ самъ напоминалъ ей о себѣ и удивилъ ее еще болѣе, чѣмъ въ Берлинѣ. Въ то время, какъ носильщики несли за нею къ выходу ея багажъ, къ ней подскочилъ высокій человѣкъ, съ огромною, длинною и окладистою черною бородою и усами, и прошепталъ:

— Скорѣй, скорѣй... все готово, карета у подъѣзда и вотъ ея номеръ, а я бѣгу, потому что... видите сколько женщинъ. И съ этимъ незнакомецъ сунулъ ей жестянку нанятой имъ кареты, а самъ юркнулъ въ толпу и исчезъ.

Излишне было бы говорить, что этотъ чернобородый усачъ былъ опять не кто иной, какъ тотъ же Висленевъ. Но когда же успѣла вырасти у него борода? Гдѣ онъ нашелъ мѣсто поддѣть ее: неужто тамъ же въ вагонѣ, или гдѣ-нибудь за угломъ, отыскивая карету? Глафира, однако, не имѣла времени останавливаться надъ разрѣшеніемъ этого курьезнаго вопроса и, сѣвъ въ карету, была поражена новымъ страннымъ явленіемъ: бородачъ очутился у ея дверецъ, захлопнулъ ихъ и, взвившись змѣемъ, уже красовался на козлахъ рядомъ съ кучеромъ и притомъ въ визаномъ, полосатомъ британскомъ колпачкѣ на головѣ.

— Фу, Боже мой, что дѣлаетъ этотъ дуракъ, является въ городъ такимъ полосатымъ шутомъ? — воскликнула съ негодованіемъ Глафира и, опустивъ переднее стекло экипажа, дернула Жозефа за руку и спросила его по-французски: на что это онъ дѣлаетъ?

— Ахъ, оставьте; Бога ради, оставьте меня, — отвѣтилъ ей, робко озираясь по сторонамъ, Висленевъ.

— Зачѣмъ же вы, какъ шутъ, сидите на козлахъ? Велите остановиться и идите, спрячьтесь въ карету.

— Итъ, ни за что на свѣтѣ! Мнѣ здѣсь лучше; пусть меня считаютъ лакеемъ: такъ безопаснѣй.

— Но гдѣ вы это все взяли?

— Въ Берлинѣ купилъ, въ табачной лавкѣ.

— Какъ глупо!

— Ничего-съ, ничего не глупо: меня никто не видалъ, какъ я покупалъ, какъ везъ и какъ надѣлъ въ темномъ углѣ, за дровами, когда бѣгалъ нанимать карету.

— Ну, оставайтесь гдѣ хотите,—рѣшила Глафира, опускающая стекло.

Карета ѣхала, ѣхала и наконецъ, заворачивая изъ улицы въ улицу, остановилась у подъѣзда большого дома на Литейной: здѣсь жили Бодростинъ, Гордановъ и Ропшинъ

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Потопъ.

Какъ только экипажъ остановился, Висленевъ соскочилъ съ козелъ. Бодростина думала, что онъ хочетъ открыть ей дверцы, но она ошиблась: его не было. Она вышла сама, и полагая, что Жозефъ снова удралъ куда-нибудь за уголь, чтобы снять съ себя бороду и усы, стала всходить по освѣщенной лѣстницѣ, приговариваясь, въ какомъ тонѣ встрѣтить мужа, Павла Николаевича и Ропшина, если они дома. Но приготовления эти были напрасны, потому что тѣхъ, кого она ожидала увидѣть, не было дома, и квартира представляла нѣчто странное: парадная дверь была распахнута настежь и открывала большую, свѣтлую переднюю, гдѣ, въ различныхъ позахъ недоумѣнія, находились три лакея на ногахъ и четвертый, самый младшій, лежалъ у самой двери на полу, съ разинутымъ въ нѣмомъ удивленіи ртомъ.

Все это представляло живую картину, которую, однакоже, Глафира не остановилась разсматривать, а, вступивъ въ комнату, спросила:

— Гдѣ баринъ?

Отвѣта не было; картина продолжалась.

Когда она повторила вопросъ, одинъ изъ лакеевъ кое-какъ процѣдилъ ей:

— Ихъ дома нѣтъ-съ,—и съ этимъ схватилъ лампу и побѣжалъ вглубь помещенія.

— Дома ли г. Гордановъ?

— Нѣтъ-съ; ихъ тоже нѣтъ, — отвѣчалъ другой лакей, схватилъ изъ-за шкапа половую щетку и побѣжалъ за первымъ.

Глафира спросила о Ропшинѣ и получила опять такой же отвѣтъ, послѣ котораго третій лакей убѣжалъ, схвативъ желѣзную кочережку отъ пылающаго камина.

Все это имѣло видъ какого-то погрома или партизанскаго сбора на рекогносцировку, и Бодростина потребовала объясненія этимъ странностямъ у послѣдняго, четвертаго лакея, все еще остававшагося на полу, но и этотъ, опомнясь, быстро вскочилъ, заперъ на задвижку дверь и, взявъ въ обѣ руки стоячую, тяжелую ясеновую вѣшалку, устремился съ нею по тому же направленію, куда поскакали его товарищи.

Глафира не могла понять, чтò такое происходитъ, и пошла въ полутьмѣ амфиладой незнакомыхъ комнатъ въ ту сторону, куда помчались ополченные лакеи. Ее руководилъ долетавшій до нея шумъ, вдругъ обратившійся въ гвалтъ настоящей осады.

Глафира удвоила шаги, путаясь о мебель, и завидѣла наконецъ отраженную полосу свѣта. Она оглядѣлась. Покой, гдѣ она находилась, былъ застланъ пушистымъ ковромъ и уставленъ мягкой, бархатною мебелью. Это былъ кабинетъ старика; влѣво за драпированными дверями виднѣлась его спальня, а правѣе — продолговатая комната или широкій коридоръ, совсѣмъ безъ мебели, и въ концѣ-то этой комнаты запертая дверь, у которой теперь толпились всѣ четыре лакея, суетясь, споря, не соглашаясь и въ то же время штурмуя эту дверь и кочергой, и щеткой, между тѣмъ какъ четвертый, позже всѣхъ прибывшій съ ясеновою вѣшалкой, дѣйствовалъ ею, какъ стѣнобойною машиной.

Бодростина взяла одного изъ осаждавшихъ за плечо и отвела въ сторону.

— Что это вы дѣлаете? Что здѣсь за шумъ и за гвалтъ у васъ?

Лакей былъ нѣкоторое время въ замѣшательствѣ, но потомъ отвѣчалъ:

— Господь нѣту дома; мы всѣ сидимъ и въ шанки занимаемся, а Петръ правительственную газету читалъ, а онъ позвонилъ вотъ точно такъ, какъ изволите слышать кто-то теперь звонигъ. Я Петру Аванасьеву говорю: отопри, говорю, Петръ Аванасьевъ, а Петръ Аванасьевъ какъ отодвинулъ задвижку, да только хотѣлъ спросить — кого ему нужно? А онъ какъ сиганеть впередъ, да прямо черезъ

Петра Аванасьева. Петръ Аванасьевъ, непосдержавшись, упалъ, да и съ погь... Ахъ, какъ кто-то звонить!.. А онъ прямо черезъ Петра Аванасьева, да вотъ какъ изволите видѣть... черезъ всѣ комнаты проскочилъ, въ баринову ванну попалъ, сѣлъ и заперся.

— Да кто же, кто же такой?—добивалась Глафира, начиная опасаться, не набредаетъ ли она на разгадку необъяснимаго событія.

— Неизвѣстно-съ,—отвѣчалъ лакей:—больше нельзя полагать какъ или турокъ, или въ родѣ славянскихъ братій, что въ каретахъ возили... Ахъ, какъ звонить, проклятый!

И съ этимъ лакей, позвавъ съ собою двухъ другихъ своихъ сотоварищей, бросились отпирать двери, не покидая своихъ орудій, на случай, если бы звонокъ возвѣщалъ новое вторженіе. У двери ванной комнаты остался одинъ дѣйствовавшій вѣшалкой, который при новой суматохѣ остановился и, будучи отстраненъ Глафирой отъ двери, обтиралъ потъ, выступавшій крупными каплями на его лицѣ.

Глафира межъ тѣмъ припала глазами къ замочной скважинѣ и вида, что въ комнатѣ темно, позвала Висленева.

— Это вы здѣсь?—крикнула она сердито.

— Я,—робко и едва слышно отозвался у самой двери Висленевъ.

— Отпирайте скорѣй!

— Ни за что на свѣтъ!

Зная трусливое упрямство Жозефа, Глафира и не настанвала. Она обратилась снова къ предстоявшимъ ей въ сборѣ слугамъ и сказала, кто она такая и кто незнакомецъ, запершій себя въ ванной комнатѣ Михаила Андреевича.

— Это одинъ нашъ знакомый, сумасшедшій. Не трогайте его, пусть онъ сидитъ, гдѣ ему хочется, онъ пріѣхалъ со мною, и я сейчасъ напишу его роднымъ, чтобы его взяли.

Съ этимъ она, обойдя съ огнемъ всю квартиру, распорядилась внести свои вещи въ кабинетъ мужа, а сама наскоро умылась, сдѣлала безъ всякой сторонней помощи довольно скромный туалетъ и, пославъ челоуѣка за новою каретой, пріѣхала у мужниного письменнаго стола и написала: «Я ѣду къ брату Григорію и черезъ часъ возвращусь. Если вы ранѣе меня возвратитесь отъ княгини Казимиры, то распорядитесь избрать мнѣ въ вашей квартирѣ уголокъ для моего пріюта».

Глафира хотѣла оставить этотъ листокъ на письменномъ столѣ, но вдругъ передумала; разорвала бумажку въ клочки и написала на другой слѣдующее: «Осмотрѣвъ вашу квартиру, я избираю себѣ для помѣщенія вашъ кабинетъ и прошу возлѣ помѣстить мою горничную, о выборѣ которой для меня прикажите позаботиться monsieur Ропшину. Глафира».

Написавъ эту записочку, она вложила ее въ конвертъ и велѣла другому лакею немедленно отнести ее къ Михаилу Андреевичу въ квартиру Казимиры.

Потомъ Бодростина еще написала короткую, но обстоятельную и вѣжливую записку къ женѣ Висленева, давно потерянной нами изъ виду, рыжей и статной Алины. Глафира извѣщала ее, что ея мужъ Жозефъ, давно страдая какими-то непонятными душевными недугами, наконецъ совсѣмъ сошелъ въ Парижѣ съ ума, и что она, Глафира, не желая оставить его въ такомъ положеніи на чужбинѣ, привезла его съ собою въ Россію. Но такъ какъ онъ иногда бываетъ довольно безпокоенъ и требуетъ постояннаго за собою надзора, то она просила Алину, нимало не медля, пріѣхать за Жозефомъ и получить его въ свое распоряженіе.

Этого письма уже не съ кѣмъ было отправить сію же минуту, потому что всѣ люди были въ разгонѣ, и Глафира, поручивъ его отнести оставшемуся единственному слугѣ, уѣхала въ приведенной ей извозчичьей каретѣ, межъ тѣмъ какъ вслѣдъ за ея отъѣздомъ пошли звонокъ за звономъ, и одинъ за другимъ появились: Бодростинъ, Гордановъ, Ропшинъ и наконецъ даже Кишинскій. Всѣ они были довольно разнообразно смущены неожиданнымъ и внезапнымъ прибытіемъ Глафиры и суетились и метались по квартирѣ.

Одинъ, кто могъ бы сообщить имъ какія-нибудь свѣдѣнія, былъ Висленевъ, но о немъ не было и помину, онъ сидѣлъ крѣпко-накрѣпко запершись въ ванной и хранилъ глубочайшее молчаніе. Наконецъ слуги, замѣчая смѣтеніе господъ, сказали, что съ барыней еще пріѣхалъ сумасшедшій высокій, черный баринъ, съ огромною бородой и въ полосатой шапкѣ.

— Это вѣрно онъ!—воскликнулъ Ропшинъ.

— Кто онъ? кто онъ? — суетливо и съ неудовольствіемъ спрашивалъ старикъ Бодростинъ.

— Кто же, какъ не Висленевъ? Мы отъ него сейчасъ можемъ узнать, куда поѣхала Глафира Васильевна.

— Да, какъ не онъ! — отрицалъ старикъ: — вы изъ ума выжили: Висленевъ бѣлобрысый, а этотъ, слышите вы, говорятъ, огромный, черный и бородастый, и потомъ еще сумасшедшій... Это не кто иной, какъ Водопьяновъ... то-есть я хотѣлъ сказать «Сумасшедшій Бедуинъ».

— Но гдѣ же они могли встрѣтиться?

— А вотъ мы это сейчасъ узнаемъ. Люди! всѣ сколько васъ есть, скорѣе сюда слесаря и отмычками отпереть дверь въ ванную.

Разгонъ слугъ послѣдовалъ еще сильнѣйшій, а въ то время какъ Бодростинъ, Ропшинъ, Гордановъ и Кишенскій остались одни, послѣдній вспомнилъ, что съ нимъ въ пальто есть связка ключей, и кинулся за ними, чтобы попробовать отпереть загадочную дверь. Черезъ минуту желѣзо ключа застучало около замочной скважины, и въ то же мгновеніе въ ванной послышался странный гулъ: тамъ хлынула изъ крана вода, что-то застучало и загремѣло внизъ по открытой спускной мѣдной трубѣ.

— Великій Боже! что же это тамъ за чортъ такой сумасшедшій? — воскликнулъ Бодростинъ, сообщавшій свое смятеніе прочимъ, а чортъ, распорядившійся въ ванной, тоже былъ не въ лучшемъ положеніи. Заслышавъ у двери злѣйшаго своего врага Кишенскаго, Жозефъ съ силой отчаянія хватался за все, что нащупывалъ подъ руками и наконецъ, осязавъ кранъ, дернулъ его такъ усердно, что тотъ совсѣмъ выскочилъ вонъ, и вода засвистала черезъ край ванны на средину комнаты и черезъ минуту уже стремилась отсюда быстрыми потоками подъ дверь въ другіе покои, угрожая наводненіемъ всей квартирѣ.

— Запирайте кранъ! запирайте кранъ! — кричали ему всѣ, стуча кулаками въ крѣпкія двери ванной, но — увы! — заключенный не могъ исполнить этого требованія, потому что выдернутый кранъ упалъ въ сточную трубу. Совершенно потерянный Жозефъ стоялъ какъ мраморный дельфинъ, окутываемый брызгами фонтана, межъ тѣмъ какъ Бодростинъ, Гордановъ, Ропшинъ и Кишенскій, запруживая притокъ воды изъ-подъ дверей скомканнымъ ковромъ, наскли на этотъ коверъ и старались сколько возможно препятствовать распространенію потопа.

— Боже мой! Боже! ну, день, ну... ну, что же это такое: сто тысячъ требовать за дитя, которое сама же она про-

сила меня передать акушеркѣ? Гдѣ я возьму ей сто тысячъ и притомъ къ завтрашнему дню? А между тѣмъ она завтра подастъ просьбу... уголовный судъ, скамья подсудимыхъ, улики прислуги и... Сибирь, Сибирь, и... въ эту-то пору жена!

Такъ, сидя вмѣсто прессы на коврѣ, разсуждалъ Бодростинъ и уныло водилъ глазами по лицамъ своихъ сотоварищей, которые казались ему еще унылѣе и хранили молчаніе.

Въ этомъ положеніи и застали ихъ набѣжавшіе слуги и слесари, подоспѣвшіе сюда какъ разъ въ то время, когда карета Глафиры остановилась у большого роскошнаго дома на одной изъ петербургскихъ набережныхъ.

Оставивъ видѣнную нами глупую и шутовскую суматоху въ домѣ мужа, Глафира спокойно всходила по широкой лѣстницѣ темнаго камня въ апартаменты, откуда она хотѣла пустить туманъ и смятеніе по направленіямъ, хватающимъ далѣе предѣловъ ея семейнаго круга.

Замѣчательная красота ея и умъ скрывали волненіе, которое она ощущала, идучи съ непреклонною волей и съ хорошо обдуманнмъ намѣреніемъ, но и съ полнымъ сознаніемъ, что она начинаетъ играть огнемъ.

Подойдя къ двери, она на минуту остановилась и, прежде чѣмъ взяться за ручку, насушила брови и еще разъ продумала: хорошо ли она дѣлаетъ? Но, вѣроятно, по ея расчетамъ выходило хорошо, потому что она сказала въ успокоеніе себѣ:

— Вздоръ! всѣ они здѣсь на ножахъ, и въ ложкѣ воды готовы потопить другъ друга. Куражъ, Глафира, куражъ, и хотя вы, Павелъ Николаевичъ, загарантировались, но на всякаго мудреца бываетъ довольно простоты!—И съ этимъ она смѣлою рукой пожала бѣлую пуговку звонка.

Воодушевившейся, расчетливой Бодростиной и въ умъ не приходило въ эту минуту, что поученіе ея о простотѣ, нападающей на мудрецовъ, можетъ-быть, ни для кого не имѣетъ столько подходящаго значенія, какъ для нея самой, съ которой не спускаетъ очей своего мщенія униженный и оскорбленный и въ жизни никогда не прощавшій ни одной своей обиды генераль Снитянинъ. Бѣлоусый, сухой старикъ, снявъ съ себя съ обидой мундиръ, затаилъ на сердцѣ всю злобу своего униженія и, сидя, по отставному положе-

нію, въ мерлушечьемъ архалучкѣ, зорко прозиралъ вдаль и вглубь своими безцвѣтными глазами и кое въ чемъ жестоко ошибался... Синтянинъ считалъ Глафиру женщиной черною и коварною и предчувствовалъ давно задуманный ею преступный замыселъ, но онъ былъ увѣренъ, что Глафира безъ памяти любитъ Горданова и ведетъ все къ тому, чтобы быть его женой. Эта ошибка была причиной того, что Синтянинъ, преслѣдуя одну мысль — отмстить Горданову, безъ прямого намѣренія разставилъ погибельныя сѣти Глафирѣ. Въ эти-то сѣти она и заносила теперь ногу...

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Проба пера и чернилъ.

За порогомъ двери, у которой мы оставили Глафиру Васильевну Бодростину, не жилъ ни чародѣй, ни волхвъ, ни заклинатель, а была квартира брата ея, Григорія Васильевича или Грегуара. Это достойное небольшого вниманія лицо до сихъ поръ еще почти не появлялось въ нашей повѣсти, хотя имя его упоминали и Глафира, и Гордановъ, и Подозеровъ; послѣдній даже обращался однажды къ Григорію Васильевичу съ просьбой «принять его на какую-нибудь службу, хоть, напримѣръ, въ писаря, въ его департаментъ». Глафира Васильевна еще ранѣе вспоминала о старшемъ братѣ со вздохомъ, а Гордановъ на вопросы, предложенные о немъ когда-то Глафирой, отвѣчалъ съ смущеніемъ.

Грегуаръ управлялъ департаментомъ и слылъ человѣкомъ отмѣнныхъ дарованій, рассчитывалъ или, по крайней мѣрѣ, мечталъ на директорствѣ не остановиться.

Съ сестрой они были въ открытомъ разладѣ съ тѣхъ поръ, какъ она, воспламененная идеями до-дарвинской эпохи петербургской культуры, принесла Горданову свою молодую и беззавѣтную любовь. Грегуаръ не особенно строго осудилъ поведеніе сестры и, оставаясь хорошимъ сыномъ для покинутыхъ родителей и примѣрнымъ чиновникомъ для начальства, онъ даже навѣщалъ инкогнито Глафиру въ ея маленькой коммуны; но, когда сестра покинула Горданова и сдѣлалась Бодростиной, Грегуара это возмутило и въ немъ заиграли служебно-якобинскія симпатіи петербургскаго соціального чиновника. Ему болѣе нравилось видѣть

сестру коммунисткой, чѣмъ предводительней, ибо онъ «свято вѣрилъ», что самое спасительное дѣло для Россіи «пустить ей кровь и повыдергать зубы». Затѣмъ во все то время, какъ сестра его портила, поправляла, и опять портила, и снова поправляла свое общественное положеніе, онъ поднимался по службѣ, схоронилъ мать и отца, благословившихъ его у своего гроба; женился на состоятельной дѣвушкѣ изъ хорошей семьи и, мѣтя въ сладкихъ мечтахъ современемъ въ министры, шелъ вѣрною дорогою новѣйшихъ карьеристовъ, то-есть засѣдалъ въ двадцати комитетахъ, отличался искусствомъ слагать фразы и блистала проповѣдью прогресса и гуманности, доводящею до сонной одури.

Отъ природы онъ былъ гораздо глупѣе своей сестры и сознавалъ это безъ всякой зависти и желчи: напротивъ, онъ любилъ Глафиру, гордился ею и порой даже находилъ удовольствіе ею хвастаться. Онъ былъ убѣжденъ и готовъ былъ другихъ убѣждать, что его сестра—весьма рѣдкая и замѣчательная женщина, что у нея ума палата и столько смѣлости, силы, сообразительности и энергіи, что она могла бы и должна бы блистать своими талантами, если бы не недостатокъ выдержанности, который свелъ ее на битую тропинку.

Съ Михаиломъ Андреевичъ Бодростинымъ Грегуаръ былъ знакомъ и считалъ его дуракомъ, котораго его сестра непремѣнно должна была водить за носъ. Михаилъ Андреевичъ, въ свою очередь, не высоко ставилъ Грегуара. Они изрѣдка дѣлали другъ другу визитъ, и тѣмъ оканчивались всѣ ихъ сношенія. Впрочемъ, въ нынѣшній свой пріѣздъ въ Петербургъ, Бодростинъ, затѣявъ торговья предпріятія, въ которыя втравливали его Кишенскій и Гордановъ, имѣлъ дѣла по департаменту Грегуара, и они видались другъ съ другомъ нѣсколько чаще.

Въ глубинѣ чиновничьей души, Грегуаръ, впрочемъ, даже чувствовалъ нѣкоторое удовольствіе числиться родственникомъ такого родовитаго барина, какъ Бодростинъ, и это обстоятельство было извѣстно его женѣ, умной и нѣсколько ядовитой женщиной, сохранившей себя безъ пятна и порока и почитавшей себя въ правѣ казнить всякую язу въ людяхъ, начиная съ извѣстной ей суетной мелочности ея мужа.

Въ семьѣ Грегуара отчасти было то же самое, что и въ семьѣ Бодростинныхъ: жена его была умнѣе его самого, обладала несравненно большею противъ него проникательностію, опиралась на свое хорошее родство и привыкла довольно безперемонно не скрывать предъ мужемъ своего превосходства. Отсюда миръ семьи ихъ не былъ миръ вождѣлѣнный, а, напротивъ, довольно натянутый, и съ возрастомъ единственнаго сына ихъ, котораго мать любила безъ памяти, а отецъ, занятый своими комитетами, довольно безстрастно, супруги незамѣтно раздвинулись на большую дистанцію. Признавъ волей-неволей несомнѣнныйя преимущества своей жены, Грегуаръ не входилъ съ ней ни въ какую борьбу и даже былъ очень радъ, что она вся предалась воспитанію сына, съ которымъ ему не было ни времени, ни охоты заниматься. Грегуаръ, отецъ и Грегуаръ сынъ едва были знакомы другъ съ другомъ, и войти въ ближайшія отношенія имъ даже не предвидѣлось повода: Грегуаръ младшій привыкъ считать себя вполне зависимымъ отъ одной матери, а отца считалъ не болѣе какъ за милаго гостя и даже слегка надъ нимъ подтрунивалъ, отчего, впрочемъ, мать его обыкновенно воздерживала, не замѣчая, что сама первая его всему обучила своимъ живымъ примѣромъ.

Родители столкнулись на вопросѣ о судьбѣ сына только при выборѣ заведенія, гдѣ младшій Грегуаръ долженъ былъ получить образованіе. Отецъ, разумѣется, желалъ видѣть въ сынѣ современнаго реалиста, руководясь теоріями, къ которымъ мать питала отвращеніе. Но мать возстала рѣшительно и побѣдила.

— Я хочу вести моего сына тѣмъ путемъ, который дастъ вѣдомые результаты, и, какъ мать, не позволю дѣлать надъ нимъ опытовъ,— рѣшила она твердо и неуклонно.

Грегуаръ на это было возразилъ, что и онъ, «какъ отецъ», тоже имѣетъ свои права и можетъ пробовать, но, получивъ отвѣтъ, что онъ «не отецъ, а только родитель», отступилъ и, махнувъ рукой, оставилъ женѣ дѣлать съ сыномъ чтò ей угодно. Съ этихъ поръ онъ еще болѣе предался комитетамъ, укрѣплялъ связи, завязывалъ связизки и утвердилъ за собою въ обществѣ репутацію добрейшаго человѣка, а дома, въ глазахъ жены и одиннадцатилѣтняго сына, былъ существомъ, къ которому жена относилась съ

обидною снисходительностью, а иногда даже и съ легкою тѣнью презрѣнія.

Въ эту-то семью постучалась Глафира съ цѣлю помириться съ давно невиданнымъ братомъ, познакомиться съ его женой, о которой она имѣла довольно смутное понятіе, и заставить Грегуара старшаго тряхнуть его связями въ пользу предпріятого ею плана положить къ своимъ ногамъ Михаила Андреевича Бодростина и стать надъ нимъ во всеоружіи силы, какую она теперь должна получить надъ нимъ, какъ женщина достойнаго почтенія образа жизни, надъ мужемъ безнравственнымъ, мотомъ и аферистомъ, залутаннымъ въ скандальную исторію съ проходимою, угрожающе ему уголовнымъ судомъ за похищеніе ребенка. вмѣстѣ съ тѣмъ Глафира надѣялась прослѣдить съ помощію брата: не предалъ ли ее гдѣ-нибудь Гордановъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Свой своему поневолѣ другъ.

Когда Глафира вступила въ квартиру брата, Грегуара старшаго не было дома.

Бодростину это не остановило: она прошла въ залъ и велѣла доложить о себѣ невѣсткѣ, которая сидѣла въ это время въ смежной гостиной и проходила съ сыномъ его завтрашній урокъ.

Глафира видѣла тѣни обѣихъ фигуръ матери и сына, слышала какъ человѣкъ произнесъ ея имя, слышала какъ хозяйка потребовала отъ человѣка повторенія этого имени, и вслѣдъ затѣмъ молча встала и вышла куда-то далѣе, а слегка сконфуженный лакей, выйдя на цыпочкахъ, прошепталъ, что Григорія Васильевича нѣтъ дома.

— Хорошо, я подожду,—отвѣтила ему Бодростина:—а вы зажгите свѣчи въ его кабинетѣ и подайте мнѣ туда чаю.

Ея смѣлость и твердость подѣйствовали воодушевляющимъ образомъ на лакея, который тотчасъ же пошелъ исполнять ея приказанія, межъ тѣмъ какъ сама Глафира, бросивъ на диванъ шаль, плавною походкой вошла въ освѣщенную комнату, гдѣ сидѣлъ надъ книгой ея племянникъ.

Подойдя къ мальчику, она обняла его и, поцѣловавъ въ

голову, назвала себя его теткой и спросила о его отцѣ и о матери; но прежде чѣмъ ребенокъ собрался ей отвѣтить, изъ дверей внутренней комнаты вышла сама его мать.

Невѣстка Бодростиной была небольшая и не особенно красивая женщина, лѣтъ тридцати, блондинка, съ тонкими губами, прямымъ носомъ и сѣрыми острыми глазами.

Увидѣвъ сына близъ Глафиры, которая, сидя въ креслѣ, держала его у своего плеча, дама эта слегка передернулась и, измѣнившись въ лицѣ, сказала:

— Если не ошибаюсь, вы сестра моего мужа?

— Да; хоть поздно, но позвольте намъ родными счестся, — отвѣчала Глафира.

Онѣ пожали другъ другу руки, причемъ жена Грегуара тотчасъ же сказала сыну, — чтобъ онъ убиралъ свои книги и шелъ къ себѣ, а сама попросила гостью въ кабинетъ мужа.

Глафира видѣла и понимала, что ее здѣсь глубоко презираютъ и какъ отъ чумы прибираютъ отъ нея дитя, чтобъ она не испортила его своимъ прикосновеніемъ, и она удвоила осторожность и любезность.

Зная, что ничѣмъ нельзя такъ расположить въ свою пользу любящую мать, какъ мѣткимъ словомъ о ея ребенкѣ, Глафира прямо заговорила о замѣтной съ перваго взгляда скромности и выдержанности младшаго Грегуара.

— Да, — отвѣтила мать: — онъ не худой мальчикъ; но онъ еще слишкомъ молодъ, чтобы дѣлать о немъ заключенія.

— Вы какъ хотите его воспитывать?

— Какъ Богъ приведетъ: онъ теперь учится въ хорошей школѣ.

Глафира почувствовала, что ей не удастся разговориться съ невѣсткой, потому что та, не продолжая рѣчей о воспитаніи, быстро поднялась съ мѣста и сказала:

— Мужъ мой долженъ тотчасъ вернуться.

— Ахъ, вы за нимъ вѣрно послали? — догадалась Глафира.

— Да, онъ сейчасъ будетъ.

И дѣйствительно, въ эту минуту послышался звонокъ: это былъ Грегуаръ.

— Вотъ и онъ! — проговорила Грегуарова жена и тотчасъ же вышла.

Братъ Глафиры сильно измѣнился въ теченіе многихъ лѣтъ, въ которыя они не видались съ сестрой. Теперь ему

было за-сорокъ; высокая, нѣкогда стройная его фигура сдѣлалась сухошавою, угловатою; голубые глаза обезцвѣтились, сѣдые бакенбарды и назадъ закинутае порѣдѣвшіе волосы на головѣ придавали ему стереотипный видъ петербургскаго чиновника.

Глафирѣ было не трудно замѣтить, что Грегуаръ съ неудовольствіемъ взглянулъ вслѣдъ своей удалившейся женѣ.

Братъ и сестра встрѣтились довольно спокойно, но пріятливо.

Грегуаръ, давно пріучившій себя, ради прогресса и гуманности, равнодушно и безразлично относиться къ добру и злу, подаль сестрѣ руку и началъ со стереотипной фразы о томъ, что они давно не видались.

— Да, давно,—отвѣчала ему Глафира: — но тѣмъ не менѣе я всегда была увѣрена, что мы съ тобой не разошлись.

— Изъ-за чего же? Полно, сдѣлай милость: я очень радъ тебя видѣть.

— Да, и потому теперь, когда мнѣ нужна была твоя помощь, я рѣшила къ тебѣ прямо обратиться.

— И прекрасно сдѣлала. Чѣмъ могу служить?

Глафира сообщила брату о доходившихъ до нея въ Парижъ странныхъ слухахъ насчетъ ея мужа, о его безумныхъ, рискованныхъ предпріятіяхъ и еще болѣе о его странной связи съ княгиней Казимирой, связи, которая стоила старику чудовищныхъ денегъ и, наконецъ, угрожала теперь скандаломъ по случаю пропажи ребенка.

— Слышалъ, слышалъ,—отвѣтилъ Грегуаръ: — это значитъ: послѣ старости пришедшей былъ припадокъ сумасшедшій.

— Да ужъ какъ знаешь, но это надо остановить; я тебя прошу помочь мнѣ какъ-нибудь въ этомъ случаѣ.

— Очень радъ, очень радъ, но какъ же помочь?

Глафира пожала плечами и проговорила:

— Что жъ дѣлать? Мнѣ бы не хотѣлось, но обстоятельства такого рода, что я вынуждена поступить противъ моихъ желаній; я рѣшила обратиться къ властямъ.

— Это очень просто.

Глафира не ожидала такого согласія и продолжала:

— Очень просто, если ты мнѣ поможешь одинъ изъ наиболѣе вредныхъ людей, стоящихъ около моего мужа, конечно, Гордановъ.

— Очень умный человек, — перебил Грегуарь.

Этот отзыв еще более удивил Глафиру.

— Да; онъ умный, но вредный. Это темный человек, — проговорила она и прибавила, что хотѣла бы прежде всего знать о немъ Грегуарово мнѣніе; такъ какъ говорятъ, что Гордановъ пользуется какимъ-то особеннымъ положеніемъ.

— Я не знаю; нынче такъ много говорятъ про особенныя положенія, что не разберешь, кто чѣмъ пользуется, — отвѣчалъ Грегуарь. — Во всякомъ случаѣ ты можешь отнестись...

Грегуарь назвалъ одного изъ должностныхъ лицъ, къ которому и совѣтовалъ обратиться Глафирѣ.

— Но какъ же это сдѣлать?

— Если хочешь, я завтра увидаюсь и предупрежу, а ты поѣзжай.

— Да согласится ли онъ принять во мнѣ участіе, если въ самомъ дѣлѣ Гордановъ имѣетъ покровителя? Не связаны ли они чѣмъ?

— Связаны, какъ всѣ у насъ въ Петербургѣ связаны — враждой другъ къ другу. Здѣсь, душа моя, всѣ на ножахъ. Да ты давно въ Петербургѣ?

— Нѣтъ, только что пріѣхала, и первый шагъ мой былъ къ тебѣ, а потому и спѣшу домой.

Глафира приподнялась съ мѣста.

— Надѣюсь, мы будемъ видѣться?

— Да, да, конечно, мы будемъ видѣться, — отвѣтилъ Грегуарь. — Но куда же ты такъ спѣшишь?

— Миѣ пора; я еще не успѣла оправиться: притомъ твоя жена, кажется, меня не долюбливаетъ.

Грегуарь махнулъ рукой.

— Что? — переспросила его, улыбувшись, Глафира.

— Да Богъ съ ней, — отвѣтилъ Грегуарь.

— У васъ, кажется, дѣйствительно всѣ другъ съ другомъ на ножахъ.

— По крайней мѣрѣ на ножичкахъ, — отшутился, пожавъ руку сестры, Грегуарь, и тихо пошелъ вслѣдъ за нею къ двери.

— Такъ я не буду ее беспокоить и прощаться съ ней: ты передай ей мой поклонъ. А завтра мы съ тобой въ какомъ часу увидимся?

— Мы съ тобой увидимся, если хочешь, часа въ четыре.

- Прекрасно; ты ко мнѣ прѣзжай обѣдать.

— Пожалуй; а туда я съѣзжу утромъ и дамъ тебѣ знать.

На этомъ они разстались. Глафира сѣла въ свой экипажъ и возвратилась въ квартиру мужа, гдѣ застала описанный нами въ послѣдней главѣ беспорядокъ: потопъ, произведенный Висленевымъ.

Появленіе Глафиры еще болѣе увеличило этотъ беспорядокъ, но къ прекращенію его послужило письмо, которое вручилъ Глафирѣ Васильевнѣ человекъ, посланный ею часть тому назадъ съ запиской къ Алинѣ.

Алина, извѣстясь о привозѣ ея сумасшедшаго мужа, не замедлила отвѣтить Бодростиной, что она сама нездорова и прѣхать не можетъ, что помѣщеніе ея въ настоящее время очень тѣсно и неудобно для пріема больного, находящагося въ такомъ положеніи, въ какомъ находится Жозефъ, и что потому она проситъ охранить его до завтрашняго дня, пока она распорядится: или помѣститъ Жозефа въ домъ умалишенныхъ, или устроить его какъ-нибудь иначе.

Прочитавъ это письмо тотчасъ послѣ короткаго и быстрого свиданія съ мужемъ, Гордановымъ, Ропшинымъ и Кишенскимъ, Глафирѣ не было особеннаго труда убѣдить ихъ, что вытасченный изъ ванной комнаты и безмолствовавшій мокрый Жозефъ возвратился въ умопомѣшательствѣ, во имя котораго ему должны быть оставлены безнаказанно всѣ его чудачества и прощены всѣ безпокойства, причиненныя имъ въ домѣ.

Съ мужемъ Глафира держалась довольно холодно. Она отговорила усталостью, головою болью и прежде всего пожелала успокоиться.

Доставленная, по ея распоряженію, Ропшинымъ горничная устроила ей спальню въ кабинетѣ Бодростина, и Глафира уснула.

Кишенскій ушелъ къ себѣ; Михаилъ Андреевичъ помѣстился въ спальнѣ, а Висленевъ былъ взятъ Гордановымъ.

Иосафъ Платоновичъ нисколько не протестовалъ противъ данной ему клички человека сумасшедшаго, даже болѣе: онъ содѣйствовалъ укрѣпленію установившагося мнѣнія, ибо, не желая притворяться сумасшедшимъ, былъ какъ

нельзя болѣе походить на помѣшаннаго, и Гордановъ, поговоривъ съ нимъ немного, убѣдился, что Жозефъ въ самомъ дѣлѣ не въ здоровомъ разсудкѣ: онъ ничего не сообщалъ, и только хлопоталъ объ одномъ: чтобы находиться въ комнатѣ, постоянно запертой на замокъ, ключъ отъ котораго былъ бы у него въ карманѣ. Когда это было для него сдѣлано, онъ вздохнулъ и освѣдомился:

— Правда ли, что скопцы даютъ деньги?

— Кому?—спросилъ его Гордановъ.

— Ну тѣмъ, кто идетъ въ ихъ вѣру.

— Да, говорить, что даютъ. А что такое? Не хочешь ли ты въ скопцы идти? Прекрасно бы, братецъ мой, сдѣлать, и мнѣ бы деньжонокъ далъ. Скопцы богатые.

— Нѣтъ; я это такъ,—уронилъ Жозефъ и, спрятавъ ключъ, укутался въ одѣяло и вздыхалъ всю ночь, а къ утру забредилъ скопцами.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

О ш и б к а.

Глафира еще спала, когда ей былъ доставленъ чрезъ курьера конвертъ; Грегуаръ извѣщалъ сестру, что онъ уже видѣлся съ генераломъ, который можетъ оказать ей защиту противъ хищниковъ, онутавшихъ ея мужа, и совѣтовалъ ей, не теряя времени, тотчасъ ѣхать къ его превосходительству.

Одѣться и собраться для Глафиры было дѣломъ одной минуты, и черезъ полчаса ея наемный экипажъ остановился у небольшого каменнаго дома, гдѣ жилъ генераль. Едва Глафира вступила въ переднюю главнаго помѣщенія этого дома, человѣкъ въ полуформенномъ платьѣ, спросивъ ея фамилію, тотчасъ же пригласилъ ее навѣрхъ и сказалъ, что генераль ее ждетъ.

На верхней террасѣ лѣстницы фамилія ея другимъ такимъ же человѣкомъ была передана третьему, и Глафиру Васильевну провели черезъ небольшую гостиную въ комнату, раздѣленную на-двое драпировкою.

Здѣсь, спиной къ драпировкѣ, а лицомъ къ двери, за небольшимъ письменнымъ столомъ, покрытымъ въ порядкѣ разложенными кипами бумагъ, сидѣлъ генераль: онъ былъ немного лысъ, съ очель добрыми, не привыкшими гнѣваться

сѣрыми глазками. При входѣ Бодростиной, генераль читаль и подписываль бумага, не приподнялся и не тронулся съ мѣста, а только окинулъ гостью пронизательнымъ взглядомъ и, протянувъ ей лѣвую руку, проговорилъ:

— Добро пожаловать. Чѣмъ могу вамъ служить?

И съ этимъ онъ указаль ей на кресло, стоявшее противъ него по другую сторону стола.

— Генераль, моя просьба страннаго свойства, — начала Глафира:—я иду противъ мужа съ тѣмъ, чтобы защитить его и выпутать изъ очень странной исторіи.

— Это я знаю-съ,—отвѣтилъ генераль, не прерывая ни на минуту чтенія и подписыванія бумагъ.—Что же далѣе?

— Мой мужъ—богатый человекъ; онъ всегда имѣль слабость вѣрить въ свои коммерческія соображенія и имъ овладѣль духъ крайней предпріимчивости, несвойственной ни его лѣтамъ, ни его положенію: онъ разстраиваетъ свое состояніе.

— Это теперь сплошь и рядомъ со многими, но я ничего не могу тутъ сдѣлать,—отвѣчалъ генераль съ привычною ясностью и скоростью настоящаго дѣловаго человека.

— Но онъ находится въ рукахъ такихъ людей, которые просто спекулируютъ на его довѣрчивость и увлеченіе.

— Мошенниками полонъ свѣтъ,—перебилъ генераль:—но пока эти мошенники не попадаютъ, на нихъ при нынѣшнихъ порядкахъ нѣтъ управы. Я вижу, что я знаю все, что вы мнѣ хотите сказать; я давно знаю эту клику, которая донтъ вашего мужа, но все это бесполезно; другое дѣло, если бы вы могли мнѣ дать какія-нибудь доказательства.

Глафирѣ прежде всего, разумѣется, хотѣлось знать, дѣйствительно ли Гордановъ успѣль заручиться какимъ-либо покровительствомъ. Постоянно вращаясь въ мірѣ интригъ и не имѣя права рассчитывать ни на какую преданность со стороны Горданова, она опасалась, что и онъ, не довѣряя ей, точно такъ же, можетъ стать, предпочель устроиться инымъ способомъ и, можетъ-быть, выдать ея намѣренія. Поэтому Глафира прямо спросила своего собесѣдника: что ему извѣстно о Павлѣ Николаевичѣ?

Генераль, не выпуская пера, только взглянулъ на нее и ничего не отвѣтилъ.

Бодростина поняла, что она сдѣлала неловкость. Къ тому же она ясно видѣла, что генераль принимаетъ ее не съ аттенціей, на какую она имѣла бы, кажется, право по своему положенію. Это нехорошо дѣйствовало на Глафиру, и она, оставивъ свое намѣреніе выпросить о Гордановѣ, прямо перешла къ другому.

— Мнѣ кажется, генераль,—сказала она:—что здѣсь есть еще одна особа, противъ которой я тоже не могу вамъ представить никакихъ уликъ юридическихъ, но которой поведеніе настолько явно, что, мнѣ кажется, необходимо остановить ее отъ азартныхъ покушеній на моего мужа.

— Про кого вы говорите?

— Я говорю про княгиню Казимиру Вахтерминскую.

— Въ чемъ же дѣло?

— Она требуетъ съ моего мужа пятьдесятъ или даже сто тысячъ рублей за то, что онъ имѣлъ неосторожность отослать въ Воспитательный домъ рожденного ею назадъ тому два мѣсяца ребенка, котораго она ставитъ на счетъ моему мужу.

— Да, но это ея сіятельство можетъ ставить на счетъ кому ей угодно.

— Но она ставитъ именно мужу моему, а не кому-нибудь другому.

— Ну-съ,—продолжалъ генераль:—такъ чѣмъ же я тутъ могу вамъ помочь?

— Сдѣлайте что вы хотите, генераль, но я обращаюсь къ вашей милости и на васъ однихъ надѣюсь.

Генераль ни слова не отвѣтилъ и продолжалъ молча читать и подписывать одну за другою бумаги.

Глафира находила свое положеніе затруднительнымъ и, помолчавъ, начала излагать свои подозрѣнія насчетъ самаго способа выдачи векселей ея мужа, причемъ упомянула и объ исчезнувшемъ артистѣ.

— Да вѣдь то-то и есть, что онъ исчезъ,—проворчалъ генераль, не прерывая своего писанія и чтенія.

— Но какъ же могъ онъ исчезнуть?

— А вотъ отгадайте! — отвѣчалъ генераль, опять занимаясь своимъ дѣломъ.

Дальше не могло быть никакого разговора.

Глафира поднялась и спросила:

— Что же, могу ли я на что-нибудь надѣяться, генераль?

— Я могу ее пугнуть, если она пуглива, и больше ничего.

Бодростина раскланялась, генераль опять подавъ ей лѣвую руку и сказавъ ей на дорогу доброе пожеланіе, но на сей разъ не удостоилъ уже взгляда.

Глафира вышла и уѣхала весьма недовольная своимъ сегодняшнимъ утромъ и рѣшила забыть объ этой незадачѣ и дѣйствовать самой, тѣмъ болѣе, что это ее и не пугало.

Но въ чемъ же здѣсь ошибка?

Большую ошибку въ чемъ-то здѣсь видѣлъ генераль: онъ, оставшись, по выходѣ Глафиры, одинъ въ своей комнатѣ, подписалъ еще нѣсколько бумагъ и затѣмъ, вскочивъ вдругъ съ мѣста, отперъ несгораемый шкафъ, помѣщавшійся за драпировкой. Здѣсь онъ безъ затрудненія нашелъ среди множества бумагъ письмо, писанное въ довольно короткомъ тонѣ генераломъ Синтянинымъ, съ просьбой обратить вниманіе на Горданова, который, по догадкамъ Ивана Демьяновича, имѣлъ замыслы на жизнь Бодростина съ тѣмъ, чтобы жениться на его вдовѣ.

«Чортъ возьми, не можетъ же быть, чтобы старикъ Синтянинъ такъ ошибался! А между тѣмъ, если она его любить и за него невѣстится, то съ какой стати ей его выдавать и даже путать? Нѣтъ; тутъ что-то не чисто, и я ихъ на этомъ баринѣ накрою», рѣшилъ генераль и подавилъ электрическую пуговку на своемъ столѣ.

— Перушкина!—сказавъ онъ вошедшему дежурному чиновнику.

Почти въ это же самое мгновеніе передъ нимъ появился неслышными шагами пожилой человекъ, остриженный по-купечески, въ скобку, и одѣтый въ простой, длиннополый, купеческій сюртукъ.

— Андрей Парфенычъ!—сказавъ ему генераль:—поглядѣло ли твое степенство на эту барыню, которая сейчасъ вышла?

— Какъ же-съ, ваше превосходительство, поглядѣлъ,—отвѣчалъ вошедшій.

— Эта она?

— Такъ-съ.

— Григорья Васильевича Акатова сестрица?

— Слышалъ-съ.

— Ее надо изловить: сумѣешь ли?

Андрей Парфеновичъ тряхнулъ головой, вздохнулъ и произнесъ:

— Службу свою должно исполнять, ваше превосходительство.

— То-то! Я на тебя надѣюсь. Ты одинъ эту механику прослѣдить можешь; тутъ дѣло темное: воръ на вора въ доносъ идетъ.

Андрей Парфеновичъ покачалъ головой.

— Что?

— Ученые-съ, говорю:—бѣда съ ними.

— Да, но смотри, не суди объ этой барынь по Григорію Васильевичу, у этой подъ каблукомъ больше ума, чѣмъ у ея брата во лбу. Горданова ты тоже знаешь?—И генераль вскинулъ острый взглядъ на Андрея Парфеновича.

— Довольно о нихъ извѣстны.

— И понимаешь, чѣмъ онъ держится?

— Помилуйте, какъ не понимать-съ.

— Такъ ты долженъ понимать и то, сколько я тебѣ вѣрю въ этомъ дѣлѣ. Поймай мнѣ этого Горданова!

Андрей Парфеновичъ молчалъ.

— Можешь?

— Постараюсь.

Генераль хлопнулъ его по плечу и проговорилъ съ разстановкой на ухо:

— Поймай его, и я этого не забуду.

— Изловлю-съ.

— Тутъ есть еще княгинька Вахтерминская.

— Знаю-съ.

— Дѣйствительно ли ты ее знаешь?

Андрей Парфеновичъ развелъ руками и отвѣтилъ:

— Какъ бы не знать! Да вѣдь онѣ тоже при тѣхъ самыхъ дѣлахъ, что и господинъ Гордановъ.

— Излови ихъ, и я тебя озолочу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Старые пріатели.

Возвратясь домой, Глафира Васильевна не застала мужа. Встревоженный угрозой судомъ, которую сдѣлала ему вчерашній день княгиня Казимира, Михаилъ Андреевичъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ положеніи своихъ дѣлъ: онъ даже не думалъ о женѣ и хлопоталъ только объ одномъ: какъ бы разойтись съ Казимирой. Подъ неотступнымъ да-

влениемъ этой заботы, онъ, какъ только всталъ, бросился рыскать по городу, чтобъ искать денегъ, нужныхъ для сдѣлки съ Казимирой. Онъ даже завернулъ въ департаментъ къ Грегуару и просилъ его, не можетъ ли тотъ помочь ему въ этомъ случаѣ.

Грегуаръ, разумѣется, ничѣмъ ему помочь не могъ и отдѣлался только общими сожалѣніями, которыя потерявшійся Бодростинъ склоненъ былъ теперь принимать какъ нѣкоторую, хотя малоцѣнную, но все-таки пріятную монету.

— Нѣтъ, за что же-съ? За что же?—жалостно вопіялъ онъ къ Грегуару: — ну, скажите, Бога ради, ну кто же въ свою жизнь былъ Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ? Ну, она очень хорошенькая женщина, даже милая женщина, съ талантами, съ лоскомъ, ну, я бывалъ, но помните, чтобы подвести меня подъ такую глупую штуку, какъ покража ребенка... Ну, зачѣмъ мнѣ было его сбывать?

— Совершенно вѣрю.

— Да какъ же-съ! Спроси она у меня на его обезпеченіе три, пять тысячъ, я бы далъ-съ, охотно бы далъ. Я даже все это предлагалъ, но она стояла за свое *reputé*... Ну, я поддалея: въ самомъ дѣлѣ она молода, княгиня; она говорила, что боится, чтобы какъ-нибудь не прозналъ объ этомъ князь и не затѣялъ развода. Какъ я ни предлагалъ ей секретно устроить ребенка, какъ это дѣлается и какъ и мнѣ доводилось въ старину дѣлывать съ женщинами стараго закала, но она ни за что не хотѣла. Стояла на томъ, что ребенка этого не должно быть слѣда. И тутъ совершенная случайность... Она говоритъ: «вынесите», я только вынесъ, и остальное все было сдѣлано мимо моей воли. Куда его дѣвали? Чортъ все это знаетъ! И вдругъ, ни съ того, ни съ сего, угрожать уголовнымъ судомъ за покражу ребенка... Ну, скажите, вѣдь это ума помраченіе! А между тѣмъ меня, въ мои года, женатаго человѣка, сведуть на скамью подсудимыхъ!..

Бодростинъ ужасался и ерошилъ свои беражеровскія сѣдыя кудри.

Грегуаръ пробовалъ заговорить о выгодахъ современнаго суда: защитѣ адвокатовъ и т. п., но Бодростинъ этимъ не могъ успокоиться. Всѣ выгоды современнаго судопроизводства мало его обольщали, и онъ говорилъ:

— Прекрасно-съ, я не отчаиваюсь, что при даровитомъ

адвокатъ, можетъ-быть, меня и оправдаютъ, все это очень можетъ быть, но все-таки я буду на скамьѣ подсудимыхъ.

— Быть подъ судомъ это еще не стыдно.

— Какъ, скажите пожалуйста, не стыдно! Какъ не стыдно-съ? мнѣ шестьдесятъ семь лѣтъ...

— Будто вамъ уже столько?

— Да-съ, какъ разъ столько, и въ эти-то годы попасть въ такое дѣло и слушать, какъ при всѣхъ будутъ вылетать такія слова, къ какимъ прибѣгаютъ эти ваши хваленые адвокаты: «связь», «волокичество въ такіе годы», и всякія сему подобныя дрязги, и все это наружу, обо всемъ этомъ при тысячѣ ушей станутъ рассказывать, и потомъ я долженъ приводить всякія мелочи, а газеты ихъ распечатываютъ... Нѣтъ, Бога ради, вѣдь этого перенести нельзя! А потомъ, потомъ, кромѣ того, я вамъ скажу, что я и не ручаюсь, что меня и не обвинять; во-первыхъ, вы говорите—современный судъ и улики, но для меня этотъ современный судъ и система внутренняго убѣжденія, а не формальныхъ уликъ даже гораздо хуже. Да тутъ, покорно васъ благодарю, съ внутренними убѣжденіями и съ этою слабостью общества къ женскому вопросу, тутъ-съ она, каналья, будетъ всегда права: она заплачетъ, и ради ея прекрасныхъ глазъ...

— Вы заплачете, — пошутилъ безстрастно Григорій Васильевичъ.

— Вы очень остроумно шутите, но я буду очень некрасивъ-съ, когда я буду плакать. Нынче Любимы Торцовы не въ модѣ, а въ ходу «самопомощь» Смайлса.

— Въ такомъ случаѣ надо стараться уладить это дѣло миромъ.

— Да я уже просилъ ее и умолялъ, но ничего не успѣлъ.

— Представьте себѣ, что и для нея этотъ скандалъ также невыгоденъ.

— Все представлялъ-съ, все представлялъ, но она на всѣ доводы одно отвѣчаетъ: что для нея пятьдесятъ тысячъ болѣе принесутъ выгоды, чѣмъ сколько невыгоды принесетъ скандалъ. Мнѣ наконецъ начинаетъ сдаваться, что она даже совсѣмъ и не на судъ надѣется, а на нѣсколько особенныя власти.

— Очень можетъ быть.

— Да-съ; она... она что-то такое особенное, и потому

я васъ прошу,—это, разумѣется, съ моей стороны маленькая неловкость, такъ какъ я мужъ вашей сестры, но въ нашъ вѣкъ кто же безгрѣшенъ?

— Да это что и говорить!

— Да; я знаю, что вы человѣкъ толерантный и къ тому же вы обладаете счастливымъ даромъ слова: я слыхалъ какъ вы говорите въ ученыхъ обществахъ (Грегуаръ немного сконфузился).

— Нѣтъ, право, право, я это безъ лести говорю, вы удивительно умѣете владѣть словомъ: ради Бога, съѣздите вы къ ней, пусть это будетъ еще одна послѣдняя проба; поговорите, упросите ее какъ-нибудь кончить, и потомъ гдѣ-бы-нибудь мы съ вами увидались.

— Я буду у васъ сегодня обѣдать, я далъ слово сестрѣ.

— Ну, вотъ и прекрасно. Такъ Бога ради!

— Я съ своей стороны съ удовольствіемъ.

— Въ такомъ случаѣ когда же?—вопросилъ, приподнимаясь, Бодростинъ:—вамъ вѣдь некогда; все эта служба проклятая.

— Да, «все оды нишемъ, и ни себѣ, ни имъ похвалъ не слышимъ», но я поѣду, я поѣду.

— А между тѣмъ вѣдь это нужно бы скоро, очень скоро! нетерпѣливая она, чортъ ее возьми.

— Кипить?

— Какъ Гейзеръ.

— Ну, въ такомъ случаѣ служба не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ, а я поѣду къ ней, когда вы хотите.

— Пожалуйста! поѣзжайте и предложите ей... десять, ну наконецъ пятнадцать тысячъ: болѣе не могу. Ей-Богу не могу.

— Да когда сна всгаетъ?

— Теперь самое время, вотъ теперь.

Дѣловой Грегуаръ обѣщаль тотчасъ же ѣхать, и они разстались.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Объясненіе.

Въ это самое время Глафира Васильевна, затворившись въ кабинетъ Бодростина, бесѣдовала съ Гордановымъ. Она выслушала его отчетъ о ихъ петербургскомъ житьѣ-бытьѣ во время ея отсутствія, о предиріятіяхъ ея мужа, о его

сношеніяхъ съ княгиней Казимирой, о векселяхъ, о Кишенскомъ и проч. Глафира была не въ духѣ послѣ свиданія съ генераломъ, но докладъ Горданова ее развлекъ и даже началъ забавлять, когда Павелъ Николаевичъ представлялъ ей въ комическомъ видѣ любовь ея мужа и особенно его предпріятія. Въ самомъ дѣлѣ, чего тутъ только не было: и аэростаты, и газодвигатели, и ступоходы по землѣ, и времясчислители, и музыкальныя ноты-самоучки, и уборные кабинеты для дамъ на улицахъ и наконецъ пружинныя подошвы къ обуви, съ помощью которыхъ человѣку будетъ стоить только желать идти, а уже пружины будутъ переставлять его ноги.

Глафира надо всѣмъ этимъ посмѣялась и потомъ сразу спросила Павла Николаевича о его особенномъ служеніи.

— Ты, кажется, ужъ очень бравуруешь своимъ положеніемъ,—замѣтила она.—Это не безопасно!

— Нимало. Да обо мнѣ рѣчь впереди, скажи-ка лучше, что ты за птица. Мнѣ это становится очень неяснымъ. То мы съ тобой нигилистничали...

— То-есть, это вы нигилистничали,—перебила его Глафира.

— Ну ты, вы, мы, они,—ты даже всѣ мѣстоименія въ своемъ разговорѣ перемѣшала, но кто бы ни нигилистничалъ, все-таки, я думаю, что можно было отдать голову свою на отсѣченіе, что никто не увидитъ тебя въ этой черной рясѣ, въ усменномъ поясѣ, вѣрующей въ Господа Бога, пророчествующую, вызывающую духовъ, чертей и дьяволовъ. И попался я, скажу тебѣ откровенно, Глафира. Когда ты меня выписала, ты мнѣ сказала, что у меня есть своя каторжная совѣсть. Да, у меня именно есть моя каторжная совѣсть; я своихъ не выдаю, а ты... во-первыхъ, ты меня больше не любишь, это ясно.

— А во-вторыхъ?—спросила Глафира.

— А во-вторыхъ, ты имѣешь какое-то влеченіе, родъ недуга, къ этому Подозерову.

— Ну-съ, въ-третьихъ?

— Въ-третьихъ, ты все путаешь и напутала чего-то такого, въ чемъ нѣтъ ни плана, ни смысла.

— Вы, мой другъ, очень наблюдательны.

— А что, развѣ это не правда?

— Нѣтъ; именно это все правда: я черехитрила и спуталась.

— Ну да, лукавь какъ знаешь, а дѣло въ томъ, что, видя все это, я готовъ сказать тебѣ: «Прости, прощай, пріютъ родимый», и позаботиться о себѣ самъ.

— То-есть уѣхать къ Ларѣ?

— Нѣтъ: не уѣхать къ Ларѣ. Это могло годиться прежде, но я былъ такой дуракъ, что позволилъ тебѣ и въ этомъ помѣшать мнѣ.

— Повѣрь, не стоить сожалѣнія.

— Ну, это мнѣ лучше знать, стоить это или не стоить сожалѣнія, но только я вѣдь не Висленевъ; я до конца такимъ путемъ не пойду; ты должна мнѣ дать вѣрное ручательство: хочешь или не хочешь ты быть моею женой?

— Для этого, Павелъ Николаевичъ, прежде всего нужно, чтобъ я могла быть чьею-нибудь женой. Вы забываете, что я въ нѣкоторомъ родѣ замужемъ,—проговорила Бодростица, пародируя извѣстныя слова изъ реплики Анны Андреевны въ пьесѣ «Ревизоръ».

Но Гордановъ отвѣчалъ ей, что это разумѣется само собою, что онъ очень хорошо понимаетъ необходимость прежде покончить съ ея мужемъ, но не понимаетъ только того, для чего предпринята была эта продолжительная спиритская комедія: поѣздка въ Парижъ, слонянiе по Европѣ и наконецъ выдуманная Глафирой путаница въ сношенiяхъ ея мужа съ Казимирой.

Глафира насупила брови.

— Я ничего не перемудрила, я иду такъ, какъ мнѣ должно идти, — отвѣчала она: — и повѣрьте, Павелъ Николаевичъ, что у меня совѣсти во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ у васъ, — я говорю, конечно, о той совѣсти, о которой намъ съ вами прилично говорить.

— Вѣрю; но скажи мнѣ, когда же ты желаешь сдѣлаться вдовой?

— Какой нескладный вопросъ: развѣ мое дѣло выражать эти желанiя.

— Но во всякомъ случаѣ теперь уже можно?

— Разумѣется; и какъ можно скорѣй.

— Здѣсь?

— Ни въ какомъ случаѣ; мы уѣдемъ туда, къ себѣ, и тамъ...

— Да, тамъ.

— А ты можешь ли ѣхать?

— Мои дѣла именно туда-то меня и зовутъ.

— Что же это такое, можно узнать?

— Отчасти можно.

— Я слушаю.

— Я только боюсь, что ты расчувствуешься.

— Пожалуйста, не бойся.

— Я имѣю планъ кое-что сварганить изъ этого неудовольствія крестьянъ, изъ ихъ тяжбы со мною. Понимаешь, тутъ участіе въ этомъ Форова, попа Евангела, покровительство всему этому Подозерова и разныя, разныя такія вещи... Все это въ ансамблѣ имѣетъ демократическій отбѣнокъ и легко можетъ быть представлено подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія. Притомъ же и дѣло наше о дуэли еще не окончено: я докажу, что меня хотѣли убить, здѣсь знаютъ объ этомъ,—наконецъ, что не успѣлъ я повернуться, какъ меня ранили, и потомъ Висленевъ, онъ будетъ свидѣтельствовать.

— Да, ну на Висленева не надѣйся; сумасшедшій свидѣтель не большая помощь.

— Но вѣдь онъ не настоящій сумасшедшій.

— Не знаю, какъ тебѣ сказать, я психіатріей не занималась; но это дѣло второстепенной важности. Достаточно того, что мы можемъ ѣхать и кончить; а между тѣмъ я думаю, что ты по своей каторжной совѣсти все-таки услужилъ же мнѣ какою-нибудь службой?

— Надѣюсь.

— Я вамъ позволила пограбить и запутать моего мужа, но вы ужь очень поусердствовали. Скажи же пожалуйста, неужто въ самомъ дѣлѣ должно этой госпожѣ Казимирѣ отдать пятьдесятъ тысячъ, или видѣть Михаила Андреевича на скамьѣ подсудимыхъ?

— Нѣтъ, я этого не думаю.

— Ты, конечно, помнишь, что я не хотѣла доводить дѣла до такой крайности, да это и разстроило бы все наши планы.

— У меня есть на нее узда,—проговорилъ Гордановъ, и вынулъ изъ кармана бумажникъ, досталъ оттуда тотъ вексель, который онъ отобралъ у польскаго скрипача, отправляя его за границу.

Глафира пробѣжала эту бумажку, покраснѣвъ, положила ее въ карманъ своего платья и протянула Павлу Николаевичу руку.

— Поль! — прошептала она, привлекая слегка къ себѣ Горданова:—я буду твоя, твоя, если ты...

— Условіе,—произнесъ съ улыбкой, наклоняясь къ ней, Гордановъ.

— Да; условіе: если ты вѣрешь мнѣ, Поль.

Этотъ неожиданный вопросъ смутилъ Горданова.

Глафира это замѣтила, а ея лѣвый глазъ сдѣлался круглымъ и забѣгалъ:

— Ты измѣнилъ мнѣ?! — вскричала она, быстро сорвавшись съ мѣста.

Гордановъ спокойно покачалъ, въ знакъ отрицанія, головой. Глафира прочла по его лицу, что онъ ее не выдастъ, и, обнявъ его голову, проворковала ему радостныя надежды.

— Теперь,—сказала она:—мы можемъ дѣйствовать смѣло, никакія отсрочки намъ больше не нужны и никто намъ не страшень: Синтипинъ безвластенъ; его жена замарана интригой съ тобою: фотографія, которую ты прислалъ мнѣ, сослужить намъ свою службѣ; Форовъ и Евангелъ причастны къ дѣлу о волненіи крестьянъ; Висленевъ сумасшедшій; Подозеровъ зачеркнуть вовсе. Остается одно: чтобы намъ не мѣшала Кюлевейнъ. Съ него надо начать.

— Это пустяки,—отвѣчалъ Гордановъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Висленевъ вмѣсто хожденія по оброку отпускается на волю, безъ выкупа.

Въ тотъ моментъ, когда окончился вышеупомянутый разговоръ Павла Горданова съ Глафирой, къ дому подъѣхала карета и изъ нея вышелъ Бодростинъ, пасмурный и убитый, а вслѣдъ за нимъ Грегуаръ. Они долго и медленно входили по лѣстницѣ, останавливались, перешептывались, и наконецъ вступили въ апартаменты.

Быль часъ обѣда. Въ столовой уже была подана закуска.

Злополучный старикъ Михаилъ Андреевичъ былъ такъ растерянъ, что ничего не замѣчалъ. Онъ едва поздоровался съ женой, мимоходомъ пожалъ руку Горданову и началъ ходить по комнатѣ, останавливаясь то у одного, то у другого стола, передвигая и переставляя на нихъ безцѣльно

разныя мелкія вещи. Глафира видѣла это, но бесѣдовала съ братомъ.

Братъ и сестра, не смотря на долговременную ихъ разлуку другъ съ другомъ, ничего не находили особенно живого сообщить одинъ другому: чиновникъ говорилъ въ насмѣшливомъ тонѣ о Петербургѣ, о Россіи, о русскомъ правленіи, о нѣмцахъ, о политикѣ, о банкахъ, о женщинахъ, о женскомъ трудѣ, то сочувственно, то иронически, но съ постояннымъ соблюденіемъ особаго извѣстнаго ему секрета— какъ все это передѣлать по новому.

Среди этихъ его разговоровъ, которыхъ никто съ особеннымъ вниманіемъ не слушалъ, глазамъ присутствовавшихъ предсталъ Кишенскій.

Онъ былъ нѣсколько взволнованъ и, расшаркавшись впопыхахъ исключительно предъ одною Глафирой Васильевной, вручилъ ей маленькій конвертикъ, въ которомъ былъ листокъ, исписанный рукой Алины.

Глафира пробѣжала этотъ листокъ и потомъ лукаво улыбнулась и сказала:

— Вотъ, господа, преинтересное дѣло и прекрасный образчикъ современныхъ петербургскихъ нравовъ! Вы, господинъ Кишенскій, позвольте мнѣ не дѣлать секрета изъ этого письма?

Кишенскій покраснѣлъ и, немного замѣвшись, отвѣтилъ:

— Я не смѣю вамъ запретить поступать какъ вамъ угодно съ письмомъ, которое къ вамъ адресовано.

— Да, вы правы,—и Глафира, возвысивъ голосъ, обратилась къ присутствовавшимъ:—Здѣсь рѣчь идетъ, господа, о несчастномъ Юсафѣ Висленевѣ, котораго я кстати нынче съ утра не видала: гдѣ онъ? Живъ ли онъ, бѣдняжка?

— Онъ сидитъ запершись въ моей комнатѣ, — отвѣтилъ на ея вопросъ вошедшій въ это время бѣлобрысый секретарь Роншинъ.

— Merci,—молвила ему съ ласковымъ наклоненіемъ головы Глафира.—Не потянитесь имъ ради Бога: онъ такъ жалокъ и несчастенъ.

Роншинъ поклонился, Глафира продолжала:

— Этотъ злосчастный Жозефъ, какъ вамъ всѣмъ вѣроятно извѣстно, много долженъ своей женѣ или господину Кишенскому, я, признаюсь, не знаю, кому и какъ приходится этотъ долгъ.

— Онъ долженъ своей женѣ, а совѣмъ не мнѣ,—отвѣчалъ Кишенскій.

— Ну, да. Въ такомъ положеніи этотъ бѣдный человѣкъ года полтора тому назадъ прибѣжалъ, скрываясь отъ долговъ, къ своей сестрѣ Ларисѣ, та заложила для него свой домъ. Онъ повертѣлся съ этими деньгами, хотѣлъ заплатить, но съ нимъ что-то случилось. Богъ его знаетъ: не ручаюсь, можетъ-быть, его за границей обыграли, или просто обокрали, что было вовсе и не трудно, такъ какъ онъ вообще давно очень плохо за себя отвѣчаетъ; но какъ бы тамъ ни было, а въ концѣ концовъ я его встрѣтила за границей почти полупомѣшаннаго: это было въ маленькомъ городишкѣ, въ Саксоніи.

— А ему, кажется, не съ чего было и съ ума сходить,—вставилъ Грегуаръ.

— Какъ бы тамъ ни было, но онъ былъ въ такомъ состояніи, въ какомъ нельзя бросить человѣка, котораго мы когда-нибудь знали, и я взяла его съ собою, потому что отправить его назадъ не было возможности. Живучи въ Парижѣ, я старалась, сколько могла, его разсѣять, и признаюсь, много разсчитывала на это разсѣяніе, но ему ничто не помогло, и только, мнѣ кажется, онъ сталъ еще хуже.

— Какое у него помѣшательство?—спросилъ Грегуаръ:—мрачное или розовое?

— Пестрое,—отвѣтила Глафира:—и потому самое опасное, за него нельзя отвѣчать ни одну минуту: дорогой онъ чуть не бросился подъ вагонъ; въ Берлинѣ ему вздумалось выкраситься, и вотъ вы увидите, на что онъ похожъ; вчера онъ ѣхалъ въ Петербургъ на козлахъ, въ шутовскомъ колпакѣ; потомъ чуть не залезъ въ ванной; теперь сидитъ запертый въ комнатѣ Генриха. Между тѣмъ я со вчерашняго дня веду переписку съ его супругой. Я просила Алину Дмитріевну исполнить прямой ея долгъ: взять ея сумасшедшаго мужа; но она вчера отказала мнѣ въ этомъ подъ предлогомъ своей болѣзни и тѣсноты своего помѣщенія, а сегодня письмо, въ которомъ она вовсе отказывается принять его.

Бодростина засмѣялась и добавила:

— Алина Дмитріевна Висленева великодушно предоставляет намъ позаботиться о ея сумасшедшемъ мужѣ; эта

добрая женщина намъ довѣряетъ: или посадить его въ сумасшедшій домъ, для чего г. Кишенскій уполномоченъ вручить намъ отъ нея и просьбу объ освидѣтельствованіи; или же взять его къ себѣ въ деревню, гдѣ, по ея соображеніямъ, природа, свѣжій воздухъ и простые нравы могутъ благотвѣтельно подѣйствовать на разстройство его душевныхъ способностей.

Глафира пожала плечами, взвела глаза къ небу и, улыбувшись, произнесла:

— Это прелестно!

— Это чортъ знаетъ что, — возмутился незлобивый Грегуаръ:— я его могу отдать на счетъ какого-нибудь общества въ частную лѣчебницу сумасшедшихъ.

— Да, это все совсѣмъ не потому-съ, — вмѣшался Кишенскій:— Алина Дмитріевна дѣйствительно больна, Алину Дмитріевну дѣйствительно лѣчатъ лучшіе доктора въ городѣ, и потому Алина Дмитріевна и безъ того много теряетъ.

— Въ мужѣ?—пошутилъ Грегуаръ.

— Да-съ; съ его помѣшательствомъ Алина Дмитріевна теряетъ на немъ до тридцати тысячъ рублей.

— Великій Боже, да когда же у него были такіа деньги?

— Я не знаю-съ, но онъ долженъ по законнымъ документамъ. Вѣдь вотъ онъ и за сестринъ домъ деньги взялъ, и ихъ тоже, говорятъ, нѣтъ.

Глафира встала и, окинувъ презрительнымъ взглядомъ Кишенскаго, проговорила:

— Но вы, можетъ-быть, еще напрасно тужите, можетъ-быть онъ еще излѣчимъ, и, наконецъ, можетъ-быть, онъ даже совсѣмъ не сумасшедшій.

Съ этимъ она вышла и, пройдя чрезъ нѣсколько комнатъ къ двери Ропшина, тронулась за замочную ручку, но замокъ былъ запертъ.

— Отопритесь, Жозефъ, — позвала она.

— Извините, я этого не могу, — отвѣчалъ Висленевъ.

— Но я вамъ принесла радость.

— Ни за что на свѣтѣ не могу.

— Вы свободны, поймите вы: я говорю вамъ — вы свободны.

— Нѣтъ-съ, и не говорите лучше, ни за что на свѣтѣ!

— Отопрись, болванъ, — прошипѣлъ внушительно подошедшій къ нимъ въ эту минуту Гордановъ.

— Ты самъ болванъ и скотина, — азартно отозвался Жозефъ.

— На-те же читайте, несчастный, — молвила Глафира и подсунула въ щель подъ дверь полученное ею письмо Алины.

И не прошло минуты, какъ за запертою дверью послышался неистовый визгъ; ключъ повернулся въ замкѣ, дверь съ шумомъ распахнулась; Иосафъ Висленевъ вылетѣлъ изъ нея кубаремъ, смѣясь и кривляясь, черезъ всѣ комнаты предъ изумленными глазами Бодростина, Грегуара, Ропшина и Кишенскаго.

Ни при какихъ уговорахъ онъ не могъ бы поступить съ такимъ разсчитаннымъ тактомъ: лучшаго доказательства его сумасшествія ужъ было не нужно.

Кишенскій посмотрѣлъ на него и, когда растрепанный Висленевъ остановился, подумалъ, какъ бы онъ его съ сумасшедшихъ глазъ чѣмъ не хватилъ.

— Ну, такъ владѣйте же имъ сами, — сказалъ онъ, юркнулъ и исчезъ за дверью.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Зато дѣлается очень худо Бодростину.

Увидѣвъ бѣгство Кишенскаго, Иосафъ Платоновичъ не зналъ уже мѣры своимъ восторгамъ: онъ кидался на шею Бодростину и другимъ мужчинамъ, лобызая ихъ, и наконецъ, остановившись предъ Глафирой, поклонился ей чуть не до земли и воскликнулъ:

— Глафира Васильевна, вы такое сдѣлали, что послѣ этого вы великій магъ и волшебникъ.

— А ты, братецъ, совершенно гороховый шутъ, — отвѣтилъ ему смущенный его курбетами Бодростинъ, едва оторвавшись отъ своихъ тяжелыхъ мыслей на минуту. — Помилуй скажи, только Богъ знаетъ что надѣлалъ намъ здѣсь вчера и уже опять продолжаешь дѣлать сегодня такое же самое, что я въ жизнь не видалъ.

— Я свободенъ, — отвѣчалъ ему немного спокойнѣе Висленевъ.

— Ну такъ что же, неужели и съ ума сходить отъ того, что ты свободенъ?

— Да-съ, я свободенъ, вы этого не можете понимать, а я понимаю.

— Ты, вѣрно, понимаешь такъ, что ты теперь свободенъ дѣлать глупости.

— Я свободенъ-съ, свободенъ-съ, и нечего вамъ больше мнѣ объ этомъ говорить,—опять отвѣтилъ Висленевъ, и снова продолжалъ вертѣться, рассказывая Грегуару, въ какихъ онъ былъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, какъ его заѣлъ въ Россіи жепскій вопросъ, который онъ самъ поддерживалъ, и какъ онъ отъ этого ужаснаго вопроса гибъ и страдать, и совершенно погибъ бы, если бъ его не спасла Глафира Васильевна, самому ему невѣдомо какими путями.

Этотъ оживленный и оригинальный разговоръ занималъ все общество во время закуски и продолжался за обѣдомъ, и его, вѣроятно, еще стало бы надолго, если бы во время обѣда не произошло одного новаго, весьма страннаго обстоятельства.

Когда было подано четвертое кушанье, въ передней слышался звонокъ. Никто на это не обратилъ вниманія, кромѣ Михаила Андреевича, но и тотъ, смѣшавшись на минуту, тотчасъ же поправился и сказалъ:

— Это вѣрно Кюлевейнъ, онъ всегда оназдываетъ.

Но это совсѣмъ не былъ Кюлевейнъ—Михаилъ Андреевичъ ошибся.

Прошло двѣ-три минуты послѣ звонка, а въ комнату никто не являлся.

— Что же это? газеты, письма? что это такое можетъ быть? — спросилъ, обращаясь къ одному изъ слугъ, снова начинавшій терять спокойствіе, Бодростинъ. Ему было не по себѣ, потому что Грегуаръ, ѣздившій по его порученію къ Казимирѣ, привезъ дурныя вѣсти. Княгиня ничего не уступала изъ своихъ требованій, и шесть часовъ сегодняшняго вечера были послѣднимъ срокомъ, до котораго она давала льготу престарѣлому обожателю. Казимирѣ было некогда ждать и она хотѣла во что бы то ни стало кончить дѣло безъ суда, потому что она спѣшила выѣхать за границу, гдѣ ждалъ ее давно отторгнутый отъ ея сердца скрипачъ.

Смущеніе, выразившееся на лицѣ Михаила Андреевича, становилось всеобщимъ. Въ передней слышался какой-то

шумъ: кто-то о чемъ-то спорилъ, кто-то приказывалъ и наконецъ требовалъ.

Михаилъ Андреевичъ взглянулъ на висѣвшіе на стѣнѣ часы: стрѣлка какъ разъ стояла на роковомъ мѣстѣ: было шесть часовъ и нѣсколько минутъ.

— Это она! Она, проклятая! Ее даже не удержало то, что здѣсь моя жена.

Глафира тоже понимала, что значитъ этотъ звонокъ.

— Да ободритесь, — сказала она, не безъ ироніи, мужу.

Михаилъ Андреевичъ въ самомъ дѣлѣ почувствовалъ потребность ободриться и, возвысивъ голосъ, сказалъ оставшемуся слугѣ:

— Выйди, братецъ, узнай, что тамъ такое?

Слуга пріотворилъ дверь и въ эту минуту до слуха присутствовавшихъ долетѣли слѣдующія слова, произнесенныя молодымъ и сильнымъ, звучнымъ контраalto:

— Скажи твоему барину, что я здѣсь и не выйду отсюда безъ его отвѣта.

Не оставалось никакого сомнѣнія, что это былъ голосъ княгини Казимиры: ея польскій акцентъ (былъ слишкомъ знакомъ присутствующимъ для того, чтобъ еще осталось какое-нибудь сомнѣніе, что это была она. Въ этомъ хотѣлъ бы усомниться, но тщетно, одинъ Михаилъ Андреевичъ, которому вошедшій человекъ подалъ на подносѣ большой запечатанный конвертъ.

Михаилъ Андреевичъ тревожно глядѣлъ на человека, на присутствующихъ, взявъ трепетною рукой этотъ конвертъ, и, раскрывъ его, вынулъ оттуда листокъ и, растерявшись, началъ читать вслухъ. Онъ, вѣроятно, хотѣлъ этимъ показать, что онъ не боится этого письма, и нѣсколько затуманить свое неловкое положеніе; но первыя слова, которыя онъ прочелъ громко, были: «Милостивый государь, вы подлецъ!»

— Это, вѣрно, къ вамъ или къ тебѣ, — обратился онъ къ Ропшину и къ Горданову, суя имъ это письмо и надѣясь такимъ образомъ еще на какую-то хитрость; онъ думалъ, что Гордановъ или Ропшинъ его поддержать. Но Гордановъ взялъ изъ рукъ Михаила Андреевича роковое письмо и прочиталъ дальше: «Вы подлецъ! Куда вы дѣли моего ребенка? Если вы сейчасъ не дадите мнѣ извѣстное удовлетвореніе, то я сію же минуту ѣду отсюда къ прокурору».

— Нѣтъ, это, должно-быть, не ко мнѣ, а къ кому-нибудь другому, — сказали Гордановъ, передавая съ хладнокровнымъ видомъ этотъ листокъ Ропшину, но тотъ смѣшался, покраснѣлъ и отвѣчалъ, что къ нему не можетъ быть такого письма.

— Такъ къ кому же это?

— Во всякомъ случаѣ не ко мнѣ, — проговорилъ Грегуаръ.

— И тоже не ко мнѣ-съ, не ко мнѣ, — отчурался Висленевъ.

— Ну, такъ отдайте назадъ и скажите, что это не сюда слѣдуетъ, — молвилъ Гордановъ, протягивая письмо къ лакею, но Михаилъ Андреевичъ перехватилъ листокъ, всталъ съ нимъ и заколебался.

Остальные сотрапезники сидѣли за столомъ въ недоумѣніи. Бодро встала одна Глафира. Она показала мужу рукой на дверь кабинета и, взявъ письмо изъ его рукъ, сказала по-французски:

— Идите туда.

Затѣмъ, бросивъ на приборъ свою салфетку, спокойнымъ шагомъ вышла въ переднюю и пригласила за собою въ залъ ожидавшую въ передней Казимиру.

— Вотъ положеніе, — протянулъ, по выходѣ сестры, Грегуаръ.

Ропшинъ молчалъ, Гордановъ тоже, но Висленевъ весело расхохотался и, вскочивъ, началъ бѣгать по комнатѣ и, махая руками, восклицалъ:

— Нѣтъ-съ, это женскій вопросъ! вотъ вамъ что такое женскій вопросъ!

— Перестаньте срамиться, — остановилъ его Грегуаръ, но Жозефъ бойко его отпарировалъ и отвѣчалъ:

— Никогда не перестану-съ, никогда, потому что я много отъ этого пострадалъ и своему полу не измѣню!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Двѣ кометы.

Аудіенція Глафиры съ княгиней Казимирой не была полною неожиданностію ни для той, ни для другой изъ этихъ почтенныхъ дамъ. Павелъ Николаевичъ Гордановъ, по указанію Глафиры, еще утромъ научилъ Казимиру

произвести скандалъ, пользуясь кратковременнымъ пребываніемъ здѣсь Бодростиной. Ему не трудно было убѣдить княгиню, что такимъ образомъ она поставитъ старика въ крайнее положеніе, и что, находясь подъ сугубымъ давленіемъ страха и скандала, онъ вѣрно употребитъ послѣднія усилія удовлетворить ея требованія.

Казимира находила это практичнымъ и потому ни на минуту не поддавалась убѣжденіямъ Грегуара, а напротивъ была непреклонна и явилась въ домъ къ Бодростину именно въ обѣденный часъ, когда вся семья и гости должны были быть въ сборѣ. Разумѣется, не было это неожиданностью и для Глафиры, которая ждала княгиню во всеоружіи своей силы и ловкости. И вотъ наконецъ двѣ кометы встрѣтились.

Закрывъ дверь въ столовую и внутреннія комнаты, Глафира Васильевна, явись черезъ залъ, открыла дверь въ переднюю, гдѣ княгиня Казимира ожидала отвѣта на свое письмо. Одѣтая въ пышное черное платье и въ бархатную кофту, опушенную чернубурой лисицей, она стояла въ передней, оборотясь лицомъ къ окнамъ и спиной къ зальной двери, откуда появилась Глафира Васильевна.

— Княгиня, я васъ прошу не отказать мнѣ въ минутѣ свиданія,—пригласила ее Глафира Васильевна.

Казимира, не ожидавшая такого оборота дѣла, на мгновеніе смѣшалась, но тотчасъ же смѣло вскинула голову и бойко пошла за Глафирой. Та сѣла у фортепіано и показала гостьѣ на кресло противъ себя.

— Вы пришли не ко мнѣ, а къ моему мужу?

— Да,—отвѣчала Казимира.

— И по дѣлу, въ которое мнѣ, какъ женѣ его, можетъ-быть, неудобно было бы вмѣшиваться, но (Глафира едва замѣтно улыбнулась) съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами разстались, свѣтъ пошелъ наизнанку, и я нахожу себя вынужденной просить васъ объясниться со мною.

— Для меня все равно,—отвѣчала Казимира.

— Я такъ и думала, тѣмъ болѣе, что я все это дѣло знаю и вамъ не будетъ стоить никакого труда повторить мнѣ вашу претензію: вы хотите отъ моего мужа денегъ.

— Да.

— За вашего пропавшаго ребенка?

— Да.

— Мой мужъ такъ неловко поставилъ себя въ этомъ дѣлѣ, что онъ долженъ удовлетворить васъ;—это безспорно, но дѣло можетъ казаться нѣсколько спорнымъ въ отноше- нии цѣны: вы сколько просите?

— Пятьдесятъ тысячъ.

— Вы хотите пятьдесятъ тысячъ: это дорого.

Казимира бросила гнѣвный взглядъ и сказала:

— Я не знаю, во сколько вы хотите цѣнить честь жен- щины моего положенія, но я меньше не возьму; притомъ это уголовное дѣло.

— Да, да, я очень хорошо понимаю, это, дѣйствительно, уголовное дѣло; но, княгиня, тутъ вѣдь куда ни глянь, во- кругъ все уголовныя дѣла. Это модный цвѣтъ, который нынче носятъ, но я все-таки хочу это кончить. Я вамъ рѣшилась предложить кончить все это нѣсколько меньшею суммой.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, я вамъ могу дать пятьсотъ рублей.

Казимира вспыхнула и грозно встала съ мѣста.

— Позвольте, княгиня, я вѣдь еще не кончила; я со- гласна, что пятьсотъ рублей это огромная разница про- тивъ того, что вы желаете получить съ моего мужа, но зато я вамъ дамъ въ прибавокъ вотъ этотъ вексель.

Глафира, стоя въ эту минуту по другую сторону форте- пиано, развернула и показала княгинѣ фальшивый вексель отъ имени Бодростина, писанный ея рукой.

Казимира смѣшалась, и чтобы не выдать своего замѣна- тельства, зацуривъ глаза, старалась какъ бы убѣдиться въ достоинствахъ предъявленной ей бумаги.

— Вы, ваше сіятельство, не безпокойтесь, — прогово- рила, опуская въ карманъ бумажку, Глафира:—вексель этотъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнью, онъ такое же уго- ловное дѣло, какъ тѣ, которымъ вы угрожаете моему мужу, но съ тою разницей, что онъ составляетъ дѣло болѣе до- казательное, и чтобы убѣдить васъ въ томъ, что я прочно стою на моей почвѣ, я попрошу васъ не выходить отсюда прежде, чѣмъ вы получите удостовѣреніе. Вы сію минуту убѣдитесь, что для насъ съ вами обоюдно гораздо выгоднѣ сойтись на миролюбивыхъ соглашеніяхъ.

— Откуда это могло взяться?—прошептала потерявшаяся Казимира.

Но въ это время Глафира Васильевна, пріотворивъ дверь въ столовую, громко крикнула:

— Гордановъ, аyez la bonté, на одну минутку.

Павель Николаевичъ, обтирая салфеткой усы, вошелъ твердой и спокойной поступью и слегка кивнулъ Казимирѣ, которая стояла теперь въ концѣ фортеціано, опершись рукой о деку.

— Помогите мнѣ кончить съ книжницей,—начала Глафира.

— Съ удовольствіемъ-съ.

— Книгиня Казимира Антоновна, угодно вамъ получить тысячу рублей и этотъ вексель? Съ тысячею рублей вы можете спокойно уѣхать за границу.

— Но мое будущее,—сказала Казимира.

— О, княгиня, оно достаточно обезпечено вашимъ новымъ положеніемъ и во всякомъ случаѣ о немъ не мѣсто здѣсь говорить. Угодно вамъ или не угодно?

Казимира взглянула на Горданова и, укусивъ свою алую губку, отвѣчала:

— Хорошо-съ.

— Павель Николаевичъ,—молвила ласково Глафира:—попробуйте написать въ кабинетѣ маленькую записочку отъ княгини...

Княгиня было запротестовала противъ писанія какихъ бы то ни было записокъ, но дѣло было уже такъ на мази, что Глафирѣ Васильевнѣ не стоило большого труда уговорить ее согласиться и на это. Шансы такъ перемѣнились, что теперь Глафира угрожала, и княгинѣ не осталось ничего больше, какъ согласиться.

Гордановъ въ одну минуту составилъ маленькую мировую записочку, въ которой княгиня въ самыхъ ясныхъ и не совсемъ удобныхъ для нея выраженіяхъ отрекалась отъ начатія когда бы то ни было своей претензіи противъ Бодрустина. И записочка эта была подписана трепетною рукою Казимиры, причемъ Глафира вручила ей честнымъ образомъ и обѣщанную тысячу рублей, и вексель. Схвативъ въ свои руки этотъ листокъ, Казимира быстро разорвала его на мелкіе кусочки и, вспыхнувъ до ушей, скомкала эти клочки въ рукѣ и со словомъ «подлецъ» бросила ихъ въ глаза Горданову и, никому не поклонясь, пошла назадъ въ двери.

Гордановъ было сдѣлалъ вслѣдъ за нею нетерпѣливое движеніе, но Глафира удержала его за руку и сказала:

— Останьтесь, она имѣетъ достаточную причину волноваться.

Такимъ образомъ въ этотъ великій день было совершенно два освобожденія: получили право новой жизни Висленевъ и Бодростинъ, и оба они были обязаны этимъ Глафирѣ, акціи которой, давно возвышенныя на свѣтской биржѣ, стали теперь далеко выше пари и на базарѣ домашней суеты. Оба они были до умиленія тронуты; у старика на глазахъ даже сверкали слезы, а Висленевъ почти плакалъ, а черезъ часъ, взойдя въ кабинетъ Бодростина, фамиллярно хлопнулъ его по плечу и шепнулъ:

— А что, дядя: вѣдь мы свободны!

Михаилъ Андреевичъ вспомнилъ, что онъ сумасшедшій, и не разсердился, а Жозефъ, еще похлопавъ ободрительно Бодростина, пошелъ къ Глафирѣ и спросилъ:

— Можно ли мнѣ пойти погулять?

— Куда?—довольно строго спросила его Глафира.

— Ну... такъ немножко... провѣтриться.

— Можете, только прошу васъ никуда не заходить.

— Нѣтъ; куда же заходить?

— Богъ васъ знаетъ: можетъ быть вы вздумаете показаться брюнстомъ женѣ.

— Нѣтъ; что вы это! Я скорѣй бы съ удовольствіемъ зашелъ на минутку къ Ванскокъ, потому что я эту высокую женщину вполне уважаю...

— Нѣтъ, нѣтъ: этого нельзя.

— Отчего же? Она вѣдь очень, очень честная.

— Ну, просто нельзя.

Висленевъ стоялъ: ему страсть хотѣлось побывать у Ванскокъ! и онъ ждалъ разрѣшенія: почему же ему этого не позволяютъ?

Глафира это поняла и отвѣчала ему на его безмолвный вопросъ:

— Да неужто вы даже этого не понимаете, почему женщина можетъ не желать, чтобы человѣкъ былъ у другой женщины, которую онъ еще, къ тому же, хвалить?

— Нѣтъ, понимаю, понимаю!—воскликнулъ въ восторгѣ Висленевъ, и убѣжалъ, отпросившись въ театръ, но съ намѣреніемъ забѣжать по дорогѣ къ Ванскокъ.

Владѣя натурой быстрой, поднимавшейся до великаго разгара страстей и вслѣдъ затѣмъ падавшей до совершеннаго безстрастія, Глафира никогда не предполагала такого измелчанія характеровъ, какое увидѣла при первыхъ же своихъ столкновеніяхъ и побѣдахъ. Все это дѣлало въ ея глазахъ еще болѣе мелкими тѣхъ людей, съ которыми она сталкивалась, и она теперь еще больше не жалѣла о своемъ утреннемъ визитѣ къ генералу. Въ ней мелькнула увѣренность, что если Гордановъ ее еще до сихъ поръ и не выдалъ, то непременно выдастъ въ минуту опасности, если дѣло убійства пойдетъ не ладно.

Въ Петербургѣ теперь ничто болѣе ее не задерживало, а Михаилъ Андреевичъ, послѣ тѣхъ передрыгъ, какія онъ перенесъ здѣсь, самъ радъ былъ разстаться съ Сѣвѣрною Пальмирой. Бодростина рѣшила, что имъ нужно уѣхать въ деревню.

Рѣшеніе это не встрѣтило ни малѣйшаго противорѣчія, и день отъѣзда былъ назначенъ вскорѣ.

Въ три-четыре дня, которые Глафира провела въ Петербургѣ, она видѣлась только съ братомъ и остальное время все почти была дома безвыходно. Одинъ разъ лишь, предъ самымъ отъѣздомъ, она была опять у генерала, благодарила его за участіе, рассказала ему, что все дѣло кончено миролюбиво, и ни о чемъ его больше не просила.

Казимира уѣхала изъ Петербурга въ тотъ же день, что и было совершенно умѣстно, потому что Глафира Васильевна, сообщая генералу о своемъ успѣхѣ въ этой сдѣлкѣ, улыбаясь, передала ему клочки разорваннаго Казимирой векселя.

«Это большая шельма, это тонкая барыня», подумалъ генералъ, и оставилъ эти клочки у себя, причемъ Глафирѣ показалось, и совершенно не безосновательно, что его превосходительство не безъ цѣли завладѣлъ этими клочками, потому что онъ обмолвился при ней, сказавъ про себя:

— Таковы-то и всѣ у нихъ слуги вѣрныя.

Висленевъ, прослушавъ оперу «*Русланъ*», забѣжалъ-таки къ честнѣйшей Ванскокъ и сообщилъ ей, что онъ спирить и ведетъ подкопъ противъ повѣйшихъ перевертней, но та выгнала его вонъ. Въ день отъѣзда онъ раньше всѣхъ вырыгнулъ въ карету, которая должна была отвезть ихъ на

железную дорогу, и раньше всѣхъ вскочилъ въ отдѣльное первоклассное купѣ.

Михаилъ Андреевичъ сидѣлъ посреди дивана, обитаго бѣлымъ сукномъ: онъ былъ въ легкомъ, свѣтломъ пиджакѣ, въ соломенной шляпѣ, а вокругъ него, не сводя съ него глазъ, какъ черныя вороны, усѣлись: Глафира, Гордановъ и Висленевъ. Съ ними же до Москвы выѣхалъ и наслѣдникъ Бодростина Кюлевейнъ.

Въ Москвѣ они остановились на три дня; но въ эти три дня случилось небольшое происшествіе.

Желая вознаградить себя за сидѣніе въ Петербургѣ, Жозефъ, признавъ у Глафиры Васильевны двадцать пять рублей, носился по Москвѣ: сдѣлалъ визиты нѣсколькимъ здѣшнимъ гражданамъ, обѣдалъ въ «Эрмитажѣ», былъ въ театрѣ и наконецъ въ одинъ вечеръ поѣхалъ вмѣстѣ съ Гордановымъ и Кюлевейномъ «Грузины»; слушалъ тамъ цыганъ, пилъ шампанское, напился до-ныяна и на возвратномъ пути былъ свидѣтелемъ одного непріятнаго событія. Кюлевейнъ, котораго вмѣстѣ съ Висленевымъ едва посадили въ карету, вдругъ началъ икать, какъ-то особенно корчиться и извиваться червемъ и на полдорогѣ къ гостиницѣ умеръ.

Событіе было самое непріятное, страшно поразившее Бодростина, тронувшее, впрочемъ, и Глафиру; однако тронувшее не особенно сильно, потому что Глафира, узнавъ о томъ, гдѣ были молодые господа прежде трагическаго конца своей гулянки, отнеслась къ этому съ крайнимъ осужденіемъ. Висленевъ же былъ болѣе смущенъ, чѣмъ пораженъ: онъ не могъ никакъ понять, какъ это все случилось, и, проснувшись на другое утро, прежде всего обратился за разъясненіями къ Горданову, но тотъ ему отвѣчалъ только:

— Ты ужъ молчи по крайней мѣрѣ, а не разспрашивай.

— Нѣтъ, да я-то что же такое тутъ, Паша; я-то что же? Отчего же мнѣ не разспрашивать?

— Отчего тебѣ не разспрашивать? будто ты не знаешь, что ты сдѣлалъ?

— Я сдѣлалъ, что такое?

— Ты сдѣлалъ, что такое? Не ты развѣ давалъ ему содовые порошки?

— Ну я, ну такъ что жъ такое! Но я вообще самъ былъ немножко, знаешь, того.

— Да, немножко того, но, однако, дѣло свое сдѣлалъ. Нѣтъ, я, чортъ тебя возьми, съ тобой больше пьянымъ быть не хочу. Съ тобой не дай Богъ на одной дорогѣ встрѣчаться, ишь ты, каналья, какой сталъ рѣшительный...

Висленевъ испугался; однако не безъ нѣкотораго удовольствія повѣрилъ, что онъ рѣшительный.

Между тѣмъ Кюлевейна схоронили; поѣзжане еще пробыли въ Москвѣ по этому поводу лишннихъ три дня, употребленные частью на хлопоты о томъ, чтобы тѣло умершаго кавалериста не было вскрыто, такъ какъ смерть его казалась всѣмъ очевидною. Врачъ далъ свидѣтельство, что онъ умеръ отъ удара, и концы были брошены, если не въ воду, то въ могилу Ваганькова кладбища.

Михаилъ Андреевичъ оставался безъ наслѣдника и заговорилъ съ Ропшинымъ о необходимости взять изъ Опекунскаго Совѣта духовное завѣщаніе.

Крылатыя слова, сказанныя объ этомъ старикомъ, исполнили глубочайшаго страха Глафиру. Она давно не казалась такою смятенною и испуганною, какъ при этой вѣсти. И въ самомъ дѣлѣ было чего бояться: если только Бодростинъ возьметъ завѣщаніе и увидитъ, что тамъ написано, то опять всѣ труды и заботы, всѣ хлопоты и злодѣянія, все это могло пойти на вѣтеръ.

Гордановъ по этому поводу заявилъ мысль, что надо тутъ же кончить и съ Бодростинимъ, но двѣ смерти разомъ имѣли большое неудобство: Глафира признала это невозможнымъ и направила дѣло иначе: она умолила мужа подождать и не возмущать теперь души ея заботами о состояніи.

— На что оно мнѣ? на что?—говорила она, вздыхая:— мнѣ ничего не нужно, я все отжила и ко всему равнодушна,— и въ этихъ ея словахъ была своя доля правды, а такъ какъ они высказывались еще съ усиленною задумчивостію, то имѣли свое вѣское впечатлѣніе.

— Не узнаю, не узнаю моей жены,—говорилъ Бодростинъ.—А впрочемъ,—сообщилъ онъ по секрету Ропшину:— я ей готовлю сюрпризъ, и ты смотри не проговорись; восьмого ноября, въ день моего ангела, я передамъ ей все, принимаешь, все какъ есть. Она этого стоитъ.

— О, еще бы!—воскликнул Ропшинъ и, разумѣется, все это сообщилъ Глафирѣ Васильевнѣ.

Положеніе секретаря было ужасное: два завѣщанія могли встрѣтиться, и третій документъ, о которомъ замышлялъ Бодростинъ, долженъ былъ писаться въ отмѣну того завѣщанія, которое сожжено, но которое подписывалъ въ качествѣ свидѣтеля Подозеровъ... Все это составляло такую кашу, въ которой очень не мудрено было затонуть съ какою хочешь изворотливостью.

— Но вы, Генрихъ, развѣ непременно будете свидѣтельствовать, что вы подписывали не то завѣщаніе, которое лежитъ въ конвертѣ?

— Я не знаю; я падаю духомъ при одной мысли, что все откроется.

— Мы поддержимъ вашъ духъ,—прошептала, сжавъ его руку, Глафира.—За вашу преданность мнѣ, Генрихъ, я заплачу всюю моею жизнью. Только подождите, — дайте мнѣ освободиться отъ всѣхъ этихъ узъ.

— Да; пора,—отвѣчала смѣле, чѣмъ всегда, Ропшинъ.

Глафирѣ это показалось очень непріятно, и она прекратила разговоръ, сказавъ, что противъ свидѣтельства Подозерова она приметъ вѣрныя мѣры, и долго совѣщалась объ этомъ съ Гордановымъ.

Всленевъ же, чѣмъ ближе подвѣзжалъ къ роднымъ мѣстамъ, тѣмъ становился бойче и живѣе: пестрое помѣшательство у него переходило въ розовое: онъ общалъ Горданову устроить рандевушку съ сестрой, пробравъ ее предварительно за то, что она вышла за тряпку, а самъ постоянно пѣлъ схваченную со слуха въ «Русланѣ» пѣсню Фарлафа:

Близокъ ужъ часъ торжества моего,
Могучій соперникъ теперь мнѣ не страшень.

— Да; только гляди, Фарлафъ, не сфарлафъ въ рѣшительную минуту, — говорилъ ему Гордановъ, понимая его пѣсню.

— О, не сфарлафлю, не сфарлафлю, братъ,—мнѣ ужъ надоѣло. Пора, пора: мнѣ Глафира и ея состояніе, а тебѣ моя сестра, и я дамъ вамъ десять тысячъ. Помогай только ты мнѣ, а ужъ я тебѣ помогу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Маланьина свадьба.

Одинъ извѣстный французскій рецензентъ, дѣлая обзоръ русскаго романа, далъ самый восторженный отзывъ о дарованіяхъ русскихъ беллетристовъ, но при томъ ужаснулся «бѣдности содержанія» русскаго романа. Онъ полагалъ, что усмотрѣнная имъ «бѣдность содержанія» зависитъ отъ сухости фантазіи русскихъ романистовъ, а не отъ бѣдности самой жизни, которую долженъ воспроизводить въ своемъ трудѣ художникъ. Между тѣмъ, справедливо замѣченная «бѣдность содержанія» русскихъ повѣстей и романовъ находится въ прямомъ соотношеніи къ характеру русской жизни. Романы, сюжеты которыхъ заимствованы изъ временъ Петра Великаго, Бирона, Анны Ивановны, Елизаветы и даже императора Александра Церваго, далеко не безупречны въ отношеніи мастерства разсказа, отнюдь не страдаютъ «бѣдностью содержанія», которая становится удѣломъ русскаго повѣствованія въ то время, когда, по чѣму-то характерному выраженію, въ романѣ и повѣсти у насъ варьировались только два положенія: «влюбился да женился, или влюбился да застрѣлился». Эта пора сугубо-бѣдныхъ содержаніемъ беллетристическихъ произведеній въ то же самое время была порой замѣчательнаго процвѣтанія русскаго искусства и передала намъ нѣсколько именъ, славныхъ въ лѣтописяхъ литературы по искусству живописанія. Воспроизводя жизнь общества, отстраненнаго порядкомъ вещей отъ всякаго участія въ вопросахъ, выходящихъ изъ рамъ домашняго строя и совершенія карьеръ, романисты указанной поры, дѣйствуя подъ тяжкимъ цензурнымъ давленіемъ, вынуждены были избрать одно изъ оставшихся для нихъ направленій: или достиженіе занимательности произведеній посредствомъ фальшивыхъ эффектовъ въ сочиненіи, или же замѣну эффектовъ фабулы высокими достоинствами выполненія, экспрессіей лицъ, тончайшею разработкою самыхъ мелкихъ душевныхъ движеній и микроскопическою наблюдательностью въ области фізіологіи чувства. Къ счастью для русскаго искусства и къ чести для нашихъ писателей, художественное чутье ихъ не позволило имъ увлечься на вредный путь фальшиваго эффектичанья, а обратило ихъ на второй изъ указанныхъ путей, и при «бѣдности содер-

жанія» у насъ появились произведенія, достойныя глубокаго вниманія по высокой прелести своей жизненной правды, поэтичности выведенныхъ типовъ, колориту внутренняго освѣщенія и выразительности обликовъ. У насъ между художниками-повѣствователями явились такіе мастера по отдѣлкѣ, какъ въ живописи Клодъ Лорренъ—по солнечному освѣщенію, Яковъ Рюисдаль — по безотчетной грусти тихихъ сценъ, Поль-Поттеръ—по умѣнію соединять въ поэтическія группы самыхъ непоэтическихъ домашнихъ животныхъ, и т. п. Если исторія живописи указываетъ на безпримѣрную законченность произведеній Жерарда-Доа, который выдѣлывалъ чешуйки на селедкѣ и, написавъ лицо человѣка, изобразилъ въ зрачкахъ его отраженіе окна, а въ немъ прохожаго, то и русская словесность имѣла представителей въ работахъ, которыхъ законченность подробностей поразительна не менѣе, чѣмъ въ картинахъ Жерарда-Доа. Большая законченность рисунка стала у насъ необходимымъ условіемъ его достоинствъ. Картины съ композиціей болѣе обширною, при которой уже невозможна такая отдѣлка подробностей, къ какой мы привыкли, многимъ стали казаться оскорбленіемъ искусства, а между тѣмъ развивающаяся общественная жизнь новѣйшей поры, со всею ея правдой и ложью, мимо воли романиста, начала ставить его въ необходимость отказаться отъ выдѣлки чешуекъ селедки и отраженія окна въ глазу человѣка. Въ обществѣ проявилось желаніе имѣть новыя картины, захватывающія большіе кругозоры и представляющія на нихъ разомъ многообразныя сцены современной дѣйствительности съ ея разнообразными элементами, взбаломученными недавнимъ цѣлебнымъ возмущеніемъ воды и нынѣ осѣдающими и кристаллизующимися въ ту или другую сторону. Новѣйшая литература сдѣлала нѣсколько опытовъ представить такія картины, и онѣ приняты обществомъ съ удовольствіемъ и вмѣстѣ съ недоумѣніемъ. Публика всматривалась въ нихъ и видѣла на полотнѣ общій знакомый видъ, но ей не нравилась неровность отдѣлки. Ей хотѣлось соединенія широкихъ комбинацій съ мелочами выполненія на всѣхъ планахъ. Явились и въ этомъ родѣ опыты, которые и были встрѣчены равнодушно, но мелкость отдѣлки наводила скуку: и вмѣсто жизни и колорита являлась одна пестрота, уничтожавшая картину.

Когда въ русской печати, послѣ прекрасныхъ произведеній, «бѣдныхъ содержаніемъ», появилась повѣсть съ общественными вопросами («*Накануть*»), читатели находили, что это интересная повѣсть, но только «нѣтъ такихъ людей, какіе описаны». Съ тѣхъ поръ почти каждое беллетристическое произведеніе, намекающее на новыя кристаллизаціи элементовъ, встрѣчалось съ большимъ или меньшимъ вниманіемъ, но съ постояннымъ недоувѣріемъ къ изображенію новаго кристалла. Въ немъ узнавали только нѣчто похожее на дѣйствительность, но гнѣвались на недостатки, неполноту и недоконченность изображенія и потомъ черезъ нѣсколько времени начинали узнавать въ немъ родовыя и видовыя черты.

Это же самое происходитъ отчасти съ изображаемыми въ этомъ романѣ двумя лицами: Подозеровымъ и его женой Ларисой, и особенно съ послѣдней. По отношенію къ первому, снисходительнѣйшіе читатели еще милостиво извиняютъ автора приведеніемъ въ его оправданіе словъ Гоголя, что «хорошаго русскаго человѣка будто бы рельефно нельзя изображать»; но зато по отношенію къ Ларѣ судъ этотъ гораздо строже: авторъ слышитъ укоризны за неясность нравственнаго образа этой женщины, напоминающей, по словамъ нѣкоторыхъ судей, такихъ извѣстныхъ имъ лицъ, которыя, «не называясь умопомѣшанными, поступаютъ какъ сумасшедшія».

Въ этомъ сходствѣ, которое находятъ между Ларой и знакомыми читателямъ съ извѣстной стороны лицами, авторъ видитъ для себя достаточное успокоеніе.

Дѣйствуя подъ неотступнымъ давленіемъ сомнѣній, безъ сильныхъ влеченій и антипатій, при безмѣрности довольно мелкаго самолюбія и крайнемъ безпокойствѣ воображенія, Лариса въ теченіе года своего замужества съ Подозеровымъ успѣла пройти большую драму безъ дѣйствія, съ однимъ лишь глухимъ, безмолвнымъ протестомъ противъ всего и съ оскорбляющимъ жизнь безстрастіемъ. Между тѣмъ утромъ, предъ наступленіемъ котораго Катерина Астафьевна Форова, отпировавъ «Маланьину свадьбу», уснула съ намѣреніемъ идти на другой день на смертный бой съ Ларой, и между нынѣшнимъ днемъ, когда мы готовы снова встрѣтить Ларису, лежитъ цѣлая бездна, въ которой нѣтъ ничего ужасающаго, а только одна тягость и томленіе, уничтожающія всякую цѣлу жизни.

Пробѣжимъ вскользь это грустное существованіе, приостанавливаясь лишь на минуты на главныхъ его эпизодахъ.

Первое утро медоваго мѣсяца Лары было началомъ новыхъ несогласій между ею и людьми, принимавшими въ ней живое участіе. Катерина Астафьевна, проспавъ въ это утро нѣсколько долѣе обыкновеннаго, очень удивилась, когда, приди къ новобрачнымъ, застала все въ полномъ порядкѣ, но въ такомъ порядкѣ, который былъ бы умѣстенъ въ обыкновенной порѣ жизни, а не на второй день супружества. Подозеровъ занимался въ кабинетѣ, а Лара, совсѣмъ одѣтая, сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ, въ гостиной, и читала книгу. Катеринѣ Астафьевнѣ не съ чего было начать войны, въ цѣляхъ которой она сюда прибыла. Это еще болѣе разсердило майоршу и, походивъ изъ угла въ уголь предъ сидящею Ларисой, она, наконецъ, остановилась и спросила:

— Ну, что же, ты счастлива?

— Очень, — отвѣчала съ тихимъ наклоненіемъ головы Лара.

— Что же ты такъ отвѣчаешь?

— Какъ же вамъ отвѣчать, *ma tante*?

— Какъ?.. Тетка ее спрашиваетъ: счастлива ли она?.. а она жеманничаетъ. — Катерина Астафьевна вздохнула, встала и добавила: — пойду къ твоему мужу: такъ ли онъ счастливъ, какъ ты?

Приди къ Подозерову, она, къ удивленію своему, увидела, что и онъ ничѣмъ не смущенъ, а, напротивъ, какъ будто только еще болѣе сосредоточенъ и занятъ дѣломъ, за которымъ она его застала.

— Что это такое, что и въ такой день васъ занимаетъ? — спросила она.

— А это женины дѣла по залогу ся дома, — отвѣчала Подозеровъ, подавая стулъ теткѣ.

— Что же въ нихъ, въ этихъ дѣлахъ?

— Гм!.. ну, я надѣюсь, что можно будетъ кое-какъ вернуться.

— Можно?

— Да; по крайней мѣрѣ, я такъ думаю.

— Что же, это хорошо, — отвѣтила, не думая, что говорить, Форова, и, худо скрывая свое неудовольствіе, очень

скоро ушла къ Синтяниной, къ которой явилась оживленная искусственною веселостью и, комически шаркая и при-сѣдая, принесла генеральшѣ поздравленія.

— Съ чѣмъ?—спросила та.

— Ни съ чѣмъ, — отвѣчала ей майорша, и рассказала, что она застала у новобрачныхъ, скрывъ, впрочемъ, то, что мужъ ея видѣлъ ночную прогулку Подозерова подъ дождемъ и снѣгомъ. Это было такъ неприятно Катеринѣ Астафьевнѣ, что она даже, злясь, не хотѣла упоминать объ этомъ событіи и, возвратясь домой, просила майора точно такъ же ничего никогда не говорить объ этомъ, на что Филетеръ Ивановичъ, разумѣется, и изъявилъ полное согласіе, добавивъ, что ему «это наплевать».

Но чѣмъ кротче это всѣми принималось, тѣмъ болѣе Форова обнаруживала безпокойства и желанія проникнуть въ тайну семейнаго быта новобрачной племянницы и изобрѣтала въ своей головѣ планы, какъ бы за это взяться, и сердилась, когда Синтянина, кротко выслушивая эти планы, или разбивала ихъ, или шутила и говорила, что майоршѣ просто нечего дѣлать.

— Люди поженились и живутъ, и пусть ихъ живутъ, — говорила Синтянина; но Форова думала не такъ: «Малашина свадьба» казалась ей не бракомъ, а какою-то глупостью, которая непременно должна имѣть быстрый, внезапный и грустный конецъ; но самимъ новобрачнымъ майорша этого, разумѣется, не высказывала, да вскорѣ перестала говорить объ этомъ и Синтяниной, и своему мужу, такъ какъ первая въ отвѣтъ на ея пророчества называла ее «сорокой», а второй, не дослушивая рѣчей жены, отвѣчалъ:

— Оставь, пожалуйста, матушка: мнѣ это наплевать.

— Это вы на бракъ-то, господинъ Форовъ, плюете?

— Да.

— Ну, такъ вы дуракъ!

— Ну, такъ что же такое, что дуракъ?

— То, что бракъ—это наша святыня жизни.

— Ну, такъ что же такое, и наплевать.

Форова нетерпѣливо сердилась на эти отзывы, но потомъ перестала обращать на нихъ вниманіе, и зато еще болѣе усердно занималась шпионствомъ за племянницей и заботой, дабы вмѣсто форменнаго союза ея съ мужемъ между ними возникъ крѣпкій союзъ сердечный.

Къ осуществленію такихъ хлопотъ Катеринѣ Астафьевѣ не замедлилъ представиться случай: финансовыя дѣла Ларисы, да и собственная хлопотливость Подозерова не давали ему пребывать въ покоѣ. Оставивъ службу по неудовольствію съ Бодростинимъ, онъ теперь, женившись, не могъ ѣхать и въ Петербургъ, тѣмъ паче, что братъ Глафиры Грегуаръ, значительно перемѣнившійся съ тѣхъ поръ, какъ зналъ его Подозеровъ, не отозвался на его письмо, да Подозерову, въ его новомъ положеніи, уже невозможно было ограничиваться тѣми безсребренническими желаніями, какия онъ высказывалъ въ своемъ письмѣ къ Грегуару, когда просилъ взять его хоть въ писаря. Надо было думать о хлѣбѣ болѣе питательномъ, и въ этомъ случаѣ Подозерову оказалъ непрощенную, но очень важную услугу генералъ Синтянинъ.

Мужъ Александры Ивановны въ эту пору сдѣлался особенно пріязненъ съ Катериной Астафьевной, охотяще всѣхъ выслушивалъ ея неудовольствія на «глупый характеръ» Ларисы и, дѣйствительно, сочувствовалъ положенію Подозерова.

— Да-съ, — говорилъ онъ: — мнѣ Андрей Ивановича жаль-съ: я всегда говорилъ, что Лариса Платоновна—особа очень поэтическая-съ, а всѣ эти поэтическія особы очень прозаичны-съ. Да-съ, имъ надо угождать, да угождать.

— Да вѣдь неизвѣстно, Иванъ Демьянычъ, въ чемъ имъ и угождать-то-съ.

— Все знаю-съ: такимъ поэтическимъ барышнямъ надо за старичковъ выходить, тѣ угодливѣе: она будетъ капризничать, а онъ предъ ней на колѣночкахъ стоять.

— Или, еще лучше, за казачьихъ офицеровъ, — вмѣшался майоръ Форовъ: — потому что казакъ какъ разъ за нагайку возьмется, и поэтическое недовольство получить исходъ.

Оригинальное мнѣніе майора заставило генерала разсмѣяться, а Катерина Астафьевна вспыхнула и, сказавъ мужу, что нагайка была бы умѣстиве на тѣхъ, кто разсуждаетъ такъ, какъ онъ, выжила его изъ комнаты, гдѣ шла эта бесѣда.

Предпочтеніе, которое Катерина Астафьевна оказывала въ эту пору разговорамъ съ генераломъ, подвигнуло и его принять участіе въ заботахъ о судьбѣ новобрачныхъ, и

Иванъ Демьяновичъ, вытребовавъ въ себѣ въ одно прекрасное утро майоршу, сообщилъ ей, что одинъ петербургскій генераль, именно тотъ самый, у котораго Глафира искала защиты отъ Горданова, Кишенскаго и компаніи, купилъ въ ихъ губерніи прекрасное имѣніе и по знакомству съ Ивановъ Демьяновичемъ просилъ его рекомендовать изъ мѣстныхъ людей основательнаго и честнаго человѣка и поставить его немедленно въ томъ имѣніи управителемъ.

— Такъ что же, батюшка Иванъ Демьянычъ, Андрюшу туда поставьте!—воскликнула Форова.

— Да я такъ-съ было и думалъ ему предложить.

— Ему, ему, непременно ему, потому что, во-первыхъ, честиѣй его человѣка нѣтъ, а потомъ онъ и основательный, да ему это теперь и нужно.

— Что жъ; я очень радъ служить, если это ему будетъ по вкусу.

— Помилуйте, отчего же не по вкусу: онъ любить уединеніе и пусть живетъ въ деревнѣ, да и она тамъ скорѣе одумается.

Катерина Астафьевна побѣжала посломъ къ Подозерову и черезъ нѣсколько минутъ возвратилась съ его согласіемъ и благодарностію, а черезъ два дня Андрей Ивановичъ уже уѣхалъ на свой новый постъ принимать имѣніе и устраивать себѣ тамъ жилье.

Этимъ временемъ Катерина Астафьевна, безъ всякаго приглашенія со стороны Ларисы, явилась къ ней погостить и слегка бунтовала, нарушая учрежденный Ларисой порядокъ жизни. Майорша, подъ предлогомъ разсѣянности, безпрестанно перетаскивала изъ кабинета Подозерова въ комнату Лары разныя мелкія вещи, но Лара тихо, но тщательно возвращала ихъ опять въ кабинетъ; Катерина Астафьевна постоянно заговаривала съ Ларой о ея мужѣ и о ея дѣлахъ, но та уклонялась отъ этихъ разговоровъ и старалась читать. Кончалось это тѣмъ, что тетка съ племянницей ссорились, выражая, впрочемъ, свой гнѣвъ разными способами: майорша — язвительными словами, а Лариса — упорнымъ молчаніемъ и кажущеюся нечувствительностію.

Наконецъ Катерина Астафьевна не выдержала и спросила:

— Ты, кажется мнѣ, вовсе не любишь своего мужа?

Лара промолчала.

— Слышишь, о чемъ я съ тобой говорю?—загорячилась, толкая свой чепецъ, Форова.

— Слышу; но не знаю, почему это вамъ такъ кажется.

— А отчего же ты про него ничего не говоришь?

— Какая странная претензія!

— Нисколько не странная: я сама женщина и сама любила и знаю, что про любимаго человека говорить хочется. А тебѣ вѣрно нѣтъ?

— Нѣтъ; я не люблю словъ.

— Не любишь словъ, да и живешь скверно.

— Какъ же я живу?

— «Какъ живу!» Скверно, сударыня, живешь! У васъ скука, у васъ тоска, у васъ дутье да молчанка: эта игра не ведетъ къ добру. Лариса! Ларочка! я тебѣ, отъ сердца добра желаю, это говорю!

И Форова закрыла ладонями рукъ страницы книги, которую читала Лариса.

— Ахъ, какъ это несносно!—воскликнула Лара и встала съ мѣста.

Майорша вспыхнула.

— Лариса!—сказала она строго, отбросивъ книжку:—ты мнѣ не чужая, а своя, я сестра твоей матери.

Но Лара перебила ее нетерпѣливымъ вопросомъ.

— Чего вы отъ меня, тетушка, хотите? Мужъ мой, что ли, прислалъ васъ ко мнѣ съ этими переговорами?

— Нѣтъ; твой мужъ ничего не говорилъ мнѣ, а я сама... ты знаешь, какая исторія предшествовала твоей свадьбѣ...

Лара покраснѣла и отвѣчала:

— Никакой я не знаю исторіи и никакой исторіи не было.

— Лара, ты должна постараться, чтобы твоего мужа ничто не смущало, чтобы онъ, закрывъ вѣнцомъ твой осторожный шагъ, былъ увѣренъ что ты этого стѣдишь.

— Надѣюсь, что стѣю.

— Да что же ему-то изъ этого проку, что ты стѣдишь, да только молчишь, супишься, да губы дуешь: велика ли въ этомъ радость, особенно въ самомъ началѣ!

— Ну, что же дѣлать, когда я такая: пусть любятъ такую, какая я есть.

— Капризовъ нельзя любить.

— Отчего же: кто любить, тотъ все любить.

— Ну, извини меня, а ужь скажу тебѣ, что если бы такіа комедіи на первыхъ порахъ, да на другой нравъ...

— Ничего бы не было точно такъ же.

— Ни до чего нельзя договориться! — вскричала, схватясь съ мѣста, Катерина Астафьевна и начала собираться домой, что было привычнымъ ея приѣмомъ при всякомъ гнѣвѣ.

Лариса молчала и не останавливала тетку, что ту еще болѣе бѣсило.

— Тулица, капризница и безчувственная! — произнесла на прощанье Форова и, хлопнувъ дверью, вышла, слегла дома и занемогла отъ крайней досады, что не только не можетъ ничего уладить, но даже не въ состояніи сама себѣ уяснить, почему это такъ скверно началось житье у племянницы съ мужемъ.

Безтолковая «Маланьина свадьба» сокрушала Катерину Астафьевну, да и недаромъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Куда кривая выносить.

Подозеровъ былъ весь поглощенъ занятіями по своимъ новымъ обязанностямъ. Вступивъ въ управленіе и упорядочивъ кое-какъ на скорую руку давно заброшенный флигелекъ, онъ пріѣхалъ въ городъ на короткое время и тутъ же, уладивъ отсрочку по закладу Ларисинаго дома, успокоилъ жену, что домъ ея будетъ цѣлъ и что она можетъ жить, не измѣняя никакимъ своимъ привычкамъ, и самъ снова уѣхалъ въ деревню. Дѣло поглощало все его время, такъ что онъ, возвращаясь къ ночи домой, падалъ и засыпалъ какъ убитый и, пріѣхавъ къ женѣ послѣ двухъ недѣль такой жизни, былъ неузнаваемъ: лицо его обвѣтрило, поступъ стала тверже, голосъ рѣшительнѣе и спокойнѣе, что, очевидно, было въ прямомъ соотношеніи съ состояніемъ нервовъ.

Онъ опять пробылъ въ городѣ сутки, справился о состояніи и нуждахъ жены, все, что нужно, устроилъ и уѣхалъ.

Ларисе это смутило.

«Что же это: неужто онъ хочетъ постоянно вести такую жизнь? Неужто онъ мною пренебрегаетъ?.. О, нѣтъ! Развѣ это возможно!»

Лариса вскочила, схватила зеркало и, разглядывая себя, повторяла:

— Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно!

«Да и за что же? — раздумывала она, ходя по своей одинокой залѣ. — За то, что я немножко капризна, но это мое воспитаніе виновато, но я не зла, я ничего дурного не сдѣлала... и Господи, какая скука!»

Она провела ночь безъ сна и нѣсколько разъ принималась плакать, а утромъ написала Форовой, прося ее прійти, съ тѣмъ, чтобы взять лошадей и прокатиться къ Подозерову, навѣстить его сюрризомъ.

Вмѣсто отвѣта на это приглашеніе, къ Ларисѣ явились майоръ и Евангелъ, и первый изъ нихъ сейчасъ же полунутя, полусерьезно, сдѣлалъ ей выговоръ, зачѣмъ она писала.

— Во-первыхъ,—говорилъ онъ:—развѣ вы не знаете, что моя жена нездорова, а во-вторыхъ, у насъ нѣтъ людей для разности корреспонденцій.

— Тетя больна!—воскликнула Лариса.

— А вы этого и не знали?

— Нѣтъ, не знала.

— Удивительно! А вы развѣ у генеральши не бываете?

— Да; я... какъ-то давно... сижу дома.

— Ага! Впрочемъ, это до меня не касается, а по предмету вашего посольства скажу вамъ свой совѣтъ, что никакіе провозачные вамъ не нужны, а возьмите-ка хорошую троечку, да и катните къ мужу.

— Да, конечно, но... одной скучно, дядя.

— Одной... къ мужу... скучно!

Майоръ шаркнулъ ногой, поклонился и проговорилъ:

— Благодарю-съ, не ожидалъ.

Онъ приставилъ ко лбу палецъ и началъ вырубать:

— Молоденькой, хорошенькой дамочкѣ одной къ мужу ѣхать скучно... Прекрасно-съ! А при третьемъ лицѣ, при провозачомъ въ родѣ старухи-тетки, вамъ будетъ веселѣй... Нѣтъ, нѣтъ, именно: благодарю, не ожидалъ. Мнѣ это напоминаетъ поль-де-коковскую няньку,—охранительницу невинности, или мадемуазель Жиро...

— Дядя! — воскликнула Лара, съ желаніемъ остановить майора отъ дальнѣйшихъ сравненій.

— Чего-съ?

— Какъ вы говорите!

— А какъ еще съ вами надо говорить? Вы чудиха, и больше ничего; васъ надо бы, какъ непосѣдливую курицу, взбрызнуть водой, да жигучею крапивкой пострекать.

— Вы циникъ.

— И что же такое?—я этимъ горжусь. Зато у меня нѣтъ никакихъ потаенныхъ безнравственныхъ мыслей и поступковъ: я не растлѣваю ничѣмъ моей головы, и знаете, что я вамъ скажу, мое милое дитя: и противъ васъ гораздо цѣломудреннѣе, даже я предъ вами сама скромность и добродѣтель.

— Дядя! Вы, кажется, не думаете, что вы говорите.

— Нѣтъ, я думаю-сь, и по самому зрѣлому размысленію не вѣрю въ вашу добродѣтель. Тсс... тсс... тсс... позвольте мнѣ договорить. Я всегда имѣлъ большое довѣріе къ женщинамъ простого, естественнаго взгляда на жизнь и никогда въ этомъ не каялся. Брехливая собачка чаще всего только лаетъ, а молчаливая тяпнетъ тамъ, гдѣ и сама не думаетъ; а вы вѣдь весь свой вѣкъ все отмалчиваетесь и до сихъ поръ тупите глазки, точно находите въ томъ возрастѣ, когда вѣрятъ, что дѣтей нянька въ фарточкѣ приноситъ.

Лара молчала.

— Это прескверно-сь,—продолжалъ майоръ:—и если бы вы, выходя замужъ, спросили старика-дядю, какъ вамъ счастливѣе жить съ мужемъ, то я, по моей цинической философіи, научилъ бы васъ этому вѣрнѣе всякой мадамъ Жанлисъ. Я бы вамъ сказалъ: не надѣйтесь, дитя мое, на свой умъ, потому что хоть это для васъ, можетъ-быть, покажется и обиднымъ, но я, оставаясь вѣрнымъ самому себѣ, имѣю очень невысокое мнѣніе о женскомъ умѣ вообще и о вашемъ въ особенности.

— Дядя! Да что же это наконецъ такое?

— Не сердитесь-сь, не сердитесь.

— Но вы уже говорите мнѣ невыносимыя дерзости.

— Я говорю вамъ только правду, сущую правду, которую подлець не скажетъ. Подлець будетъ вамъ нагѣвать, что вы красавица и умница, что у васъ во лбу звѣзда, а подъ косою мѣсяць, а я вамъ говорю: вы не умны, да-сь; и вы сдѣлали одну ошибку, ставъ не изъ-за чего въ холодныя и натянутыя отношенія къ вашему мужу, котораго

я признаю большимъ чудакомъ, но прекраснымъ человѣкомъ, а теперь дѣлаете другую, когда продолжаете эту безкровную войну не тѣмъ оружіемъ, которымъ способны наилучше владѣть ваши войска. Извините меня, что я вамъ скажу: вы не должны ни о чемъ думать. Да-съ, положительно такъ! Умъ... умъ не всѣмъ дается-сь, и это штука, сударыня моя, довольно серьезная; это орудіе, которымъ нужно владѣть съ тонкимъ расчетомъ, тутъ нужны хорошо обученные артиллеристы; но вамъ это и не нужно, и именно потому, что у васъ пейзажъ очень хорошъ: вы рисункомъ берите. Да-съ; пусть умъ остается на долю дурнушекъ, которымъ, чтобы владѣть человѣкомъ, нужны чортъ знаетъ какія пособія высшей школы: и умъ, и добродѣтели, и характеръ; а вы и женщины, вамъ подобной живописи, имѣете привилегію побѣждать злополучный мужской полъ, играя на низшемъ регистрѣ. То-есть я это все говорю въ разсужденіи того, что вы вѣдь очень хороши собою...

— Да; но я клянусь, что едва ли какая-нибудь красивая женщина слышала такіе странные комплименты своей красотѣ.

— Ну, вотъ видите ли: я веду серьезный разговоръ, а вы называете мои слова то дерзостями, то комплиментами, тогда какъ я не говорю ни того, ни другого, а просто проповѣдую вамъ великую вселенскую правду, которая заключается въ томъ, что когда красивая женщина не хочетъ сдѣлать своей красоты источникомъ привязанности избраннаго человѣка, а расплывается въ невѣдомо какихъ соображеніяхъ, то она не любитъ ни этого человѣка, ни самой себя, то-есть она, по-просту говоря, дура.

— Тсс... полно ты, полно грубіянить, — остановилъ его Евангель.

— А что жъ; развѣ я не правъ? Красота—сила, и такая здоровенная, что съ нею силы, гораздо ей совершеннѣйшія, часто не справятся.

Евангель молчалъ и созерцалъ тоже молчавшую и морщившую свой бѣлый лобъ Ларису, а Форовъ, скрутивъ и раскуривъ новую папиросу, продолжалъ:

— Повѣрьте мнѣ, прекрасная племянница, что тысячи и тысячи самыхъ достойнѣйшихъ женщинъ не разъ втайнѣ завидуютъ легкости, съ которою красавицамъ дается овла-

дѣвать привазами самыми серьезныхъ и честныхъ людей. Что тамъ ни говорите, женщинъ добродѣтельныхъ люди уважаютъ, а красивыхъ—любятъ. Это очень несправедливо, но что дѣлать, когда это всегда ужъ такъ было, есть и будетъ! Вонъ еще въ библейской древности Иаковъ Лию не любилъ, а Рахиль любилъ, а я Рахиль не уважаю.

— Ты этого не смѣешь,—прошептала Евангелъ.

— Нѣтъ, очень смѣю: она, какъ всѣ красавицы, была и своенравна, и не умна.

— Ты этого не знаешь.

— Напротивъ, знаю, а это вы, батюшка, по своему иезуитству, изволите это отрицать.

— Ты врешь.

— Прекрасно! Значить, вы одобряете, какъ она мужа въ наемъ отдавала?

Евангелъ махнулъ молча рукой.

— Ага!—продолжалъ Форовъ:—и всѣ красавицы таковы, и потому-то справедливая природа такъ и раздѣляетъ, что однимъ даетъ красоту, а другимъ—умъ и добродѣтель.

— Дядя, но вѣдь это уже въ самомъ дѣлѣ... по крайней мѣрѣ рѣзкость: вы во второй разъ называете меня душой.

— Да, ты постоянно рѣзокъ, даже ужъ очень рѣзокъ,—вышлся Евангелъ и пояснилъ мягко, что хотя замѣченный Форовымъ раздѣлъ дѣйствительно какъ будто существуетъ, но въ этомъ виновата не природа, для которой нѣтъ основаній обдѣлять прекрасное тѣло добрыми свойствами, а виноваты въ томъ люди, потому что они красавицамъ больше прощаютъ, больше льстятся и тѣмъ кружатъ имъ головы и портятъ сердца, дѣлаютъ ихъ своенравными, ваносчивыми, и тогда ужъ плохо тѣмъ, кому придется съ такою женщиной жить.

— Все это ложь, все расточаемая ложь виновата,—твердилъ онъ:—и таковыхъ испорченныхъ красавицъ надо обильно жалѣть, потому что какъ бы онѣ могли быть прекрасны, сколько бы онѣ счастья могли принести и себѣ, и семьѣ, а между тѣмъ какъ онѣ часто живутъ только на горе себѣ и на горе другимъ. Вѣдь это предосадно-сь, преобидно и прескоробительно! И вы, Лариса Платоновна, когда вамъ Богъ даруетъ дочку, подобную вамъ своей красотой, блюдите, Бога ради, сей прелестный цвѣтокъ отъ дыханія лести и, сдѣлайте милость, воспренятствуйте этому грубому

миѣнію, которое имѣеть насчетъ красоты вашъ циникъ-дядя: онъ вретъ, что красотой усилѣнѣе играть на низшихъ регистрахъ; нѣтъ-съ, красота, какъ совершенство природы, должна брать могучіе и гармоничные аккорды на самыхъ высшихъ регистрахъ. Развѣ не Агнесса Сорель воскресила чувство чести въ Карлѣ Седьмомъ? Развѣ не Мещенонъ поселила въ Людовикѣ Четырнадцатомъ любовь къ ученымъ? Развѣ красота не совершала Даніиловыхъ чудесъ укрощенія звѣрей; развѣ не показала этого, напри-мѣръ, прелестная Дивке надъ датскимъ Христіаномъ; Пастасья Романовна—надъ нашимъ Грознымъ?..

— Ну, пошелъ причитать!—сказалъ, смѣясь, Форовъ.

— Именно причитаю, именно причитаю, потому что я долго слушалъ твою грубость, а въ моихъ устахъ дрожить хвала Творцу въ Его прелестнѣйшихъ твореніяхъ, и я.. я на себѣ испыталъ возвышающее дѣйствіе красоты на высшіе регистры моихъ способностей. Да-съ; область красы—это самый высокій регистръ, она всегда на меня дѣйствуетъ. Не могу я видѣть вашихъ затрудненій: пусть Филетеръ остается при женѣ, а я васъ сопровожду къ супругу. Да, сейчасъ сопровожду.

И Евангелъ сбѣгалъ, нанялъ бодрую тройку ямскихъ копей и черезъ часъ катилъ въ сумеречной мглѣ, населяя мрѣющую даль образами своей фантазій, въ которой роились истина, добро и красота, и красота во всемъ: въ правдѣ, въ добрѣ, въ гармоніи. Онъ всячески старался развлекать молчаливую Лару и все вдохновлялся, все говорилъ и все старался оправдать, всему найти извиненіе. Время пролетѣло незамѣтно.

— А вотъ что-то сѣрѣеть, — замѣтилъ Евангелъ: — и я слышу собачій лай: неужто мы это уже пріѣхали?

— Пріѣхали,—отвѣчала ямщикъ.

— Фу, какъ скоро!

— Лошадокъ не пожалѣлъ, да и ты, батюшка, больно ужъ складно говоришь и время крадешь.

Евангелъ на это ничего не отвѣчалъ: онъ съ предупредительною услужливостью высаживалъ Лару, и они, пройдя чрезъ небольшія темныя сѣни, вошли въ обиталище Подозерова, но не застали его. Андрей Ивановичъ уѣхалъ въ городъ.

Это неприятно поразило Лару: она не хотѣла и взглянуть

на помѣщеніе мужа и пожелала тотчасъ же возвратиться назадъ.

Обратный путь уже не былъ такъ оживленъ, потому что Евангелъ точно что-то почуялъ и молчалъ подь-стать Ларѣ, а ямщикъ пробовалъ было завести раза два иѣсню, но обрывалъ ее ударами кнута по шеѣ лошади и тоже умолгалъ. Такъ они и прѣѣхали, но не вмѣстѣ, потому что Евангелъ всталъ на поворотѣ къ своему жилью, а Лариса вѣѣжала во дворъ и еще болѣе удивилась: окна ся флигели были темны.

— Гдѣ же это онъ? У Синтянинныхъ свѣтитя на мезонинѣ и въ кабинетѣ... неужели онъ тамъ?

Ревность зацемила Ларису.

Она выбѣжала на крыльцо и, встрѣтивъ горничную дѣвушку, узнала отъ нея, что въ кабинетѣ сидитъ генераль и Форовъ, а на мезонинѣ—глухонѣмая Вѣра, а генеральшии совѣмъ нѣтъ дома.

— Нѣтъ дома!.. гдѣ же она?

— У Катерины Астафьевны.

У Ларисы словно холодная змѣя обвилась вокругъ сердца.

— Это свиданіе,—сказала она себѣ: — они всѣ противъ меня, они возстановляютъ противъ меня моего мужа и, можетъ-быть, теперь, въ эти самыя минуты, тамъ строятся козни... Но я жена, я имѣю право... пока еще это не пустило корней.

И Лара торопливыми шагами вышла за ворота, взяла извозчика и велѣла ѣхать къ Форовымъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Тѣ же раны.

Переступивъ порогъ коротко знакомой ей калитки Форовскаго домика, Лара остановилась: сквозь отворы неплотныхъ ставенъ ей была видна комната, гдѣ за чайнымъ столомъ сидѣли Катерина Астафьевна, и возлѣ нея, другъ противъ друга, Подозеровъ и Синтянина.

Объятому ревностью сердцу Лары показалось, что эти два лица помѣщаются слишкомъ близко другъ къ другу, что лица ихъ черезчуръ оживлены и что особенно ея мужъ находится въ возбужденномъ состояніи. На каждое слово Синтяниной онъ отвѣчаетъ цѣлыми длинными репликами и то краснѣетъ, то блѣднѣетъ.

Лара употребила всѣ усилія, чтобы подслушать эту бесѣду: разговоръ шелъ о ней.

— Нѣтъ, ни вы, тетушка, ни вы, Александра Ивановна, не правы,—говорилъ ей мужъ.

— Ахъ, батюшка: я уже молчу, молчу, — отвѣчала Форова. — Я говорила-говорила, да и устала, умъ помутился и языкъ притупился, а все одно и то же: тебя спросишь,—выходить, что ты доволенъ женой и что вы будто живете прекрасно, и жена твоя тоже своею жизнью не нахвалится, а на нашъ взглядъ жизнь ваша самая отвратительная.

— Чѣмъ-съ? вы скажите же, чѣмъ?

— Тѣмъ, что она самая скучная, что же тутъ похвалить?

— Мы не ссорились и, вѣроятно, никогда не поссоримся.

— Ахъ, милый племянникъ, извини, пожалуйста: я стара, меня этимъ не обманешь: лучше бы вы ссорились, да, поссорившись, сладко мирились, а то... нечему, нечему радоваться.

— Маленькая ссора часто то же самое, что гроза: послѣ нея воздухъ чище и солнце свѣтитъ ярче,—молвила генеральша.

Подозеровъ вспыхнулъ.

— Вѣдь вы меня просто пытаете,—сказалъ онъ.—Я цѣлый часъ пробылъ здѣсь въ цензурѣ, какой не ожидалъ. Вы уясняли меня себѣ при мнѣ самомъ. Это очень оригинальное положеніе. По-вашему, я виноватъ въ томъ, что моя жена не весела, не счастлива и... и, можетъ-быть, не знаетъ, чего ей надо. Вы дѣлаете мнѣ намеки, прямой смыслъ которыхъ, если позволите прямо выразиться, заключается въ томъ, что продолженіе жизни въ такомъ порядкѣ, какимъ она началась, можетъ повести къ бѣдамъ. То-есть къ какимъ же это бѣдамъ? Я помогу вамъ объяснить это: вы пугаете меня охлажденіемъ ко мнѣ моей жены и... и всѣмъ, что за этимъ можетъ слѣдовать при ея красотѣ и молодости. Долженъ признать, что вы правы; но такъ какъ мы здѣсь всѣ друзья и ведемъ разговоръ не для того, чтобы спорить и пререкаться, а для того, чтобы до чего-нибудь договориться, то я вамъ, если угодно, выскажу, что у меня на душѣ. Лара не въ правѣ требовать отъ меня горячей и пылкой любви.

— Тогда для чего же вы на ней женились?

— Потому что она этого хотѣла
Обѣ женщины невольно переглянулись.

— Позвольте,—молвила генеральша:—но вѣдь вы Лару любили?

— У меня была къ ней привязанность, доходившая до обожанія.

— И отчего же она вдругъ исчезла? — подхватила Форова.

— Нѣтъ, не вдругъ, Катерина Астафьевна, но, впрочемъ, довольно быстро.

— По какой же это причинѣ?

— Причина?—повторилъ Подозеровъ. — А причина та, что Александра Ивановна дала мнѣ очень хорошій урокъ.

Генеральша покраснѣла и, нагнувшись къ работѣ, проговорила:

— Что? что? Я вамъ давала урокъ противъ Лары?

— Нѣтъ, за Лару.

— Гдѣ и когда?

— Вечеромъ, наканунѣ дуэли, въ вашемъ осиновомъ лѣсочкѣ.

Подозеровъ припомнилъ Синятиной, что въ томъ разговорѣ она убѣждала его, что штудировать жизнь есть вещь ненормальная, что молодой дѣвушкѣ нѣтъ дѣла до такого штудирования, а что ей надо жить, и человѣку, который ее любить, нужно «добиваться» ея любви.

— Я въ самомъ дѣлѣ нашелъ, что это справедливо и что у такой женщины, какъ Лара, любви надо добиваться. Но чтобы добиваться ея, значитъ жертвовать своими убѣжденіями, свободой мысли, свободой отношеній къ честнымъ людямъ, а я этимъ жертвовать не могу, потому что тогда во мнѣ не осталось бы ничего.

— Но вы, однако, отъ ея руки не отказывались?

— Зачѣмъ же, когда она мнѣ сама прежде отказала?

— Но ты, батюшка мой, за нее свой лобъ подставлялъ.

— Что же такое? И кромѣ того, я не за нее одну стрѣлялся.

Произошла маленькая пауза, послѣ которой Форова, вздохнувъ, произнесла:

— Худо же тебѣ будетъ жить, моя бѣдная Лара!

— Напрасно вы ее оплакиваете. Повѣрьте, что если она вѣрила мнѣ свою свободу, то я ничѣмъ не злоупотре-

блю. Какъ она поставила свою жизнь, такъ она и будетъ стоять, и я не ворохну ее и буду ей всегда преданнѣйшимъ другомъ.

— Только другомъ?

— Да; только тѣмъ, чѣмъ она хочетъ меня видѣть.

— А полна отъ этого ея жизнь?

— Я не знаю; впрочемъ, не думаю.

— Ну, а вы же допускаете, что не теперь, такъ со временемъ она можетъ пожелать ее восполнить?

— Очень можетъ быть.

— Кто же будетъ виноватъ въ томъ, что можетъ произойти?

— Произойти?.. Я не знаю, о чемъ вы говорите? Если она полюбитъ кого-нибудь, въ этомъ никто не будетъ виноватъ, а если она меня обманетъ, то въ этомъ, разумѣется, она будетъ виновата.

— А не вы?

— Я!.. съ какой же стати? Она мнѣ ввѣрила свою свободу, я вѣрю ей. Кто обманетъ, тотъ будетъ жалокъ.

— Это значить, что ты ее не любишь,—молвила Форова.

— Думайте какъ вамъ угодно, я запретить не властенъ; но я властенъ жить для жены и для того, что я считаю достойнымъ заботъ честнаго человѣка.

— Съ обоими съ вами, господа, пива не сварю,—проговорила генеральша, и, начавъ собираться домой, добавила:—Оставимъ все это своему теченію.

Вслѣдъ за нею поднялся и Подозеровъ.

Катерина Астафьевна молчала; но когда Подозеровъ подаль ей руку, она покачала головой и проговорила:

— Нѣтъ; конечно все: не она тебя не любитъ, а ты, Андрюша, къ ней равнодушенъ. Иначе бы такъ не разсуждалъ. Жалко мнѣ васъ, жалко; очень ужъ вы оба себя уважаете, лучше бы этого немножко поменьше.

— И главное, что все это не такъ,—неосторожно молвила, совсѣмъ прощаясь, генеральша.

— И именно не такъ: охъ, я вижу, вижу, что тебя что-то другое дѣлаетъ такимъ неуязвимымъ и спокойнымъ.

— Вы отчасти правы; но знаете ли что это такое?

— То-то не знаю, а хотѣла бы знать.

— Я васъ удовлетворю. Въ жизни моей я пламенно добивался одного: господства надъ собою, и пынѣшняя

жизнь моя дастъ обильную пищу этому труду; другого же я ничего не ищу, потому что мнѣ ничего искать не хочется.

Катерина Астафьевна еще разъ качнула головой, и гости вышли.

Лариса видѣла, какъ они сошли со двора и пошли рядомъ, и слышала какъ Синянина сказала Подозерову:

— Вы, Андрей Ивановичъ, совершеннѣйшій чудакъ, и Катя вѣрно отгадываетъ, что вы ужь черезъ мѣру себя уважаете.

— Да, это быть-можетъ; но это единственное средство быть достойнымъ того, что дороже обрывковъ ничтожнаго счастья.

Лара вернулась домой почти одновременно съ мужемъ, который ее встрѣтилъ, испугался немножко ея блѣдности и никакъ не могъ добиться, гдѣ она была.

Она сидѣла блѣдная и, держа въ своихъ рукахъ руки мужа, глядѣла на него острымъ лихорадочнымъ взглядомъ.

— Что съ тобой, Лариса?—молвилъ мужъ.—Ты, можетъ-быть, больна?

— Нѣтъ; но... я видѣла тебя...

— Ахъ, да, я былъ у Форовыхъ и проводилъ оттуда генеральшу.

Лариса изо всѣхъ силъ сжала руки мужа и прошептала:

— Бога ради... оставь ее.

— Что за просьба, Лара?

— Я умоляю тебя!—и Лара заплакала.

— Мой милый другъ,—отвѣчалъ Подозеровъ:—я тебя не понимаю, ты видишь, я постоянно занятъ и живу, никого не видя, одинъ въ деревнѣ... За что же ты хочешь лишить меня старыхъ друзей?

— Я буду жить съ тобою въ деревнѣ.

— Ты соскучишься.

— О, нѣтъ, нѣтъ, я не соскучусь.

— Ну, прекрасно; это можно будетъ только лѣтомъ, когда я устрою что-нибудь болѣе чѣмъ двѣ комнаты, въ которыхъ мнѣшуся; но и тогда, Лариса, я не могу оставить моихъ друзей.

— Не можешь?

— Нѣтъ, не могу, да и для чего тебѣ это?

Быль моментъ, удобный для самыхъ задушевныхъ объясненій, но Лариса имъ не воспользовалась: она встала, ушла къ себѣ и заперлась.

Такъ и продолжалась жизнь нашихъ супруговъ въ теченіе цѣлаго года: со стороны мужа шла ровная предупредительность, а со стороны Лары—натянутое молчаніе, прерывавшееся для разнообразія лишь всыпками въ родѣ описанной и заключавшееся тоже внезапнымъ обрывомъ на недоговоренномъ словѣ. Одинъ мотивъ неудовольствія оставался неизмѣннымъ: это ревность къ генеральнѣ, и какъ скоро это разъ прорвалось наружу и изъ тайны Лары и ея мужа сдѣлалось извѣстно всему дому, съ нею уже не было мирной справы. Александра Ивановна смутилась этимъ извѣстіемъ, стала тщательно удаляться отъ встрѣчъ съ Ларой и еще болѣе съ ея мужемъ; генераль, отъ вниманія котораго не могло укрыться это охлажденіе, только улыбнулся и назвалъ Лару «дурой», сказавъ:

— Она судитъ, вѣрно, по себѣ-съ.

Форовъ сказалъ «наплевать», а Катерина Астафьевна, которая была первою изъ набредшихъ на мысль о существованіи такой ревности и послѣднею изъ отрицавшихъ ее на словахъ, наконецъ разошлась съ племянницей далѣе всѣхъ. Это послѣдовало послѣ отчаянной схватки, на которую майорша наскочила съ азартомъ своей кипучей души, когда убѣдилась, что племянница считаетъ своею соперницей въ сердцѣ мужа нѣжно любимую Катериной Астафьевной Синтянину, да и самоѣ ее, Форову, въ чемъ-то обвиняетъ.

— Матушка!—воскликнула, внезапно появясь къ Ларисѣ, едва поправившаяся майорша:—ты что это еще за чудеса откидываешь? Сама съ мужемъ жить не умѣешь, а чище себя людей мараешь!

И, пачавъ на эту тему, она отчитала ей все, что принесла на сердцѣ, и заключила:

— Стало-быть, вотъ ты какая новѣйшая женщина; добрая жена радовалась бы, что ея мужъ не съ какими-нибудь вертопрашными женщинами знакомъ, а дружить съ женщиной честиѣйшею и прекрасною, съ такою женщиной, у которой не было, да и нѣтъ и не можетъ быть сушпратовъ, а тебѣ это-то и скверно. Дура ты, сударыня!

— Да,— уронила Лариса:— мнѣ надоѣли ужъ всѣ эти причитыванья. Я, можетъ-быть, и гадкая, и скверная, но не могу же я поддѣлываться подъ образецъ Александры Ивановны. Это для меня недостижимо. Я простая женщина и хочу простого съ собою обращенія.

— Ахъ, оставь, пожалуйста: какая ты простая и какое съ тобою простое обращеніе возможно, когда къ тебѣ на козѣ не подѣдешь: утромъ спать, въ полдень не въ духѣ, вечеромъ нервы разстроены. Не хотѣла тебя бранить, но выбранила, тыфу! пусто тебѣ будь совсѣмъ! Прощай и не зови меня теткой.

Этимъ окончилось объясненіе съ Ларой, продолжавшей выжидать благого поворота въ своей скучной жизни отъ капризовъ случая, и случай поспѣлъ ей на помощь: случай этотъ былъ возвращеніе Бодростиной со свитой въ мирныя палестины отчаго края.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Неожиданныя событія.

Жозефъ не возвратился къ сестрѣ, а прямо поселился у Бодростиныхъ и долго не показывался въ городѣ. Ему было совѣстно ѣхать туда по двумъ причинамъ: во-первыхъ, онъ не зналъ, что отвѣтить сестрѣ о деньгахъ, которыя взялъ подъ залогъ ея дома съ обѣщаніемъ возвратитъ ихъ; а, во-вторыхъ, выкрашенные въ Берлинѣ волосы его отросли и у него была теперь двуцвѣтная голова: у корня волосъ бѣлокурая, а ниже—черная. Последнему горю онъ, впрочемъ, надѣялся помочь при помощи публикуемыхъ «Вальдегановскихъ щетокъ для отрожденія волосъ въ натуральный ихъ цвѣтъ»; но какъ сказать сестрѣ, что всѣ деньги, взятые за ея домъ, онъ проигралъ въ рулетку, еще въ ожиданіи Бодростиной за границу?

Онъ долго думалъ, и наконецъ рѣшилъ, что скажетъ, будто его обокрали. Не хорошо это немножко, что его все постоянно обворовываютъ, ну да что же дѣлать?

Прибыли изъ Петербурга и растворъ, и щеточка, которою Жозефъ хотѣлъ «отродить» свои волосы; но тутъ онъ сдохватился, что отъ этой смази волосы его почернѣютъ, тогда какъ ему, чтобы «отродиться», надо быть блондиномъ.

Приходилось долго жданыя Вальдегановскія щетки бросить и ждать всего отъ времени: но тѣмъ часомъ начиналось дѣло о дуэли, затянувшееся за отсутствіемъ прикосновенныхъ лицъ, и пронзошло маленькое *qui pro quo*, вслѣдствіе котораго Глафира настойчиво требовала, чтобы Жозефъ повидался съ сестрой, и какъ это ни тяжело, а постарался привести, при ея посредствѣ, Подозерова къ соглашенію не раздувать дуэльной исторіи возведеніемъ большихъ обвиненій на Горданова, потому что иначе и тотъ съ своей стороны поведетъ кляузу.

— Я согласенъ, совершенно съ вами согласенъ,—отвѣчалъ Висленевъ:—я не люблю его, но разъ что уже Подозеровъ мужъ моей сестры, я долженъ его оберегать. Только, вотъ видите, мнѣ нельзя ѣхать: я весь пестрый.

— Пустяки, мы выпинемъ Лару сюда.

— Но знаете, я все-таки..., не хотѣлъ бы... и здѣсь ей въ этомъ видѣ предъявляться. Они, провинціалы, еще чортъ знаетъ какъ на все на это смотрять.

— Вы скажитесь больнымъ; сляжете въ постель и обвяжете голову.

— Да; вотъ развѣ въ самомъ дѣлѣ такъ, обвязать голову, это отлично.

— А то можете и обриться.

— Какая мысль! Это еще лучше! Я именно лучше обреюсь и слягу, а вы напишите сестрѣ, что я боленъ. Только какую бы мнѣ изобрѣсть болѣзнь?

— Да не все ли равно: ну, хоть геморрой.

— Геморрой?

Висленевъ сдѣлалъ гримасу.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ:— мнѣ гораздо болѣе нравятся первы.

— Геморрой, гемморой, вы потому и обречетесь отъ головной боли.

— Ну, пожалуй.

Все это такъ и исполнилось: одинъ обрилъ голову, другая написала письмо къ Ларѣ. Та получила это письмо безъ мужа и стала втуникъ: ѣхать ей, или не ѣхать въ тотъ домъ, гдѣ бываетъ Гордановъ?

Малое благоразуміе Лары сказало ей, что этого не слѣдовало бы дѣлать, и голосъ этотъ былъ до того внушите-

лень, что Лариса, не выдаясь съ Сиптяшиной и съ теткой, позвала на совѣтъ майора.

Филетеръ Ивановичъ подумаль минуту и отвѣчалъ, что и по его мнѣнію лучше не ѣздить.

— Ну, а если мой братъ очень боленъ?

— Не можетъ этого быть.

— Почему же, развѣ онъ не человѣкъ?

— Не человѣкъ-то онъ это уже положительо не человѣкъ, а кромѣ того, я вижу явную несообразность въ письмѣ: не можетъ быть никакихъ поврежденій въ томъ, чего нѣтъ.

— Я васъ не понимаю.

— Тутъ госпожа Бодростина пишетъ, что у вашего брата страшно болигъ голова, а развѣ у него была голова?

— Ахъ, вы, дядя, всегда только злословите.

— А вамъ, вѣрно, хочется ѣхать? такъ вы въ такомъ случаѣ дѣлайте, что вамъ нравится. О чемъ же спорить?

— Нѣтъ, я вовсе не хочу.

— Ну, да это потому, что я сказалъ сейчасъ, что вамъ «хочется», такъ вамъ и расхотѣлось, а если я скажу «вамъ не хочется», такъ вы опять захотите. Я не понимаю, зачѣмъ вы спрашиваете у кого-нибудь совѣта

— И дѣйствительно, лучше не спрашивать.

— Да, конечно-съ: вамъ вѣдь, чтобы давать благой совѣтъ, надо все говорить въ противную сторону. Чтобы вы не утопились, вамъ надо говорить: «утопитесь», Лариса Платоновна», а сказать вамъ: «не тошнитесь», такъ вы непременно утопитесь. Это, положимъ, штука не мудреная, говорить и такимъ образомъ ума хватить, но вѣдь для этого надо быть немножко вашимъ шутомъ или подлецомъ, въ родѣ тѣхъ, кто вамъ льститъ за вашъ рисунокъ, а мнѣ ни-что это не по плечу.

— Извините, что я васъ побезпокоила: я не знала, что и вы также требовательны, и хотите, чтобы всѣ съ вами только соглашались.

— Нѣтъ-съ, я вовсе, вовсе этого не хочу: я люблю и уважаю въ человѣкѣ его независимое мнѣніе, но когда спорять не для того, чтобы уяснить себѣ что-нибудь и стать ближе къ истинѣ, а только для того, чтобы противорѣчить,—этого я терпѣть не могу, этимъ я тягочусь и даже обижаюсь.

— Но я вамъ, впрочемъ, и не противорѣчила.

— И прекрасно, и я не буду вамъ противорѣчить, потому что все равно вы никого не слушаетесь.

Лара промолчала: ей было очень тяжело, она чувствовала, что расходится съ послѣднимъ изъ всѣхъ нѣкогда близкихъ ей людей, и все это ни за что, ни про что, за одно желаніе быть самой по себѣ.

— Что же дѣлать?— «Покориться, смириться», говоритъ ей ея внутренній голосъ. Она чувствовала, что дядя Форовъ говоритъ ей правду, она и сама понимала, что она легко могла всѣмъ надобѣть своимъ тяжелымъ, непріятнымъ характеромъ, и она даже оплакала это несчастіе и почувствовала неодолимое влеченіе похвѣть къ Бодростиной, видѣть брата и Глафиру, которая никогда не говорила съ нею сурово и всегда ею любовалась.

Въ тотъ же вечеръ Лариса сидѣла въ комнатѣ, гдѣ предъ открытымъ окномъ въ садъ помѣщался въ глубокомъ креслѣ Жозефъ, покрытый легкимъ шелковымъ шлафрокомъ, изъ отставнаго гардероба Бодростина, и въ бѣломъ ночномъ колпакѣ, позаимствованномъ оттуда же.

Жозефъ не говорилъ сестрѣ о деньгахъ, а она его о нихъ не спрашивала. Къ тому же, братъ и сестра почти не оставались наединѣ, потому что Глафира Васильевна считала своею обязанностію ласкать «бѣдную Лару». Лариса провела ночь въ смежной съ Глафирой комнатѣ и долго говорила о своемъ житиѣ, о мужѣ, о теткѣ, о Синтяиной, о своемъ неодолимомъ отъ послѣдней отвращеніи.

— Я не понимаю, что это такое, — передавала она: — я знаю, что она очень честная и добрая жена, но въ ней есть что-то такое... что я не могу тереносить.

— Въ ней слишкомъ много самоувѣренности и гордости собою.

— Нѣтъ; она ко мнѣ всегда была добра; но... я все это приписываю тому, что о ней такъ много, много мнѣ говорятъ: ну, я хуже ея, ну, я не могу быть такимъ совершенствомъ, но... не убить же мнѣ себя за это.

— Полно, Лара, ты не знаешь себѣ цѣны! — перебила Бодростина. — Ты вездѣ и всегда будешь отличена и замѣчена.

На Ларису повѣяло пріятнымъ ароматомъ этой нехитрой лести, и она начала снисходительно великодушничать, настаивая, что во всякомъ случаѣ признасть за Синтяи-

ной достоинства, но... что ей съ нею тяжело, и гораздо легче съ людьми простыми, грѣшными и отпускающими чужія прегрѣшенія.

Бодростина одобрила ея чувства, и Лара, проснувшись утромъ, почувствовала себя прекрасно; день провела весело, хотя и волновалась слегка, что не пріѣхалъ бы мужъ и не было бы ему очень неприятно, что она остается въ бодростинскомъ обществѣ. Но Глафира, замѣтивъ это, выразила готовность не удерживать Ларису, чтобъ избавить ее отъ неприятностей и перетолковъ. Лара сейчасъ же это отвергла и провела день и вечеръ съ братомъ и съ Глафирой, а ночь—исключительно съ одною послѣднею, и на второе утро почувствовала себя еще бодрѣе и веселѣе. Добраго настроенія ея духа нисколько не испортила даже откровенность Жозефа, который, наконецъ, рѣшился признаться сестрѣ, что онъ прогусарилъ ея деньгами, но только уже не оправдывался тѣмъ, что его обокрали, какъ онъ думалъ сказать прежде, а прямо открылся, что, переѣхавъ границу, куда долженъ былъ бѣжать отъ преслѣдованія за дуэль, онъ въ первомъ же городѣ попалъ на большую игру и, желая поправить трудныя обстоятельства, рискнулъ, и сначала очень много выигралъ, но увлекся, не умѣлъ вовремя забастовать и проигрался въ пухъ.

Лара не разспрашивала его, какъ и чѣмъ онъ намѣренъ жить далѣе и въ какомъ положеніи его дѣла; но Жозефъ былъ любопытнѣе и искренно подивился, что сестринъ домъ до сихъ поръ не проданъ.

— Какъ это ты извернулась?—спросилъ онъ, и получивъ въ отвѣтъ, что Подозеровъ какъ-то сдѣлался съ кредиторами, похвалилъ зятя и сказалъ, что онъ человекъ аккуратный и дѣловой и въ буржуазной честности ему отказать невозможно.

Но часъ спустя послѣ этого мнѣніе Жозефа о Подозеровѣ жестоко измѣнилось. Поводомъ къ этому послужило маленькое обстоятельство, котораго Виленевъ никакъ не ожидалъ. Дѣло заключалось въ томъ, что Глафира Васильевна, получивъ согласіе Ларисы погостить у нея еще нѣсколько дней, посылала въ городъ нарочнаго съ порученіемъ извѣстить, что Лара остается у Бодростинныхъ и что если мужъ ея пріѣдетъ въ городъ, то она проситъ его дать ей знать. Посланный засталъ Подозерова въ городѣ и воз-

вратился къ вечеру съ двумя письмами: однимъ къ Ларѣ, другимъ — къ ея брату. Въ первомъ Андрей Ивановичъ просилъ жену не беспокоиться и гостить сколько ей прогостится, а во второмъ онъ сообщалъ Жозефу, что онъ пріискалъ человѣка, который согласенъ ссудить ему на неособенно тяжкихъ условіяхъ сумму денегъ, необходимую для выкупа Ларисинаго дома, но что этотъ заимодавецъ, довѣряя деньги Подозерову подъ его личное обязательство, желаетъ только, чтобы вексель подписали два лица съ взаимною другъ за друга порукой. Подозеровъ говорилъ, что онъ находитъ неловкимъ вовлекать въ это семейное дѣло чужихъ людей, и потому обращается къ Юсафу Платоновичу съ просьбой, не угодно ли ему будетъ соблюсти требуемую заимодавцемъ формальность? «Она васъ не привлечетъ ни къ какой отвѣтственности, потому что я вѣрно расчелъ мои средства, — писалъ Подозеровъ, — но если бъ и встрѣтилась какая-нибудь неточность въ моемъ расчетѣ, то кому же ближе васъ пособить поправить это дѣло вашей сестры?»

Висленевъ, прочитавъ это письмо, вспыхнулъ и, разорвавъ листокъ въ мелкіе кусочки, воскликнулъ:

— Каковъ-съ господинъ Подозеровъ! что онъ мнѣ предлагаетъ: ручаться за него; подписывать съ нимъ вексель? Да что у насъ съ нимъ общаго, кромѣ того, что моя сестра съ нимъ вокругъ наложъ походила? Нѣтъ, это ужъ очень ловко!

Слушатели пожелали знать въ чемъ дѣло, и Жозефъ разсказалъ содержаніе письма, кое-что утаивъ и кое-что прибавивъ, но все-таки не могъ измѣнить дѣло настолько, чтобы и въ его изложеніи весь поступокъ Подозерова пересталъ быть свидѣтельствомъ заботливости о Ларисѣ, и потому въ утѣшеніе Жозефу никто не сказалъ ни одного слова, и онъ одинъ безъ поддержки разъяснилъ, что это требованіе не что иное, какъ большое нахальство, удобное лишь съ очень молодыми и неопытными людьми; но что онъ не таковъ, что у него, къ несчастію, въ подобныхъ дѣлахъ уже есть опытность, и онъ, зная что такое вексель, впередъ ни за что никакого обязательства не подпишетъ, да и признастъ всякое обязательство на себя глупостью, потому что, во-первыхъ, онъ имѣетъ болѣзненные припадки, съ которыми его нельзя посадить въ долговую тюрьму, а во-вторыхъ,

это, но его выводу, было бы то же самое, что убить курицу, которая несетъ золотыя яйца.

— Положительно такъ, это положительно такъ,—говорилъ онъ:—потому что я въ этомъ случаѣ до болѣзненности щекотливъ, и чуть я знаю, что кто-нибудь имѣетъ на меня юридическія права, я сейчасъ теряюсь, падаю духомъ и не могу ничего сочинять, и слѣдовательно и теряю шансы вознаграждать сестру. Это я и называю убить курицу, которая можетъ несть золотыя яйца.

Его оставили въ его гнѣвѣ и въ его самообожаніи. Бодростина все свое вниманіе перенесла исключительно на одну Ларису, которая видимо была смущена и равнодушіемъ мужа къ ея отсутствію, и его благородными хлопотами о ея дѣлахъ.

Глафира Васильевна все это повыспросила и, открывъ, что Ларѣ хочется быть любимою мужемъ, или, но крайней мѣрѣ, что ее мучитъ недостатокъ восторженнаго обожанія съ его стороны, пустила въ чашу ея бѣды каплю новаго остраго яда.

— *Ma chère*,—сказала она:—такова всегдашняя судьба хорошей и честной женщины. Чтò бы кто ни говорилъ, мужчины по преимуществу—порода очень завистливая: все, что имъ принадлежитъ по праву, ихъ уже не занимаетъ. Пословица очень вѣрно говорить, что «хороша та дѣвушка, которая другимъ засватана», и дѣйствительно, плохой женихъ всегда торитъ дорогу лучшему. Тутъ у господъ мужчинъ нѣтъ гордости и лучший не обижается, что ему предшествовалъ худшій.

— Это не у всѣхъ одинаково,—отвѣчала Лариса, насунивъ брови, подъ непріятными воспоминаніями, что мужъ ея былъ нечувствителенъ ни къ какимъ ея пріемамъ; но Бодростина ее опровергла.

Глафира Васильевна обстоятельно доказывала мелочность мужской природы; говорила о преимуществахъ, которыя имѣютъ надъ ними легкія женщины, потому лишь, что онѣ, маня ихъ наслажденіемъ, не даютъ имъ надъ собою никакихъ правъ и завѣдомо не принимаютъ на себя никакихъ обязанностей, и вдругъ неожиданно произнесла имя Горданова.

Лара вздрогнула при этой внезапности и, взявъ Глафиру за руку, прошептала:

— Бога ради, ни слова объ этомъ человѣкѣ.

— О, будь покойна: то, что я скажу, не составляетъ ничего важнаго: я просто припомнила въ примѣръ, что этотъ человѣкъ, повидимому, столь холодный и самообладающій, при извѣстїи о твоей свадьбѣ, сталъ такая кислая дрянъ, какъ и всѣ,—точно такъ же одурѣлъ, точно такъ же злился, корчился, не ѣлъ и не находилъ смысла въ своемъ существованїи. Онъ даже былъ глупѣе, чѣмъ другіе, и точно гусарь старинныхъ временъ проводилъ цѣлые дни въ размысленїи, какъ бы тебя похитить. Я ужъ не знаю, что можетъ быть этого пошлѣе.

Но Ларѣ эта пошлость не показалась такою пошлою, и она только прошептала:

— Зачѣмъ ты мнѣ все это говоришь?

— Затѣмъ, что я увѣрена, что въ тебѣ этотъ рассказъ только можетъ усилить твое справедливое негодованіе противъ этого злочеовѣка и укрѣпить уваженіе, какое ты питаешь къ твоему достойному мужу.

Лариса промолчала и всю ночь пугалась во снѣ похищенїя. Гордановъ ей былъ страшенъ какъ демонъ, и она даже должна была проснуться съ отчаяннымъ крикомъ, потому что видѣла себя лежащею на рукѣ Павла Николаевича и надъ собою его черные глаза и смуглый обликъ, который все разгорался и дѣлался сначала мѣднымъ, потомъ красноогненнымъ и жегъ ее, не говоря ей ни слова.

Пробужденная отъ этого тяжелаго сновидѣнїя Глафирой, Лара рассказала ей свой страшный сонъ, а та ее обладала, успокоила и сказала, что она еще ребенокъ, и ей снятся дѣтскїе сны.

Но сама Бодростина про себя помышляла, что если Лару такъ смущаетъ сновидѣнье, то какъ же должна подѣйствовать на нее приготовленная ей дѣйствительность?

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Убѣжденїя храбраго майора колеблются.

Пребыванїе Ларисы у Бодростиной не оставалось тайной ни для Катерины Астафьевны, ни для Спнтяниной, которыя, разумѣется, и разойдясь съ Ларой, не переставали ею интересоваться. Обѣихъ этихъ женщинъ новос

сближеніе Ларисы съ Глафирой поразило чрезвычайно не-пріятно. Съ тѣхъ поръ, какъ Бодростина укатила за границу, ни та, ни другая изъ названныхъ нами двухъ дамъ не имѣли о ней никакихъ обстоятельныхъ свѣдѣній; но съ возвращеніемъ Глафиры Васильевны въ свои палестины, молва быстро протрубила и про ея новую славу, и про ея полную власть надъ мужемъ, и про ея высокія добродѣтели и спиритизмъ.

Катерина Астафьевна и генеральша приняли эти вѣсти съ большимъ сомнѣніемъ: первая, толкнувъ на себѣ чепецъ и почесавъ въ сѣдыхъ волосахъ вязальнымъ пруткомъ, сказала, что «это ничего болѣе, какъ котъ посхимился», а вторая только качнула головой и улыбнулась.

Съ тѣмъ же недоумѣніемъ встрѣтили эту вѣсть и генераль, и Форовъ, явившійся на этотъ случай въ чрезвычайномъ раздраженіи.

— Тому-съ, что она забрала въ руки-съ Михаила Андреевича, я готовъ-съ вѣрить,—сказалъ генераль:—да это и не мудрено-съ, если правда, что онъ въ Петербургѣ такъ попался съ какою-то барынькой...

— А она этимъ, конечно, воспользовалась.

— А зачѣмъ бы ей не воспользоваться? — вставилъ терпящій сплетень майоръ, и сейчасъ развилъ, что Глафира Васильевна «баба ловкая и лѣвою рукой не крестится».

— Ни лѣвою, ни правою она не крестится, а это пребываніе Горданова въ милости у Бодростина, да еще и вступленіе его въ компаньонство и въ должность главноуправителя дѣлами... все это... ся штуки-съ, штуки, штуки!

— Ну, Гордановъ старику и самому нравится.

— А старушкѣ еще болѣе? Вотъ это-то и скверно-съ, что ей-то онъ нравится еще болѣе.

— Что же тутъ скверно? Я ничего не вижу сквернаго. Вещь самая естественная. Благородный англійскій лордъ и лютъ Байронъ, котораго такъ терять не можетъ ваша зупруга, удостовѣряетъ насъ, что даже:

— при темпераментѣ
Весьма холодномъ, дамы нѣтъ
Которая бѣ не промѣняла
На ротмистра здоровыхъ лѣтъ
Едва живого генерала.

Генераль обидѣлся: ему не понравилась приведенные Форовымъ стихи, и онъ, сверкнувъ своими блѣсоватыми глазами, прошигѣлъ:

— Чего моя супруга терпѣть не можетъ, то всегда и скверно, и мерзко,—и съ этимъ онъ поцѣловаль два раза кряду руку помѣшавшейся за рабочимъ столикомъ жены и, падувшись, вышелъ въ другую комнату.

Форовъ остался на жертву двумъ женщинамъ: своей женѣ и генеральшѣ, изъ которыхъ первая яростно накинулась на него за его безтактность въ только что оконченномъ разговорѣ, между тѣмъ какъ другая молчала, давая своимъ молчаніемъ согласіе на слова Катерины Астафьевны.

Майоръ храбро отбивался отъ нападокъ жены и внушалъ ей, что въ его словахъ не было никакой безтактности.

— Другое дѣло,—барабанилъ онъ:—если бъ я на слова его превосходительства, что все не терпимое Александрой Ивановной скверно или мерзко, отвѣтилъ ему, что и терпимое ею не всегда вполне превосходно, чему онъ самъ можетъ служить лучшимъ доказательствомъ, но я въѣдь этого не сказалъ.

Катерина Астафьевна поблѣднѣла, зашикала и бросилась запирать двери, за которыя удалился генераль, а Александра Ивановна, поднявъ лицо отъ работы, тихо разсмѣялась.

— Вы, Филетеръ Ивановичъ, въ своемъ родѣ совершенство,—проговорила она.

— Скажи, золь ты, что ли, на что-нибудь: чего ты это ко всемъ придираешься?—спросила Катерина Астафьевна.

— Ни на что я не золь, а ужъ очень долго бесѣдовалъ съ благороднымъ человѣкомъ.

Обѣ дамы посмотрѣли на него молча.

— Что-съ,—продолжалъ майоръ:—васъ удивляетъ, что мнѣ хорошіе люди опротивѣли? Истинно, истинно говорю такъ-съ, и потому я чувствую желаніе заступаться и за добрую барыню Глафиру Васильевну, и за господина Горданова. Да что, въ самомъ дѣлѣ, эти, по крайней мѣрѣ, не дремлютъ, а мы сидимъ.

— Кто жъ тебѣ не велитъ идти на службу: ты еще здоровъ и можешь служить, чтобъ у жены были крѣпкіе башмаки,—вмѣшалась Форова.

— Не въ томъ дѣло-сь, моя почтенная, не въ томъ.

— А въ чемъ же?

— А хоть бы въ томъ, напримѣръ, что нѣкоторыя убѣжденія мои начинаютъ летѣть «кувыркомъ», какъ въ нѣкоторомъ родѣ честь изображаемой нынѣ на театрахъ Прекрасной Алены.

— Ну да: твои убѣжденія! какія тамъ у тебя убѣжденія?

Майоръ не обидѣлся, но попросилъ такъ не говорить и старался внушить, что у него есть или, по крайней мѣрѣ, были убѣжденія и даже очень послѣдовательныя, во главѣ которыхъ, напримѣръ, стояло убѣжденіе, что родъ людской хоть понемножечку все умнѣетъ, тогда какъ онъ глупѣетъ. Майоръ разсказалъ, что ихъ зовутъ на судъ за дуэль, и что Андрей Ивановичъ Подозеровъ ни болѣе, ни менѣе какъ желаетъ, чтобы, при слѣдствіи о дуэли его съ Гордановымъ, не выдавать этого негодяя съ его предательствомъ и оставить все это втуне.

— Такъ, дескать, была дуэль, да и только.

— Что же это за фантазія еще?

— А вотъ извольте спросить, а я это понимаю: досто-почтенная племянница моей жены, Лариса Платоновна, пребывая у господъ Бодростиныхъ, имѣла свиданіе съ господиномъ Гордановымъ...

— Ты врешь!—прибавила майорша.

— Ничего я не вру-сь, она имѣла съ господиномъ Гордановымъ свиданіе и объясненіе; она убѣдилась во всей его предъ всѣми правотѣ и невинности; была тронута его великодушіемъ...

— Ты врешь, Форовъ!

— Да, фу, чортъ возьми совсѣмъ: не вру я, а правду говорю! Она была всѣмъ, всѣмъ тронута, потому что я иначе не могу себѣ объяснить письма, которое она прислала своему мужу съ радостною вѣстью, что Гордановъ оказался вовсе ни въ чемъ предъ ней невиноватымъ, а у Подозерова просить извиненія и не хочетъ поддерживать того обвиненія, что будто мы въ него стрѣляли предательски.

— Она съ ума сошла!

— Нѣтъ-сь, не сошла, а это совсѣмъ другое: эта дама желаетъ имѣть своего Адама, который плясалъ бы но ея дудкѣ, и вотъ второе мое убѣжденіе полетѣло кувыркомъ: я былъ убѣжденъ, что у женщины възаправду идетъ дѣло о

серьезности ихъ положенія, а имъ нужна только лесть, чему-нибудь, это все равно: ихъ уму, или красотѣ, или добродѣтели, умѣнью солить огурцы, или «работать надъ Боклемъ». Лишь бы лесть, и отнынѣ я убѣжденъ, что, ловко лстя добродѣтели женщины, легко можно овладѣть добродѣтелью самой добродѣтельнѣйшей. Я даже имѣю одинъ такой примѣръ.

— Далѣе?

— А далѣе то, что я былъ убѣжденъ въ расширеніи чувства строгой справедливости въ человѣчествѣ и разубѣдился и въ этомъ: я вижу, что теперь просто какое-то царство негодяевъ, ибо ихъ считаютъ своею обязанностью щадить тѣ самые черные люди, которыхъ тѣ топятъ. Господинъ Подозеровъ не моего романа, но я его всегда считалъ отличнымъ буржуа, и вдругъ этотъ буржуа становится на рыцарскія ходули и вѣщаетъ мнѣ, что онъ ни одного слова не скажетъ противъ Горданова, что онъ *не можетъ* позволить ему превзойти себя въ великодушіи; что онъ не можетъ заставить себя стоять на одной доскѣ съ этимъ... прощелыгой; что онъ мститъ ему тѣмъ, что его презираетъ-съ.

— Однимъ словомъ, цѣлая комедія: одинъ великодушнѣе другого, а другой великодушнѣе одного.

— Если презрѣніе есть великодушіе, то будь по-твоему; но тутъ нѣтъ мѣста никакому великодушію, тутъ именно одно презрѣніе и гордость, сатанински воспріянувшая при одномъ сближеніи, которое его жена сдѣлала между нимъ и Гордановымъ. Я васъ, милостивыя государыни, предупреждаю, что дѣло кончено! Понимаете-съ; я говорю не о дѣлѣ съ дуэлью, которое теперь кончится, разумѣется, вздоромъ, а о дѣлѣ брака Ларисы Платоновны. Онъ конченъ, пошабаненъ и крестъ на немъ водруженъ.

Обѣ дамы остро смотрѣли на майора, подъ грубыми словами котораго давно слышали огорчившую его тяжелую драму.

Филетеръ Ивановичъ постоялъ, отворотясь, у окна и, съ большими хитростями стянувъ на усы слезу, быстрымъ движеніемъ обтеръ рукавомъ щеку и, оборотясь къ женѣ, проговорилъ мягкимъ, сострадательнымъ голосомъ:

— Да, мой другъ Лара,—это кончено.

— Развѣ онъ тебѣ это сказалъ?

— Пѣтъ, не сказалъ. Это-то и скверно. Я не вѣрю тѣмъ, кто говоритъ, что онъ разстанется: эти разводятся и сводятся, какъ петербургскіе мосты, но кто молча это задумалъ, какъ Подозеровъ, тотъ это сдѣлаеть крѣпко.

— Ты, Форъ, вѣдь можешь ошибаться?

— Нѣ-ѣтъ; пѣтъ, я не ошибаюсь! Онъ это рѣшилъ.

— Этому надо помочь; это надо уладить.

— Этому невозможно помочь.

— Онъ долженъ же пожалѣть самого себя, если не ес.

— Нѣтъ, онъ себя не пожалѣетъ.

— Разбитая жизнь...

— Чтѣ ему разбитая жизнь? Пусть возьметъ меня господинъ чортъ, если я не видѣлъ, какъ въ его глазахъ сверкнулъ Испанскій Дворянинъ, когда пришлось сблизить имя Горданова съ именемъ его жены! Нѣтъ, ей нѣтъ теперь спасенья. Этотъ бракъ расторгнуть—и четвертое мое убѣжденіе «кувыркомъ»! Я видѣлъ, какъ этотъ кроткій пейзажъ прорѣяло тихою молоньей, и убѣдился, что испанскіе дворяне — народъ страшный и прекрасный, а вслѣдъ затѣмъ «кувыркомъ» пошло пятое убѣжденіе, что свободу женщинъ соорудить не ораторы этого слова, а такія благодатныя натуры, какъ мой поцъ Евангелъ, который плакалъ съ своею женой, что она влюблена, да совѣтовалъ ей отъ него убѣжать. А за этимъ шестое: я разубѣдился, чтобы могли заставить серьезно относиться къ себѣ женщинъ моралисты и эмансипаторы; нѣтъ, это опять-таки тѣ же испанскіе дворяне сдѣлають. Наконецъ, если вамъ угодно, я получилъ новое убѣжденіе. Я убѣдился, что и эту силу испанскаго дворянства создала тоже женщина, то-есть высокій, высокій идеаль женщины, при которомъ всѣ низшія комбинаціи безсильны ни восторгать, ни огорчать. Глядя на этого Подозерова, съ какимъ онъ достоинствомъ встрѣтилъ нанесенное ему оскорбленіе, и какъ гордо, спокойно и высоко сталъ надъ нимъ, я понялъ, что идеаль есть величайшая сила, что искренній идеаль непобѣдимъ и что я всю жизнь мою заблуждался и говорилъ вздоръ, ибо я самъ есмь пламеннѣйшій идеалистъ, скрывшійся подъ чужою кличкой. Да-съ; этакія перетурбаціи надъ собою, милостивыя государыни, перенести не легко, а я ихъ только что перенесъ, и вотъ я почему золъ.

И майоръ замолчалъ. Ему никто не отвѣчалъ: жена его

сидѣла глядя на генеральшу, а та скоро и скоро метала иглой, стараясь опахнуть рукой свое зардѣвшееся лицо. Внутреннее волненіе, которое ощущали обѣ эти женщины, отняло у нихъ охоту къ слову; но зато онѣ въ это время обѣ безъ рѣчей понимали, *въ комъ* эта сила, обезсиливающая всѣ низшія комбинаціи въ человѣкѣ, для котораго любовь не одно лишь обладанье, а неодолимая тяга къ постиженію высшаго счастья въ соревнованіи существу, пась превышающему въ своей силѣ правды, добра и самоотверженія.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Чего достигъ Ропшинъ.

Лариса, пробывъ четыре дня у Бодростиной и притомъ оскорбясь на то, что она здѣсь гостила въ то самое время, когда мужъ ея былъ въ городѣ, не могла придумать, какъ ей возвратиться съ наибольшимъ сохраненіемъ своего достоинства, сильно страдавшаго, по ея мнѣнію, отъ той невозмутимости, съ которою мужъ отнесся къ ея отсутствію. Наблюдательное око Глафиры это видѣло и предусматривало все, чѣмъ можно воспользоваться изъ этого недобольства.

Глафирѣ, стоявшей уже на самомъ рубежѣ исполненія ея давняго замысла — убить мужа и овладѣть его состояніемъ, была очень невыгодна молва, что между нею и Гордановымъ есть какой-либо остатокъ привязанности. Гордановъ же былъ ей, конечно, необходимъ, потому что, кромѣ него, она ни на кого не могла положиться въ этомъ трудномъ дѣлѣ, за которое, не желая ничѣмъ рисковать, сама взялась не хотѣла, точно такъ же, какъ не намѣренъ былъ подвергать себя непосредственному риску и Гордановъ, предоставившій къ завершенію всего плана омраченнаго Жозефа. Но Жозефъ безъ Горданова то же, что тѣло безъ души, а Гордановъ, подозрѣваемый въ сердечной интимности съ Глафирой, опять неудобецъ и опасенъ. Всякая неловкость съ его стороны ее компрометировала бы, а его неудача прямо выдала бы ее. Глафира никогда не упускала этого изъ вида и потому ревностно заботилась о такъ-называемыхъ «ширмахъ». Замѣтивъ, что Лара въ дѣвушкахъ начала серьезно правиться Горданову, Бодростина испуга-

лась, чтобы Павелъ Пиколасвичъ какъ-нибудь не женился и тогда, съ утратой выгодъ отъ вдовства Глафиры, не охладѣлъ бы къ «общему дѣлу»; но теперь замужня Лариса была такими прелестными ширмами, разставить которыя между собою и своимъ браво Глафира желала и даже считала необходимымъ, особенно теперь, когда она, впала въ новое безпокойство отъ изъясненнаго Михаиломъ Андреевичемъ намѣренія передать ей все состояніе по новому духовному завѣщанію, въ отмѣну того, которое нѣкогда сожгла Глафира передъ глазами Ропшина, подмѣнивъ фальшивымъ. Теперь было ровно не за что убивать Михаила Андреевича, и между тѣмъ теперь-то и настала необходимость его убить, и эта необходимость росла и увеличивалась ежесекундно. Чѣмъ старикъ рѣшительнѣе говорилъ съ Ропшинымъ о своемъ намѣреніи немедленно взять прежде отданное завѣщаніе, тѣмъ гибель его становилась ближе и неотвратимѣе. Это призналъ даже самъ Ропшинъ, изнемогавшій отъ страха при мысли о томъ, что произойдетъ, когда налетъ будетъ взятъ и Бодростинъ увидитъ, какъ онъ былъ предательски и коварно обмануть.

— Тогда всѣ мы погибнемъ, — говорилъ онъ Глафирѣ, только что сообщивъ предъ этимъ, что уже написано новое завѣщаніе и что Михаилъ Андреевичъ хочетъ немедленно замѣнить имъ то, которое хранится въ Москвѣ.

Бодростинной настала новая забота успокоивать Ропшина, что въ эту пору уже было далеко не такъ легко, какъ во время оно, потому что теперь Ропшинъ страшился не того, что его прогонять съ мѣста, а ему грозила серьезная опасность повозить тачку въ Нерчинскихъ рудникахъ. Правда, Глафина въ тайной аудіенціи клялась ему, что, въ случаѣ несчастія, она все возьметъ на себя, но онъ видимо мало вѣрилъ ея клятвамъ и плохо ими успокоивался. Непреступной Глафирѣ Васильевнѣ оставалось одно: опохмѣть его, какъ дурманомъ, страстію и усынить его тревоги; но... Глафира не могла принудить себя идти съ этимъ человѣкомъ далѣе кокетства, а этого уже было мало. Ропшинъ сталъ для нея самымъ опаснымъ изъ предавшихъ ей людей: она замирала отъ страха, что онъ въ одну прелестную минуту кинется въ ноги ея мужу и во всемъ повинится, такъ какъ въ этомъ Ропшинъ имѣлъ слабую надежду на пренебрежительное прощеніе со стороны Бодростина. Зная барскія за-

машки Михаила Андреевича, лойяльный юноша уповалъ, что Бодростинъ плюнетъ ему въ лицо, выгнать его вонъ, можетъ-быть дастъ сторяча пинка ногой, и все это будетъ одинъ на одинъ и тѣмъ и кончится, хотя, разумѣется, кончится далеко не такъ, какъ нѣкогда мечталъ этотъ чухонецъ, тоже возлелѣявшій въ себѣ надежду обладать и роскошною вдовой, и ея милліонами.

Ропшинъ предавался этимъ мечтамъ не такъ, какъ Гордановъ или Висленевъ: онъ думалъ свою думу безъ шума и, однако, тѣмъ не менѣе не только надѣялся, но даже имѣлъ нѣкоторыя основанія думать, что его расчетъ повѣрше и пообстоятельнѣе, чѣмъ у обоихъ другихъ претендентовъ, цѣну которыхъ во мнѣніи Бодростиной онъ понималъ прекрасно. Внезапная смерть въ Москвѣ Кюлевейна тоже не прошла у Ропшина безъ примѣчанія: онъ заподозрилъ, что это неспроста случилось, и получилъ еще новое понятіе о Гордановѣ и о Висленевѣ, да усмотрѣлъ кое-что и въ Глафирѣ, наружная строгость и спиритизмъ которой было поставили его на нѣкоторое время въ сильное затрудненіе, но онъ вскорѣ же замѣтилъ, что все это вздоръ и что Глафира только рядится въ благочестіе. Страсть его разгоралась. Глядя на Глафиру съ робкимъ замираніемъ сердца днемъ, онъ не освобождался отъ своего томленія ночью и думалъ о томъ блаженномъ часѣ, когда онъ, ничтожная «ревельская килька», какъ называлъ его Бодростинъ, считавшій для него высокою даже любовь жениной горничной, завладѣетъ самою его женой и ея состояніемъ.

Ропшинъ зналъ, что онъ можетъ посягать на такое завладѣніе и, укрѣпляясь въ этой мысли, сталъ наконецъ въ ней такъ твердъ, что Глафира начала ощущать сильное безпокойство по поводу его притязаній, пренебречь которыми обстоятельства ей рѣшительно не позволили.

Насталъ наконецъ день новаго и неожиданнаго для нея униженія, которое сначала носилось въ видѣ предчувствія необходимости ухаживать за Ропшинымъ и наконецъ явилось въ формѣ явнаго сознанія необходимости угождать ему. Приходилось идти нѣсколько далѣе, чѣмъ думалось...

Безстрашную Глафиру объялъ нѣкоторый страхъ и въ ней заговорило чувство гордости, которое надо было какъ-нибудь успокоить, а успокоенія этого не въ чемъ было искать.

Генрихъ Ивановичъ, въ одну изъ уединенныхъ прогулокъ Глафиры по парку, предсталъ ей неожиданно и, поговоривъ съ ней о своихъ постоянныхъ теперешнихъ опасеніяхъ, прямо сказалъ, что онъ поставленъ ею въ затруднительнѣйшее положеніе ни за что и ни про что: между тѣмъ какъ и Висленевъ, и Гордановъ гораздо болѣе его пользуются и ея сообществомъ, и ея вниманіемъ.

— Бѣдное дитя, вы ревнуете?— молвила никакъ не ожидавшая такой откровенности Глафира.

— Признаюсь вамъ, Глафира Васильевна, что какъ я ни ничтоженъ, но и у меня есть сердце, и я... я васъ люблю,— рѣшился отвѣтить Ропшинъ.

У Глафиры слегка сжало сердце, какъ будто при внезапномъ колебаніи палубы на суднѣ, которое до сихъ поръ шло не качаясь, хотя по разгуливающемуся вѣтру и давно уже можно было ожидать качки. Она поняла, что теперь ей, чтобы не сдѣлать и не сдать себя ничтожному секретарю, котораго она должна была бояться, остается только одно: проводить его какъ-нибудь до тѣхъ поръ, пока смерть Кюлевейна немножко позабудется, и тогда Гордановъ научить и натравить Висленева покончить съ ея мужемъ. А до тѣхъ поръ... до тѣхъ поръ надо лавировать и дѣлать посильныя уступки Ропшину, ограждаясь лишь отъ уступокъ самыхъ крайнихъ, которыя возмущали ее какъ женщину. Она вѣрила въ свой умъ и надѣялась спустить съ рукъ это затрудненіе, пройдя его на компромиссахъ, которые, по ея соображеніямъ, должны были ей удаваться, а тамъ наступитъ и желанная развязка съ Бодростинимъ, и тогда можно будетъ выпроводить Ропшина за двери вѣствъ и съ Гордановымъ, и съ невиннѣйшимъ Висленевымъ.

Послѣдній и его сестра и понадобились Глафирѣ въ минуту соображеній, промелькнувшихъ у нея по случаю выраженной Ропшинимъ ревности. Глафира нашла удобнымъ построить на нихъ комбинацію, которая должна спутать Ропшина и провести его.

Выслушавъ его пени, она сказала:

— Вотъ вы какой ревнивецъ! Въ нашъ вѣкъ у насъ въ Россіи это рѣдкость.

— Я не русскій,— отвѣчалъ со смиреніемъ Ропшинъ.

— Это очень оригинально! мнѣ это нравится, что вы меня ревнуете, и хотя женщины, какъ я, привыкшія къ

полной свободѣ своихъ дѣйствій, считаютъ это неудобнымъ стѣсненіемъ, но *chacun a son caprice*, и я вамъ позволяю меня немножко ревновать.

— Я бы смѣлъ просить у васъ позволить мнѣ имѣть немножко права на нѣчто другое.

Глафира остановилась.

— То-есть что же это за просьба?—произнесла она своимъ густымъ контральто, съ отзвукомъ легкаго смѣха.

— Я просилъ бы позволить мнѣ быть немножко болѣе увѣреннымъ...

— Вѣра никогда не мѣшается.

— Но трудно вѣрить, когда... нѣтъ спокойствія... нѣтъ ничего, что бы въ моемъ теперешнемъ положеніи хоть немножко ясно обозначалось. Повѣрьте, Глафира Васильевна, что я иногда переживаю такіа минуты, что... готовъ не знаю что съ собой сдѣлать.

— *Vous me troublez!*

И Глафира закинула голову, при чемъ по прекрасному лицу ея легъ красноватый оттѣнокъ заходящаго солнца.

— Я не знаю, насколько это васъ беспокоитъ,—отвѣчалъ Рошшинъ:—но... зачѣмъ вы меня такъ мучаете?

— Я! Васъ? Чѣмъ?

Глафира покраснѣла и независимо отъ солнца, но тотчасъ взяла другой тонъ и, возвысивъ голосъ, сказала:

— *O-o! mon cher ami, c'est une chose insupportable*, вы мнѣ все твердите я да я, какъ-будто все дѣло только въ однихъ васъ!

И съ этимъ она, кивнувъ головой, описала на землѣ кругъ хвостомъ своего шумящаго платья, и быстрымъ шагомъ тронулась впередъ.

Рошшинъ сробѣлъ, и ему она сугубо нравилась въ этой дерзости, и онъ, оставшись одинъ посреди дорожки, думалъ: «Терпѣніе, а потомъ справимся».

И онъ въ этотъ вечеръ все мечталъ о русской жепчинѣ, и находилъ въ ней особенныя достоинства, особый шикъ, что-то еще полудикое и въ то же время мягкое, что-то такое, отъ чего припоминается и степь съ ковылемъ-травой, и златогривый конь русской сказки, и змѣя на солнцѣ.

Рошшинъ былъ въ поэтическомъ восторгѣ и, неожиданно посѣтивъ Висленева, отобралъ у него взятыя тѣмъ изъ би-

бліотеки сочиненія Пушкина и долго ходилъ по своей комнатѣ, тихо скандуя переложеніе сербской пѣсни: «Не косись пугливымъ окомъ; ногъ на воздухъ не мечи; въ полѣ гладкомъ и широкомъ своенравно не скачи».

Поздно онъ уже погасилъ свѣчу, подошелъ къ открытому окну въ садъ, надъ которымъ сверху стояла луна, и еще повторилъ особенно ему понравившуюся строфу: «Въ мѣрный кругъ твой бѣгъ направлю укороченной уздой».

Съ этимъ онъ юркнулъ въ постель, подъ свою шерстяговую простыню, и рѣшилъ, что онъ велъ себя хорошо, что за симъ онъ пойдетъ еще смѣлѣе и въ концѣ концовъ все будетъ прекрасно.

Въ то время, какъ Ропшинъ уже былъ въ полуснѣ, и притомъ въ пріятнѣйшемъ полуснѣ, потому что ожившія его надежды дали ослабу томившей его страсти, онъ почувствовалъ, что его запертая дверь слегка колыхнется, и кто-то зоветъ его по имени.

Онъ вскочилъ, повернулъ ключъ и увидѣлъ предъ собою гордо относившуюся къ нему горничную Глафиры, которая прошептала ему:

— Сойдите тихо... барыня ждетъ васъ на балконѣ.

И съ этимъ скрылась, негодуя на его дезабилье, которое Ропшинъ привелъ въ порядокъ живою рукой, и какъ легкій мячъ неслышно скатился со второго этажа внизъ, прошелъ рядъ комнатъ и ступилъ на балконъ, на которомъ сидѣла закутанная въ большой черный кашмировый платокъ Глафира.

Она была замѣчательно неспокойна и при появленіи Ропшина окинула его тревожнымъ взглядомъ. Глафира уже чувствовала полный страхъ предъ этимъ человѣкомъ, а по развившейся въ ней крайней подозрительности не могла успокоить себя, что онъ не пойдетъ съ отчаянья и не начнетъ какъ-нибудь поправлять свое положеніе полною откровенностью предъ ея мужемъ.

— Послушайте, — сказала она, успокоенная веселымъ и счастливымъ выраженіемъ лица, которое имѣлъ предъставившій ей Ропшинъ: — вотъ въ чемъ дѣло: я гораздо скрытнѣе, чѣмъ вы думаете; но вы сегодня коснулись одной очень больной, очень больной моей струны... Мой мужъ, какъ вамъ извѣстно, имѣетъ слабость все прощать Горданову и вѣрить въ него.

— Да; это большая слабость.

— Но я, терпя это, никогда не думала, чтобы люди и, тѣмъ болѣе вы, вѣрили, что для меня что-нибудь значить этотъ негодяй, которому, можетъ-быть, даже хочется показать, что онъ что-нибудь для меня значить.

— Это очень можетъ быть.

— Такъ помогите же мнѣ нарядить его въ дурацкій колпакъ.

— Съ удовольствіемъ, все, что могу...

— Я выпишу сюда сестру Висленева, Ларису...

— Это прекрасно.

— Да; тогда всё увидятъ, за кѣмъ онъ гнался здѣсь и за кѣмъ гонится. Избави меня Богъ отъ такой чести!

— Это превосходная мысль,—одобрилъ Ропшинъ:—но не помѣшалъ бы господинъ Висленевъ...

— Ахъ, полноте, пожалуйста: развѣ этотъ шутъ можетъ чему-нибудь мѣшать! Онъ можетъ только быть полезенъ... Но помогайте и вы,—прибавила Глафира, протягивая руку.

Ропшинъ съ жаромъ коснулся ея губами.

Глафира отвѣчала тихимъ пожатіемъ и, удаляясь, таинственно проговорила:

— Тогда будетъ гораздо свободнѣе.

— О-о, вы!—началь было Ропшинъ, но, не находя болѣе словъ, только еще разъ чмокнулъ Глафирину руку и уснулъ на зарѣ, при воспоминаніи о шелестѣ ея платья, шелканьѣ каблучковъ ея туфель и при мечтѣ о томъ, что принесетъ съ собою то время, когда, по словамъ Глафиры, «будетъ свободнѣе».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

За ширмами.

Бодростиной не стоило особаго труда вызвать Ларису на новыя бесѣды о Гордановѣ. Подъ живымъ впечатлѣніемъ своихъ сновъ и мечтаній о старомодномъ намѣреніи Горданова увезть ее, Лара часто склонялась къ тайнымъ думамъ о томъ, какъ же это онъ могъ бы ее увезть?

«Гдѣ же это онъ меня думалъ скрыть — въ стени, на башнѣ или въ подземельѣ?.. И это послѣ тѣхъ наглостей и того нахальства?.. Неужто онъ еще смѣетъ думать, что я стала бы съ нимъ говорить и могла бы его простить и даже забыть для него мой долгъ моему честному мужу?..»

Лара даже покраснѣла, сколько отъ негодованія и гнѣва, столько же и отъ досады, что никакъ не могла представить себя похищаемою, и сама искала случая молвить Бодрустиной, что ее безмѣрно удвѣляетъ гордановская наглость.

Наконецъ это ей удалось: представился случай, и Лара весьма кстати высказала, насколько она изумлена переданнымъ ей слухомъ о Гордановѣ,—вообще весьма нелѣпымъ во всякое время, но уже превосходящимъ все на свѣтѣ, если принять во вниманіе наглое письмо, какое онъ прислалъ ей изъ Москвы.

Глафира по поводу этого письма выразила изумленіе, а когда Лара рассказала ей въ чемъ дѣло, она позволила себѣ считать это невѣроятнымъ, страннымъ и даже просто невозможнымъ.

— Я, къ сожалѣнію, очень хорошо знаю Горданова,—сказала она:—и знаю все, что онъ способенъ сдѣлать: онъ можетъ убить, отравить, но писать такія письма... нѣтъ; и не могу этому вѣрить.

— Но это такъ было!

— Здѣсь должна быть какаи-нибудь ошибка.

Лариса въ самомъ дѣлѣ стала находить, что здѣсь было бы очень умѣстно предполагать ошибку, потому что можно ли, чтобъ ей, такой красавицѣ, было оказано такое пренебреженіе?..

Соглашаясь съ Глафирой Ларисѣ было тѣмъ пріятнѣе, что согласіе это было въ противорѣчій съ мнѣніемъ, сложившимся о Гордановѣ въ обществѣ людей, родныхъ ей по крови или преданныхъ по чувству, а это и было то, что требовалось ея натурой. Сугки Лара укрѣплялась въ этомъ убѣжденіи, а къ концу этихъ сутокъ и всякій слѣдъ сомнѣнія въ виновности Горданова исчезъ въ душѣ ея. Поводомъ къ этому было письмо Павла Николаевича, принесенное Ларѣ въ конвертикѣ, надписанномъ рукой ея брата. Письмо было утонченно-вѣжливое и грустное. Гордановъ начиналъ съ того, что онъ находится въ совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ для его чести и потому просить, какъ милосердія, прочесть его строки. Потомъ онъ передавалъ, что до его свѣдѣнія дошелъ ужасный слухъ о письмѣ, полученномъ Ларой. Этой случайности онъ придалъ ужасающее значеніе и едва въ силахъ былъ ее

пзъяснить однимъ намекомъ, такъ какъ распрострапляться объ этомъ ему не позволяетъ скромность. По намекамъ же дѣло въ томъ, что то письмо, которое понало въ руки Лары, назначено было для другой женщины, между тѣмъ какъ письмо, писанное къ Ларѣ, получено тою.

Кто эта женщина, очевидно страшно докучавшая собой Горданову? — это такъ заняло Лару, что она не положила никакого заключенія о томъ, насколько вѣроятно объясненіе Горданова. Предъявивъ вечеромъ письмо, какъ удивительную вещь, Глафирѣ, Лариса прямо потребовала ея мнѣнія: кого бы могъ касаться гордановскій намекъ. У Лары достало духа выразить свое подозрѣніе, не касается ли это Синтяниной.

Глафира сначала подумала, потомъ пожала плечами и улыбнулась.

Лариса продолжала провѣрять эти подозрѣнія; приводила недавно слышанныя ею слова Форова о женщинахъ крѣпкихъ и молчаливыхъ, но кусающихся, и, причисляя Синтянину къ этой категоріи, нашла много подозрѣній, что это непременно она была втихомолку ея соперницей въ любви Горданова.

Подозрѣнія Лары перешли въ увѣренность, когда ей, подъ большою, конечно, клятвой, была показана Глафирой фотографія, изображающая генеральшу вмѣстѣ съ Гордановымъ. Ей было страшно и гадко, глядя на это изображеніе; она видѣла его и ему не довѣрляла, но это не мѣшало ей чаще и чаще размышлять о Гордановѣ. А между тѣмъ Гордановъ, получавшій обо всемъ этомъ добрыя свѣдѣнія отъ Глафиры, просилъ Жозефа пособить ему оправдаться предъ его сестрой и сказалъ, что онъ ждетъ отъ нея отвѣта на его письмо.

Жозефъ передалъ это Ларѣ и, узнавъ отъ нея, что она не намѣрена отвѣчать Горданову, сообщилъ объ этомъ сему послѣднему, съ добавленіемъ, что, по его мнѣнію, Горданову было бы необходимо лично видѣться и объясниться съ Ларисой.

— О, я бы дорого за это далъ,—отвѣчалъ Гордановъ.

— А сколько именно?—весело спросилъ Висленевъ.

— Очень дорого.

— Да говори, говори сколько? я, можетъ-быть, что-нибудь бы придумалъ. Дашь пятьсотъ рублей?

— Больше дамъ.

— Тысячу?

— Больше.

Висленевъ смутился, покраснѣлъ и отвѣчалъ:

— Ты врешь.

— Нимало: я говорю истинную правду. Я не пожалѣю цѣлой крупной статьи на то, чтобъ имѣть случай лично оправдаться предъ твоею сестрой.

— О какой ты говоришь статьѣ?

— О твоёмъ мнѣ долгѣ въ тысячу восемьсотъ рублей.

Висленевъ покраснѣлъ еще болѣе и, смѣшавшись, произнесъ, что ему показалось, будто Гордановъ написалъ какую-нибудь статью.

— Ну, вотъ еще вздоръ, стану я статью писать, — отвѣтилъ Гордановъ: — я цѣню только дѣйствительныя цѣнности.

— А у тебя моя расписка развѣ цѣла?

— Да какъ же иначе.

— А я, право, про нее было совсѣмъ и позабылъ, потому что уже это давно...

— Да, я жду долго.

Висленевъ хотѣлъ было сказать, что и самый долгъ-то этотъ чортъ знаетъ какого происхожденія, да и расписка писана вдвое, но, подумавъ, нашель это и неблагороднымъ, и бесполезнымъ, и потому, вздохнувъ, молвилъ:

— Хорошо, пріѣзжай ко мнѣ послѣзавтра, я тебѣ устрою свиданіе съ сестрой.

— Спасибо.

— Только ужъ прихвати съ собой и расписку.

— Ладно.

— Да, пожалуйста... потому что я про нее позабылъ, а я хочу все покончить, чтобъ у меня ни съ кѣмъ никакихъ счетовъ не было.

— Гуть, гуть, — шутилъ, прощаясь, Гордановъ.

— То-то; пожалуйста привези ее, а то я теперь, вспоминая про нее, буду неспокоенъ.

— Будь увѣренъ.

— Да ты ужъ лучше того... если хочешь, пріѣзжай завтра.

— Пожалуй.

— Да, гораздо лучше завтра, а то... у меня такой про-

клятый характер, что я терпѣть не могу знать, что я долженъ, а между тѣмъ я всякій день убѣждаюсь, что мнѣ просто нѣтъ средствъ знать, кому я не долженъ.

— Да, ты-таки позапутался,—сказалъ Гордановъ:—вотъ и по конторскимъ бодростинскимъ счетамъ я встрѣтилъ—за тобою значатся частенькія записи.

— Значатся?

— Да.

— Это чортъ знаетъ что! И какія тамъ могутъ быть записи? все мелочь какая-нибудь: на квартиру въ Парижѣ, или на карманный расходъ,—на обувь, да на пару платья, а то ужъ я себѣ вѣдь ровно ничего лишняго не позволяю. Развѣ вотъ недавно вальдегановскія щеточки и жидкость выписалъ, такъ вѣдь это же такіе пустяки: всего на десять съ чѣмъ-то рублей. Или тамъ что на дорогѣ для меня Глафира Васильевна издержала и то записано?

— Нѣтъ, этого не записано.

— То-то, потому что...—Висленевъ чуть не проговорился, что онъ путешествовалъ въ качествѣ метрдотеля, но спохватился и добавилъ:—потому что это тогда было бы ужасно.

— А главное гадко, что ты все это какъ-то берешь часто, по мелочамъ и все черезъ женщинъ. Это тебѣ ужасно вредить.

— Охъ, да не говори же этого, Бога ради!—воскликнулъ Жозефъ:—все это я самъ отлично знаю, но не могу я занимать крупными кущами... Я и самъ бы очень радъ брать тысячами, но у меня таланта на это нѣтъ, а что касается того, что я все беру черезъ женщинъ, то вѣдь это случайность. Больше ничего какъ случайность: мужчины не даютъ, — женщины въ этомъ случаѣ гораздо добрѣе, и потому, я признаюсь тебѣ, что я никогда не думалъ, чтобы Глафира Васильевна передала мои записочки въ контору. Ты ей это не говори, но по-моему съ ея стороны не совсѣмъ хороша такая мелочность... Пустые десятки или сотни рублей и ихъ записывать!.. Не хорошо.

— Другъ любезный, изъ мелочей составляются неоплатные долги.

— Ну, вотъ ужъ и неоплатные!

— А какъ ты думаешь, сколько ты долженъ Бодростинымъ?

— Рублей тысячу.

— Нѣтъ, болѣе четырехъ.

— Тыфу, чортъ возьми! Это она на меня приписала, ей-Богу приписала.

— А ты для чего же не считаешь, а потомъ удивляешься? Тамъ твои расписки есть.

— Что же, мой дорогой Паша, считать, когда все равно... Нѣтъ притоковъ, да и полно.

Висленевъ, вскочивъ съ мѣста и швырнувъ перышко, которымъ ковырялъ въ зубахъ,—воскликнулъ съ досадою:

— Собою бы, кажется, пожертвовалъ, чтобы со всѣми расплатиться. Придетъ время, увидишь, что я честно расплачусь и съ тобой, и съ Бодростиными, и со всѣми, со всѣми.

Онъ даже пообѣщалъ, что и Кишенскому, и женѣ своей онъ со временемъ заплатитъ.

— Вотъ съ тобою, — высчитывалъ онъ: — я уже сдѣлаюсь, съ Бодростинымъ тоже сдѣлаюсь.

— Надо сдѣлываться съ Бодростиною, а не съ Бодростинымъ,—перебилъ его Гордановъ.

Висленевъ не понялъ и переспросилъ.

— Надо просто прикончить старика, да и квитъ, а потомъ женись на его вдовѣ и владѣй и ею самою, и состояниемъ.

Висленевъ поморщился.

— Что? она тебя любитъ.

— Страшно,—прошенталъ онъ.

— Чего же?

— Такъ, знаешь... убивать-то... нѣтъ привычки.

— Хвастаешься, что свободенъ отъ предразсудковъ, а мѣшокъ съ костями развязать боишься.

— Да, братъ, говори-ка ты... «мѣшокъ съ костями». Нѣтъ, оно, ей-Богу, страшно.

Висленевъ задумался.

— Волка бояться и въ лѣсъ не ходить,—проповѣдывалъ ему Гордановъ.

— Да, вѣдь хорошо не бояться, Поль, но чортъ его знаетъ почему, а всѣ преступленія имѣютъ почему-то свойство обнаруживаться.

— Кровь, что ли, завопіетъ? — засмѣялся Гордановъ, и сталъ язвительно разбирать ходячее мнѣніе о голосѣ крови и о томъ, что будто бы всѣ преступленія рано или поздно открываются. Онъ говорилъ доказательно и съ усмѣхомъ

убѣдилъ Жозефа, что цѣлыя массы преступленій остаются неоткрытыми, и что они и должны такъ оставаться, если дѣлаются съ умомъ и съ расчетомъ, а главное, безъ сентиментальничанья, чему и привелъ въ доказательство недавнюю смерть Кюлевейна.

Это Жозефа ободрило, и онъ заснорилъ только противъ одного, что Кюлевейна отравилъ не онъ, а Гордановъ.

— Ну, и что же такое, — отвѣчалъ Павелъ Николаевичъ: — говоря между четырехъ глазъ, я тебѣ, пожалуй, и скажу, что дѣйствительно его я отравилъ, а не ты, но вѣдь я же никакого угрызения по этому случаю не чувствую.

— Будто не чувствуешь?

— Рѣшительно не чувствую.

— Таки ни малѣйшаго?

— Ни крошечнаго.

— Это бы хорошо! — воскликнулъ Жозефъ и самъ весь сладострастно пожался, зажмурился и, протянувъ пальцы, проговорилъ: — я чувствую, что надо только начать.

— Все дѣло за началомъ.

— Такъ стой же! — вскричалъ, вскакивая съ мѣста, Жозефъ: — спрячься вотъ здѣсь за ширмы, я сейчасъ приведу сюда сестру.

— Зачѣмъ же сейчасъ?

— Пѣтъ, пѣтъ, сейчасъ, сію минуту: я хочу непременно сейчасъ это начать, чтобъ еще какъ-нибудь не передумать. Вѣдь ты меня не обманешь: ты отдашь мнѣ мою расписку?

— То-есть тебѣ я ее не отдамъ, а я вручу ее твоей сестрѣ, когда ее увижу.

— Ну такъ, тогда тѣмъ болѣе вамъ надо сейчасъ видѣться; сію минуту!

И Висленевъ бросился, какъ угорѣлый, изъ комнаты, оставивъ одного Горданова, а черезъ пять минутъ невдалекѣ послышались быстрые, торопливые шаги Жозефа и легкіе шаги Лары и шорохъ ея платья.

Гордановъ схватилъ свой хлыстъ съ тонкимъ трехграннѣмъ стилетомъ въ рукояткѣ и фуражку и сталъ за ширмами у висленевской кровати.

Сестра и братъ подошли къ двери: Лара какъ бы что-то предчувствовала и, остановясь, спросила:

— Что это за таинственность: зачѣмъ ты меня зовешь къ себѣ?

— Нужно, Ларочка, другъ мой, нужно, — и Висленевъ, распахнувъ предъ сестрой дверь, добавилъ: — видишь, здѣсь итъ никого, входи же, Бога ради.

Лариса переступила порогъ и оглядѣлась. Потомъ она сдѣлала шагъ впередъ и, робко заглянувъ за ширму, остолбенѣла: предъ нею стоялъ Гордановъ, а ея братъ въ то же мгновеніе заперъ дверь на замокъ и положилъ ключъ въ карманъ.

Лара въ изумленіи отступила шагъ назадъ и прошептала: «что это?» — Гордановъ выступилъ съ скромнѣйшимъ поклономъ и заговорилъ, что онъ не виноватъ, что онъ не смѣлъ бы просить у нея свиданія, но когда это такъ случилось, то онъ просить не отказать ему въ милости выслушать его объясненіе.

— Я не хочу ничего, ничего, — проговорила Лариса-и, порываясь къ двери, крикнула брату: — ключъ? гдѣ ключъ?

Но Жозефъ вмѣсто отвѣта сжалъ на груди руки и умолялъ Лару ради его выслушать, что ей хочетъ сказать Гордановъ.

— Ради меня! ради меня! — просилъ онъ, лоя и цѣлуя сестрины руки. — Ты не знаешь: отъ этого зависитъ мое спасеніе.

Лариса не знала, что ей дѣлать, но братъ ея былъ въ такомъ отчаяніи, а Гордановъ такъ кротокъ, — онъ такъ заботился облегчить ея смущеніе, и самъ, отстраняя Жозефа, сказалъ ему, что онъ ему дѣлаетъ большую неприятность, подвергая этому насилію Ларису. Онъ говорилъ, что, видя ея нынѣшнее къ нему отвращеніе, онъ не хочетъ и беспокоить ее никакимъ словомъ. Съ этимъ онъ вырвалъ у Жозефа ключъ, отперъ дверь, вышелъ изъ комнаты и уѣхалъ.

Лара была странно смущена и страшно недовольна на брата, а тотъ находилъ основательныя причины къ неудовольствію на нее. Онъ сообщилъ ей свои затруднительныя дѣла, открылся, что онъ претерпѣлъ въ Парижѣ, проговорился, въ какихъ онъ отличался роляхъ и какъ въ Петербургѣ былъ на волосъ отъ гибели, но спасенъ Глафирой отъ рукъ жены, а теперь вдругъ видитъ, что все это напрасно, что онъ опять въ томъ же положеніи, изъ какого считалъ себя освобожденнымъ, и даже еще хуже, такъ какъ будетъ имѣть врагомъ Горданова, который всегда можетъ его погубить.

— Неужто же ты, Лара, будешь смотрѣть спокойно, какъ меня, твоего брата, повезутъ въ острогъ? Пожалѣй же меня наконецъ,—приставалъ онъ:—не губи меня вдосталь: вѣдь я и такъ всю мою жизнь провелъ Богъ знаетъ какъ, то въ тюрьмѣ, то въ ссылкѣ за политику, а потомъ очутился въ такихъ жестокихъ комбинаціяхъ, что отъ женскаго вопроса у меня весь мозгъ высохъ и уже сердце перестаетъ биться. Еще одна какаля-нибудь напасть, и я лишусь разсудка и, можетъ-быть, стану такое что-нибудь дѣлать, что тебѣ будетъ совѣстно и страшно.

Лара нетерпѣливо пожелала знать, чего онъ отъ нея хочетъ.

— Ангель, душка, лапочка моя, Лара: возьми у него мою расписку. Онъ сказалъ, что онъ тебѣ ее отдастъ. Мнѣ больше ничего не нужно: мнѣ онъ ее не отдастъ, а тебѣ онъ все отдастъ, потому что онъ въ тебя страстно влюбленъ.

— Ты говоришь нестерпимый вздоръ, Жозефъ: съ какой стати онъ мнѣ подаритъ твой долгъ?

— Онъ мнѣ это самъ сказалъ, Ларочка, самъ вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ! Онъ влюбленъ въ тебя.

— Онъ наглець, о которомъ я не хочу ничего слышать.

— Не хочешь слышать! Лара, и это ты говоришь брату! А тебѣ будетъ пріятно, когда твоего братишку поведутъ въ тюрьму? Лара! я, конечно, несчастливъ, но вспомни, что я тебѣ вѣдь все, все уступалъ. Правда, что я потомъ все это взялъ назадъ, но человѣка надо судить не по поступкамъ, а по намѣреніямъ, а вѣдь намѣренія мои все-таки всегда были хорошія, а ты теперь...

Онъ вдругъ оборвалъ рѣчь, схватилъ руки сестры и, обливая ихъ слезами, молилъ:

— Спаси, спаси меня, Лара!

— Чѣмъ?... своимъ безславіемъ?

— Нѣтъ, просто, просто... Никакого безславія не надо; онъ прійдетъ и привезетъ мой документъ, а ты возьми его. Ларочка, возьми! Ради Господа Бога, ради покойнаго отца и мамы возьми! А я вотъ тебѣ крестъ, если я послѣ этого хоть когда-нибудь подпишу на бумагѣ свое имя!

Лара просила день подумать объ этомъ.

Въ этотъ день Жозефъ слеталъ къ Горданову съ вѣстями,

что капризь его, вѣроятно, неизмѣнно будетъ удовольстворень.

— Я стараюсь, Паша,—говорилъ онъ:—вслчески для тебя стараюсь.

— Да, ты старайся.

— Не знаю, что выйдетъ, но надѣюсь, и ты будь по-военъ. Жди, я тебя извѣщу.

Гордановъ обѣщалъ ждать, а Жозефъ все убивался предъ сестрой, и добился, что она наконецъ рѣшилась посоветоваться съ Бодростиной.

— Я не вижу въ этомъ ничего особеннаго,—отвѣчала Глафира.

— Во всякомъ случаѣ это очень непріятно.

— Немножко, да; но чтобы очешь... Почему же? Онъ въ тебя влюбленъ.

— Тѣмъ хуже.

Но Глафира сдѣлала благочестивую мину и рассказала, какъ много иногда приходится благотворительнымъ дамамъ точно такихъ столкновений и какъ часто ихъ красота и обаяніе служатъ великую службу самымъ святымъ дѣламъ.

— Разумѣется,—заключила она:—въ сношеніяхъ такого рода нужны тактъ и умѣнье себя держать, но, кажется, тебѣ этого не занимать стать. А если ты боишься и не падѣнешься на себя, тогда, конечно, другое дѣло.

Бояться! не надѣяться на себя!.. Развѣ Лариса могла что-нибудь подобное чувствовать, а тѣмъ болѣе сознаваться въ этомъ?

Она отвергла это категорически, а засимъ уже не оставалось поводовъ отказываться выручить брата изъ его петли, и Лара наконецъ рѣшилась сказать Жозефу:

— Ну, отстань только, пожалуйста, хорошо: я выйду!

Висленевъ сейчасъ же покотился къ Горданову и пригласилъ его къ себѣ завтра предъ вечеромъ, заключивъ это свиданіе небольшимъ торгомъ, чтобы къ векселю въ тысячу восемьсотъ рублей Гордановъ накинулъ ему сто рублей наличностью.

Павель Николаевичъ не постоялъ за эту надбавку, а на другой день, вечеромъ, онъ имѣлъ вполнѣ благопріятный случай опровергнуть предъ Ларой всѣ подозрѣнія и коснуться той темной власти, которая руководила всѣми его поступками.

Не дѣлая формальнаго признанія, онъ ей открылся въ самой жгучей страсти, и она его выслушала. Затѣмъ они стали появляться вмѣстѣ и въ гостиной, и въ столовой. Висленевъ всячески содѣйствовалъ ихъ сближенію, которое, впрочемъ, не переходило предѣловъ простаго дружества, о чемъ Жозефъ, можетъ-быть, и сожалѣлъ, въ чемъ, можетъ-быть, и сомнѣвался, такъ какъ тотчасъ же послѣ устроеннаго имъ свиданія Лары съ Гордановымъ въ своей комнатѣ, началъ писать Павлу Николаевичу записочки о ссудѣ его деньгами, по одной стерсотиной формѣ, постоянно въ такихъ выраженіяхъ: «Поль, если ты любишь мою бѣдную сестренку Лару, пришли мнѣ, пожалуйста, столько-то рублей».

Гордановъ смѣялся надъ этими записками, называлъ Жозефа въ глаза Калхасомъ, но деньги все-таки давалъ, въ размѣрѣ десяти процентовъ съ запрашиваемой суммы, въ виду чего Жозефъ долженъ былъ сильно возвышать цифру своихъ требованій, такъ какъ, чтобы получить сто рублей, надо было просить тысячу. Но расписокъ опытный и хитрый Жозефъ уже не давалъ и не употреблялъ словъ ни «заемъ», ни «отдача», а просто держался формулы: «если любишь, то пришли».

Лара ничего про это не знала, хотя учредившійся порядокъ не былъ тайной не только для бодростинскаго дома, но также и для Подозерова, до котораго, мимо его воли, дошли слухи о запискахъ, какія шлетъ Горданову Жозефъ. Андрей Ивановичъ написалъ женѣ коротенькое приглашеніе повидаться. Лара показала его Глафирѣ, и та удивилась.

— Я полагала, что по крайней мѣрѣ хоть этого Горація страсть не дѣлаетъ рабомъ, но вѣрно и его, если не любовь, то ревность сводить съ рельсовъ.

— Ты думаешь, что это онъ меня ревнуетъ?

— О Боже, да что же иное? Ты, Лара, можешь прекрасно употребить это въ свою пользу: онъ теперь подогрѣтъ настолько, насколько нужно; ты знаешь его слабую струну и, стало-быть, понимаешь, что нужно дѣлать. Ступай же, та снѣге. Успокой и мужа, и Синтянину.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Во всей красотѣ.

Глафира не напрасно, отпуская Лару, не давала ей никакихъ подробныхъ совѣтовъ: одной зароненной мысли о

необходимости играть ревностью мужа было довольно, и вариации, какія Лариса сама могла придумать на этотъ мотивъ, конечно, должны были выйти оригинальнѣе, чѣмъ если бы она дѣйствовала по наученію.

Прибывъ домой послѣ двухнедѣльнаго отсутствія, Лара встрѣтила ожидавшаго ее въ городѣ мужа съ надутостью и даже какъ будто съ гнѣвомъ, что онъ ее потревожилъ.

Оправясь въ своей комнатѣ, она вошла къ нему и прямо спросила, зачѣмъ онъ ее звалъ?

— Я хотѣлъ поговорить съ тобою, Лара,—отвѣчалъ Подозеровъ.

— О чемъ?

Онъ подоdvинулъ ей кресло и сказалъ:

— А вотъ присядь.

Лариса сѣла и опять спросила:

— Ну, что такое будете говорить?

— Я считалъ своимъ долгомъ предупредить тебя, про всякій случай, насчетъ твоего брата...

— Что вамъ помѣшало мой бѣдный братъ?

— Мнѣ ничего, но тебѣ онъ вредить.

— Я этому не вѣрю.

— Онъ занимаетъ у Горданова деньги и пишетъ ему записки, чтобы тотъ далъ ему, «если любить тебя».

— Этого не можетъ быть.

— И мнѣ такъ казалось, но про это вдругъ заговорили, и мнѣ это стало очень непріятно.

— Вамъ непріятно?!

Лариса сдѣлала гримасу.

— Что же тебя удивляетъ, что мнѣ это непріятно? Ты мнѣ не чужая, и мнѣ твое счастье близко.

— Счастіе! — воскликнула Лара и, размѣявшись, добавила: — да кто это все доноситъ: тетушка Форова, или ваша божественная Александра Ивановна? О, я ее знаю, я ее знаю!

— То-то и есть, что ни та, ни другая.

— Нѣтъ; вѣрно ужъ если не та, такъ другая: Александръ Ивановичъ, можетъ-быть, больно, что не всѣ предъ нею благоговѣютъ и не ся именемъ относятся къ Горданову.

— Лара, къ чему же тутъ, мой другъ, имя Александры Ивановны?

— Къ тому, что я ее ненавижу.

Подозеровъ всталъ съ мѣста и минуту молчалъ. Лариса не сводила съ него глазъ и тихо повторила:

— Да, да; ненавижу.

— Вы безсовѣстно обмануты, Лара.

— Нѣтъ, нѣтъ, я знаю, что она хитрая, предательница и водить васъ за носъ.

— Вы безумная женщина, — произиесь Подозеровъ и, отбросивъ ногой стулъ, началъ ходить по комнатѣ.

Лара, просидѣвъ минуту, встала и хотѣла выйти.

— Куда же вы? — остановилъ ее мужъ.

— А о чемъ намъ еще говорить? — Вы шпионите за мною, — продолжайте же, я вамъ желаю успѣха.

— Говорите все, я васъ не стану останавливать и не оскорблю.

— Еще бы! вы жалуетесь, что вы на мнѣ женились нехотя, безъ любви; что я васъ упросила на мнѣ жениться; вы полагаете, что ужъ вы мнѣ сдѣлали такое благодѣяніе, котораго никто бы, кромѣ васъ, не оказалъ.

— Представьте же себѣ, что я ничего этого не думаю, и хотя немножко успокойте свое тревожное воображеніе.

— Нѣтъ, вы это говорили! Вы хотите показать, что я даже не стою вашего вниманія, что вы предоставляете мнѣ полную свободу чувствъ и поступковъ, а между тѣмъ требуете меня чуть не черезъ полицію, когда люди оказываютъ мнѣ малѣйшее уваженіе и ласку. Вы фразеръ, и больше ничего какъ фразеръ.

Подозеровъ старался успокоить жену, представляя ей ея неправоту предъ нимъ и особенно предъ Синтяниной. Онъ доказалъ ей, что дѣйствительно не желалъ и не станетъ стѣснятъ ея свободы, но, какъ близкій ей человекъ, считаетъ своею обязанностью сказать ей свой дружескій совѣтъ.

— А я въ немъ не нуждаюсь, — отвѣчала Лара. — Если вы уважаете мою свободу, то вы должны не принуждать меня слушать ваши совѣты.

— А если это поведетъ къ несчастіямъ?

— Пусть; но я хочу быть свободна.

— Къ большимъ несчастіямъ, Лара.

— Пусть.

— Вы говорите какъ дитя. Мнѣ жаль васъ; я не же-

лаю, чтобы это случилось съ вами. Лара! ты когда-то хотѣла ѣхать ко мнѣ въ деревню: я живу очень тѣсно и, зная твою привычку къ этому удобному домику, я не хотѣлъ лишать тебя необходимаго комфорта; я не принялъ тогда твоей жертвы, но нынче я тебя прошу: поѣдемъ въ деревню! Теперь лѣто; я себя устрою кое-какъ въ чуланчикѣ, а ты займешь комнату, а тѣмъ временемъ кончится постройка, и къ зимѣ ты будешь помѣщена совсѣмъ удобно.

Лариса покачала отрицательно головой.

— Ты не хочешь?

— Да, не хочу.

— Почему же, Лара?

— Потому что вы меня станете стѣснять сообществомъ лицъ, которыхъ я не хочу видѣть, потому что вы мнѣ будете давать совѣты, потому что... я ненавижу все, что вы любите.

— Лара, Лара! Какъ вы несчастливы: вы принимаете своихъ друзей за враговъ, а враговъ—за друзей.

Лариса отвѣчала, что, во-первыхъ, это не ея вина въ томъ, что друзья бываютъ хуже враговъ, а во-вторыхъ, это и неправда, и затѣмъ, добавила она и съ цетеригнѣмъ:

— Оставьте, потому что я все равно сдѣлаю все наперекоръ тому, какъ вы мнѣ скажете!

Мужъ не настаивалъ болѣе и уѣхалъ, а Лариса осталась въ городѣ и упорно затворницей просидѣла дома цѣлый мѣсяцъ, едва лишь по вечерамъ выходя въ цвѣтникъ, чтобы подышать чистымъ воздухомъ. Ни Синянина, ни Форовы ее не беспокоили; отъ Бодростиныхъ тоже не было никакихъ засылковъ, а мужъ хотя и прѣзжалъ раза три, но они уже не находили предмета для разговора, что, однакоже, вовсе не мѣшало Ларисѣ находить тему для противорѣчій по поводу всякаго слова, произносимаго Подозеровымъ. Если мужъ говорилъ, что сегодня жарко, Лариса отвѣчала, что вовсе не жарко; если онъ говорилъ, что прохладно, у нея, наоборотъ, выходило жарко. О близкихъ лицахъ Подозеровъ уже вовсе не заговаривалъ.

Такъ кончалось лѣто. Въ послѣдней половинѣ августа Глафира Васильевна тихо праздновала день своего рожденія и прислала за Ларисой экинажъ. Лара подумала и поѣхала, а прѣхавъ, осталась и загостилась долго.

Въ бодростинскомъ домѣ пользовались послѣдними погожими днями. Устраивались непрерывныя прогулки на лошадяхъ и катанья по водѣ. Гордановъ былъ въ качествѣ главноуправителя безотлучно здѣсь, потому что теперь они съ Михайломъ Андреевичемъ усиленно хлопотали о скорѣйшей отстройкѣ и открытіи завода мясныхъ консервовъ, который строился въ пяти верстахъ, въ томъ селѣ, къ которому примыкала собственный хуторъ Горданова. Дѣло о дуэли было кончено ничтожнымъ взысканіемъ въ видѣ короткаго ареста, и въ бодростинскомъ домѣ всѣ этому очень радовались и занимались по утрамъ своими дѣлами, а вечерами катались, играли и нѣли. Однимъ словомъ, здѣсь шла жизнь, безъ всякаго сравненія болѣе заманчивая, чѣмъ та, какую Лариса создала себѣ въ своемъ домѣ, и Ларѣ не мудрено было загоститься долѣе, чѣмъ хотѣла. Обитатели дома сходились только къ обѣду, а утромъ всѣ работали, даже не исключая Висленева, который, не имѣя занятій, купилъ себѣ трехъ орлятъ, заперъ ихъ въ холодный подвалъ и хотѣлъ пріучить садиться къ его ногамъ или летать надъ его головой.

Такую задачу Жозефъ поставилъ себѣ съ особенною цѣлью, къ которой подвелъ его Гордановъ, вперивъ ему мысль, что онъ можетъ «устранить» Бодростина очень хитро, не самъ, а чужими руками: попросту связать, Гордановъ училъ его возбудить беспорядки между крестьянами и, доведя дѣло до сумятицы, черкнуть Михаила Андреевича подъ бокъ.

— Это превосходная мысль, — отвѣчалъ Висленевъ: — но только какъ же... на чемъ это замутить?

— Надо ждать случая и пользоваться всякимъ пустякомъ, самое главное — суевѣріемъ. Вотъ ты теперь извѣстный спиритъ; съ тобою спосятся духи, у тебя были необыкновенные пестрые волосы, ты себѣ и укрѣпидій пока такую необычайную репутацію.

Висленевъ рѣшился ее укрѣплять, но не зналъ, что бы такое придумать, а тутъ ему попался мальчишка, продававшій орлиный выводокъ. Жозефъ купилъ за полтинникъ орлятъ и началъ ихъ школить: это ему доставляло большое удовольствіе. Посадивъ птицъ въ темный прохладный подвалъ, онъ аккуратно всякое утро спускался туда съ мальчикомъ, который несъ на доскѣ кусочки сырого мяса.

Жозефъ, вооруженный двумя палками, сначала задавалъ на орлять сердитый окрикъ, а потомъ одною палкой дразнилъ ихъ, а другою—билъ, и такимъ образомъ не безъ удовольствія проводилъ въ прохладѣ цѣлые часы, то дразня бѣдныхъ своихъ заключенныхъ, то валяясь на холодномъ каменномъ выступѣ стѣны и распѣвая арію Фарлафа: «Близокъ ужъ часъ торжества моего».

Опъ здѣсь такъ обжился, что сюда приходили звать его къ столу, здѣсь навѣщали его и Бодростинъ, и Глафира, и Гордановъ, и Жозефъ задавалъ предъ ними свои представленія съ орлами, изъ которыхъ одинъ, потерявъ въ сраженіяхъ глазъ, все косился и, дѣйствуя на отчаянность, рисковалъ иногда налетать на Висленева, несмотря на жестокіе удары палкой.

— Чортъ знаетъ, чѣмъ ты, любезный другъ, занимаешься!—говорилъ ему Бодростинъ.

Но Висленевъ только кивалъ головой: дескать «ничего, ничего, посмотримъ» и опять, накидываясь на орла, повторялъ: «Близокъ ужъ часъ торжества моего».

— Да, я не сомнѣваюсь болѣе, что онъ, бѣдный, навсегда останется сумасшедшимъ,—рѣшилъ Бодростинъ, и это рѣшеніе стало всеобщимъ.

А между тѣмъ ушли и послѣдніе лѣтніе дни; на деревьяхъ замелькали желтые листья, подулъ вѣтерокъ, и Лариса вдругъ явилась назадъ въ городъ.

Подозерова не было; Жозефъ посѣщалъ сестру немножко воровски и не часто. Съ Подозеровымъ они встрѣтились только однажды, и Жозефъ было вначалѣ сконфузился, но потомъ, видя, что зять съ нимъ вѣжливъ, пріободрился и говорилъ сестрѣ:

— Благовѣрный-то твой грибъ съѣлъ!

— А что такое?

— Такъ, ничего, очень ужъ вѣжливъ со мною.

Прошло еще двѣ недѣли: вѣтеръ сталъ еще рѣзче, листья въ половина опала и въ огородахъ застучалъ застучъ.

Александра Ивановна давно рѣшила оставить свою городскую квартиру въ домѣ Висленева, какъ потому, что натянутыя отношенія съ Ларисой дѣлали жизнь на одномъ съ нею дворѣ крайне несприятною, такъ и потому, что, за полученіемъ генераломъ отставки, квартира въ городѣ, при ихъ ограниченномъ состояніи, дѣлалась совершеннымъ из-

лишествомъ. Они рѣшили совсѣмъ поселиться у себя на хуторѣ, гдѣ къ двумъ небольшимъ знакомымъ намъ комнаткамъ была пригорожена третья, имѣвшая назначеніе быть кабинетомъ генерала.

Мебель и вещи Синяниныхъ почти уже всѣ были перевезены, и генераль съ женой оставались на бивакахъ. Въ домъ уже готовились перебраться новые жильцы, которымъ Подозеровъ сдалъ синянинскую квартиру на условіи—заплатить за шесть лѣтъ впередъ, чтобы такимъ оборотомъ сдѣлаться съ залогодателемъ.

Быль шестой часъ сѣраго сентябрьскаго дня: генеральша и майоръ Форовъ стояли въ огородѣ, гдѣ глухонѣмая Вѣра и двѣ женщины срѣзали ножницами головки сѣменныхъ овощей и цвѣтовъ. И Синянина, и майоръ оба были не въ духъ: Александрѣ Ивановичѣ не легко было покидать этотъ домъ, гдѣ прошла вся ея жизнь, а Форову было досадно, что они теперь будутъ далѣе другъ отъ друга и, стало-быть, станутъ рѣже видѣться.

— Спасибо вамъ за это,—говорила ему генеральша.

— Совершенно не за что: я не о васъ хлопочу, а о себѣ. Я тоже хочу продать домишко и поѣду куда-нибудь, куплю себѣ хуторишко надъ Днѣпромъ.

— Зачѣмъ же такъ далеко?

— Тамъ небо синѣе и водка дешевле.

— Не водка манитъ васъ, Филетеръ Ивановичъ. Чтò вамъ за охота всегда представлять себя такимъ циникомъ?

— А чѣмъ же мнѣ себя представлять? Не начать же мнѣ на шестомъ десяткѣ лѣтъ врать или слетничать? Вы развѣ не видите, что мою старуху это извело совсѣмъ?

Какой ангелъ эта Катя!

— Заказалъ, готовыхъ такихъ не получите; одно слово. мать Софья обо всѣхъ сохнетъ.

— А вы нѣтъ?

— Я?.. А мнѣ что такое? По мнѣ наплевать, по я изъ хочу, чтобы она все это видѣла и мучилась, и потому мы съ нею махнемъ туда къ Кіеву: она тамъ будетъ по монастырямъ ходить, а я... къ студентамъ имѣю слабость... заведу знакомства.

— И мы къ вамъ приѣдемъ.

— Пожалуй, приѣзжайте, только я вамъ не обещаю, что вы меня не возненавидите.

— Это отчего?

— Такъ; я связи со всеѣмъ прошедшимъ разрываю. Надоѣло мнѣ здѣсь все и все; я хочу поваго мѣста и новыхъ людей, которые не смѣялись бы надо мной, когда я стану перемѣняться. А здѣсь я жить не могу, потому что безпрестанно впадаю въ противорѣчія. И это на каждомъ шагу; вотъ даже и сейчасъ: иду къ вамъ, а по улицѣ Гордановъ ѣдетъ, да Ларисѣ Платоновнѣ кланяется. Какое мнѣ до этого дѣло? А я сержусь. Иосафъ Платонычъ въ бодростинскомъ домѣ дурака представляетъ: что мнѣ до этого? Наплевать бы, хотъ бы онъ и на головѣ ходилъ, а я сержусь. Увидаль его сейчасъ на дворѣ—ореть, что не позволить зятю такъ распорядиться сестринимъ домомъ, потому что самъ нанель жильца, который предлагаетъ на двѣсти рублей въ годъ болѣе. Онъ дѣло говоритъ, а я сержусь, зачѣмъ онъ говоритъ противъ Подозерова. Висленевъ хочеть сдать домъ подъ контору для бодростинскихъ фабрикъ, и это очень умно, потому что и беретъ дорого, и сдаетъ исправнымъ плательщикамъ, а, главное, мнѣ ни до чего этого дѣла нѣтъ, а я сержусь. И спросите мепя, изъ-за чего? Изъ-за того, что здѣсь Гордановъ будетъ вертѣться. А чтѣ мнѣ до всего этого за дѣло! Да хотъ онъ внѣдрись тутъ...

— Т-съ!—остановила его, потянувъ его за руку, Александра Ивановна и, указавъ глазами на дорожку, по которой шибко шла къ бесѣдкѣ Лариса, сама начала стричь головки сѣмённиковъ.

Лара не шла, а почти бѣжала прямо къ уединенной старой бесѣдкѣ съ перебитыми окнами.

— Что это съ нею?—пробурчалъ Форовъ, но сейчасъ же добавилъ:—матушки мои, какой срамъ!

За Ларисой смѣло выступалъ Гордановъ, котораго сопровождалъ Жозефъ, остановившійся на половинѣ дороги и быстро повернувшій назадъ.

— Послушайте, чтѣ же это такое?—прошенталъ Форовъ и проворно запрыгалъ черезъ гряды къ бесѣдкѣ, сокрывшей Горданова и Ларису, но вдругъ повернулъ и пошелъ, смущенно улыбаясь, назадъ.

Ничего, — сказалъ онъ: — не безпокойтесь: надо же памъ быть умнѣ всего этого.

Но въ эту же минуту послышался шелестъ платья, и Лара, съ расширенными зрачками глазъ, прямо неслась по направленію къ майору и генеральши и бросилась послѣдней на шею.

— Бога ради! — процѣдила она. — Я этого не хотѣла, я отказалась принять этого человѣка, и когда братъ привелъ его, я бросилась чернымъ ходомъ, но Жозефъ... Ахъ! ахъ!

Она закрыла руками глаза и спрятала лицо на плечѣ Снѣтяниной: на порогѣ садовой калитки стоялъ въ дорожномъ тулупчикѣ Подозеровъ, а возлѣ него, размахивая руками, горячился Жозефъ и юля все хотѣлъ заслонить собою мало потерявшагося Горданова.

— Я не позволю, — кричалъ Жозефъ: — сестра женщина, она не понимаетъ, но я понимаю, какая разница между семью стами рублей въ годъ, за которые отдаете вы, или девятью стами, какъ я отдалъ.

Подозеровъ не отвѣчалъ ему ни слова. Онъ глядѣлъ то на жену, то на Горданова, какъ будто не вѣрилъ своимъ глазамъ, и, наконецъ, оборотясь къ Форову, спросилъ:

— Какъ это могло случиться?

— Они, кажется, осматриваютъ домъ.

— Да, именно домъ, — подхватилъ Висленевъ и хотѣлъ опять сказать что-то обстоятельное о цѣнѣ найма, но Форовъ такъ стиснулъ его за руки, что онъ только взвизгнулъ и, отлетѣвъ назадъ, проговорилъ:

— А я все-таки сестры обижать не позволю...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Начало конца.

Форовъ могъ сдѣлать Висленеву что-нибудь худшее, но Подозеровъ отвлекъ его за руку и, шепнувъ: «не марайте руки, Филетеръ Ивановичъ», добавилъ, что онъ ѣдетъ сію же минуту назадъ въ деревню и просить съ собой Форова. Майоръ согласился. Онъ цѣлые два дня и двѣ ночи провелъ съ Подозеровымъ, приводя въ порядокъ хозяйственные бумаги по имѣнію, и не спросилъ, зачѣмъ это дѣлается? На третій день они оба вмѣстѣ поѣхали на хуторъ къ Снѣтянинымъ, которые только что окончательно туда пере-

ѣхали. Подозеровъ казался совершенно спокойнымъ и самоблагодарнымъ: онъ, извиняясь предъ Синтянинымъ, объявилъ ему, что по своимъ обстоятельствамъ долженъ непременно немедленно же оставить мѣсто и ѣхать въ Петербургъ, и потому представляетъ всѣ счета и проситъ его уволить, а вмѣсто себя рекомендовалъ Форова, но Филетеръ Иванычъ поблагодарилъ за честь и объявилъ, что онъ ни за что на себя никакого управительства не приметъ, потому что онъ слабъ и непременно всѣхъ перебалуетъ.

Синтянинъ не возражалъ ни слова: онъ деликатно предложилъ только Подозерову рекомендовать его тому генералу, къ которому недавно притекали Глафира и княгиня Казимира и еще прежде ихъ и, можетъ-быть, прямѣ ихъ ничтожный камень, которымъ небрегутъ зиждующіе описываемыя событія, но который тихо, тихо поднимается, чтобы стать во главу угла.

Подозеровъ поблагодарилъ и принялъ отъ Синтянина карточку, а вслѣдъ затѣмъ Иванъ Демьяновичъ обѣщалъ написать и особое письмо и пожелалъ знать, о чемъ собственно ему просить? въ чемъ болѣе всего Подозеровъ можетъ нуждаться?

— Я считалъ бы излишнимъ указывать это въ письмѣ, — отвѣчалъ Подозеровъ: — но если ужъ это надо, то онъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ можетъ оказать огромное одолженіе: я хочу, чтобы моя жена получила право на разводъ со мною, и вину готовъ принять на себя.

— Но васъ тогда обрекутъ на безбрачіе.

— Что-же такое? тѣмъ лучше: я убѣдился, что я вовсе неспособенъ къ семейной жизни.

— Вы благороднѣйшій человѣкъ, — отвѣтилъ ему, пожимая руку, Синтянинъ, и освѣдомясь, что Подозеровъ намѣренъ ѣхать завтра же, обѣщалъ пріѣхать съ женой проводить его.

— Пожалуйста, — попросилъ его Подозеровъ.

— Непремѣнно-съ, достойнѣйшій Андрей Ивановичъ, непременно пріѣдемъ-съ, — говорилъ генералъ, провожая и желая тѣмъ ему заявить свою особенную аттенцію.

На другой день, часа за полтора до отхода поѣзда желѣзной дороги, домъ Ларисы наполнился старыми, давно не бывавшими здѣсь друзьями: сюда пришли и Синтянины, и Катерина Астафьевна, и отецъ Евангелъ, а Филетеръ Ивановичъ не разлучался съ Подозеровымъ со вчерашняго

вечера и ночевалъ съ нимъ въ его кабинетѣ, гдѣ Андрей Ивановичъ передалъ ему всѣ домашнія бумаги Ларисы и сообщилъ планы, какъ опъ что думалъ повесть и какъ, по его мнѣнію, надо бы вести для спасенія заложенаго дома.

— Впрочемъ,---добавилъ опъ:—все это я говорю вамъ, Филетеръ Ивановичъ, только про всякій случай, а я думаю, что ничего такъ не будетъ, какъ я предполагалъ.

Майоръ отвѣтилъ, что опъ въ этомъ даже увѣренъ, но продолжалъ все выслушивать и замѣчать у себя въ книжечкѣ, находившейся при просаленномъ и пустомъ бумажничкѣ.

О Ларѣ они другъ съ другомъ не проронили ни одного слова; Подозеровъ и самъ съ женой не видѣлся съ той самой поры, когда опъ ее будто не замѣтилъ на огородѣ.

Лара сидѣла одна въ своей комнатѣ: она провела ночь безъ сна и утромъ не выходила. Мужъ постучалъ къ ней предъ обѣдомъ: она отперла дверь и снова сѣла на мѣсто.

— Лара, я уѣзжаю,—началъ Подозеровъ.

— Куда и зачѣмъ?—уронила она едва слышно, и въ голосѣ у нея зазвучали слезы.

— Я не совсѣмъ точно выразился, Лариса: я долженъ вамъ сказать, что мы расстаемся.

— Какая къ этому причина?—и она dokonчила едва слышно:—вы меня можете обвинять во всемъ, но я ничего дурного до сихъ поръ противъ васъ не сдѣлала. У меня, можетъ-быть, дурной характеръ, но неужели этого нельзя простить?

Подозеровъ заколебался: слезы жены и слово «простить» ослабляли его рѣшимость.

— Лара, дѣло не въ прощеніи: я вамъ простилъ и отпустилъ все, но дѣло и не въ характерѣ вашемъ, а въ томъ, что у насъ съ вами нѣтъ того, что можетъ сдѣлать жизнь пріятною и плодотворною: мы можемъ только портить ее одинъ другому и дѣйствовать другъ на друга огрубляющимъ образомъ, а не совершенствующимъ.

— Ахъ, ужъ мнѣ это совершенствованіе! Берите, Андрей Ивановичъ, жизнь проще, не ищите идеаловъ.

— Извините, Лара, я такъ жить не могу.

— Ну, такъ вы никогда не будете счастливы.

— Это всего вѣроятнѣе, по дѣло рѣшенное, и вы, я

думаю, съ тѣмъ согласитесь, что у насъ единства вкусовъ нѣтъ.

— Нѣтъ.

— Единомыслия и единства убѣжденій тоже нѣтъ.

— Да, ихъ нѣтъ.

— Взгляды на жизнь и правила у насъ разные.

— Да, и мои вѣрно хуже?

— Я этого не говорю.

— Но друзья ваши, конечно, такъ вамъ это разъясняли.

— Оставимте моихъ друзей, но ваши и мои правила не сходятся, — значитъ намъ единомыслить не о чемъ, укрѣплять другъ друга не въ чемъ, стремиться къ одному и тому же по одной дорогѣ некуда; словомъ, жить вмѣстѣ, уважая другъ друга, нельзя, а жить, не уважая одинъ другого, это... это ни къ чему хорошему не ведетъ, и мы разстаемся.

— Только ужъ, пожалуйста, совѣмъ.

— О, непременно! Къ сожалѣнью, разводы у насъ трудны и стоятъ денегъ, но тѣмъ не менѣе я употреблю всѣ успія дать вамъ средства вести противъ меня процессъ.

— Хорошо.

И супруги разошлись и болѣе не видѣлись до самой той поры, когда друзья пріѣхали проводить отъѣзжающаго.

При этомъ случаѣ опять не было никакихъ ни разговоровъ, ни урезониваній: всѣ знали, въ чемъ дѣло, и скорбѣли, но хранили молчаніе.

Вещи отъѣзжающаго были уложены и до отъѣзда оставалось уже нѣсколько минутъ, а Лара не выходила.

Отецъ Евангелъ бродилъ по комнатѣ и, заходя въ углы, кусалъ свою бороду и чмокалъ сожальтельно губами; Катерина Астафьевна ломала руки; генеральша была блѣдна какъ платъ; а майоръ, по общему замѣчанію, вдругъ похудѣлъ.

Настало время отъѣзда. Подозеровъ подошелъ къ двери жениной спальни и сказалъ, что онъ желаетъ проститься. Дверь отворилась, и онъ вошелъ къ Ларисѣ.

— Ахъ, змѣя! — прошептала Катерина Астафьевна: — да неужто же она даже не выйдетъ его проводить?

— И не должна, — отвѣчалъ стоявшій возлѣ жены лицомъ къ окну Форовъ.

— Это почему?

— Потому что онъ этого не стѣитъ. Если бъ у нея мужъ былъ какой ей нуженъ, такъ она бы его и встрѣчала, и провожала.

— То-есть это въ родѣ тебя бы что-нибудь.

— Нѣтъ, что-нибудь въ родѣ меня ее давно бы бросилъ...

— И вамъ ихъ не жаль?—проронила Синтянина.

--- Ни малешенько.

— А отчего же это вы похудѣли?

— Овса мало получаю,—отвѣтилъ майоръ, по слыша, что Подозеровъ одинъ выходитъ въ залу изъ комнаты жены, нетерпѣливо дернулъ носомъ и заплакалъ.

Всѣ встали и начали прощаться, а Синтянина этимъ временемъ обтерла молча своимъ платкомъ лицо майора, чему тотъ нимало не препятствовалъ, но когда генеральша прошептала: «Вы, Филетеръ Ивановичъ, святой», онъ рѣзко отвѣтилъ:

— Чего же вы ко мнѣ не прикладываетесь!—и съ этимъ юркнулъ и убѣжалъ изъ дома и уже объявился у вагона, гдѣ поджидалъ свою компанію съ сильно наплаканными глазами.

Лары такъ и не было: въ то время, какъ мужа ея уносили быстрый поѣздъ, она въ сильнѣйшемъ разстройствѣ скакала въ деревню къ Бодростиной, которой стремилась излить свою душу и получить отъ нея укрѣпленіе.

Но тутъ произошла вещь самая неожиданная, поразившая Лару жестоко и разразившаяся цѣлою цѣпью самыхъ непредвидѣнныхъ событій: столь милостивая къ Ларисѣ Глафира встрѣтила ее сухо, выслушала съ изумленіемъ и, сильно соболѣзнуя объ исходѣ, какой приняло дѣло, совѣтовала Ларѣ немедленно же послать въ догонку за мужемъ депешу или даже ѣхать вслѣдъ за нимъ въ Петербургъ и стараться все поправить.

— Судите сами, *chère Lara*,—говорила она:—какое же будетъ ваше положеніе: вы такъ молоды, такъ хороши и... припомните стихъ Пушкина: «свѣтъ не караетъ преступленийъ, но тайны требуетъ у нихъ», межъ тѣмъ какъ вы все начали оглаской и... я боюсь, какъ бы вы себѣ не заперли повсюду двери.

Гордость Лары страшно возмутилась этимъ наставленіемъ, и она, посидѣвъ очень короткое время у Бодрости-

пой, уѣхала, захвативъ съ собой въ качествѣ утѣшителя Жозефа, а на другой день прибылъ къ нимъ и другой утѣшитель — самъ Павелъ Николаевичъ Гордановъ, котораго потерявшаяся Лариса приняла и выслушивала его сужденія съ братомъ о лицемѣрїи провинціальномъ и о толерантности столицъ.

— А всего лучше, — говорилъ ей Жозефъ: — валяй-ка, ссстренка, за границу.

— Да, проѣхаться въ подобныхъ обстоятельствахъ дѣло великое, — поддержалъ Гордановъ, и описалъ прелести заграничнаго вояжа, пока Подозеровъ настроить въ Петербургѣ дѣло о разводѣ.

— Прекрасно, Лара: ей-Богу, ступай ты отъ этихъ дураковъ за границу, — уговаривалъ Лару братъ по отъѣздѣ Горданова: — а тамъ освободишься отъ своего Фалелея Трифоновича и выходи замужъ за Горданова, а я тоже женюсь, и заживемъ.

Лариса возразила брату только противъ того, что онъ уже женатъ и что ему жениться не совсѣмъ удобно; но когда объ этомъ зашелъ разговоръ другой разъ, то Гордановъ поддержалъ Жозефа, сказавъ, что развестись у насъ трудно, но жениться два раза гораздо легче, какъ и два раза замужъ выйти — тоже.

Лару это заняло и она съ любопытствомъ слушала, какъ Гордановъ доказывалъ ей, что если никто изъ родныхъ не вмѣшается въ бракъ, то кому же какое дѣло протестовать. Онъ привелъ ей въ примѣръ нѣсколько дамъ, благополучно вышедшихъ замужъ отъ живыхъ мужей, и Лара согласилась, что это хорошее средство для поправленія фальшивыхъ положеній въ глазахъ свѣта, «не карающаго преступленій, но требующаго для нихъ тайны». А черезъ недѣлю Лара взяла деньги, назначавшіяся на выкупъ ея дома, и въ одинъ день собралась за границу.

Объ этомъ случайно узналъ Форовъ, а жена его даже не хотѣла этому и вѣрить, но, гуляя вечеромъ и приди на станцію желѣзной дороги, она, къ крайнему своему удивленію, увидѣла Ларисину дѣвочку съ багажемъ.

— Послушай, матушка Зинка, или, какъ тебя... Малаша: куда ѣдетъ твоя барыня?

— Неизвѣстно-съ, Катерина Астафьевна.

— Полно врать!

— Ей-Богу неизвѣстно.

— Къ барину небось спѣшить?

— Ничего не знаю-съ.

— Врешь; знаешь, да не хочешь сказать, — кинула ей Форова, отходя въ сторону и тщетно отыскивая въ толпѣ Ларису. Ея, однако, нигдѣ не было видно, и чѣмъ майорша больше суетилась и толкалась, тѣмъ только чаще попадались ей въ глаза одни и тѣ же лица, съ неудовольствіемъ створачивавшіяся отъ ея засмотровъ и отвѣчавшія ей энергическими толчками на ея плавательныя движенія, съ помощію которыхъ она подвигалась наугадъ въ этой сутолокѣ.

Но вотъ прозвонилъ звонокъ, все хлынуло къ дверямъ, ринулось за рѣшетку, а ее не пускаютъ.

— Нельзя, нельзя, не вѣрно безъ билета! — внушаетъ ей, отводи ее рукой, жандармъ.

— Позволь, любезнѣйшій, хоть на минутку, — упрасиваетъ Катерина Астафьевна, распяемая самой ей непонятнымъ жаромъ томительнаго предчувствія. — Позволь, голубчикъ, позволь, батюшка.

Но жандармъ былъ непреклоненъ.

— Возьмите билетъ, тогда, говоритъ, — пуцу.

Вотъ прозвучалъ и второй звонокъ: всѣ усѣлись по мѣстамъ; платформа пустѣетъ, только изрѣдка пробѣгаютъ поѣздные, поправляя сигнальный шнуръ; вотъ и всѣ двери вагоновъ заперты, и Катерина Астафьевна бѣжитъ вдоль рѣшетки, проницая взоромъ каждое окно, какъ вдругъ ее кто-то толкнулъ и, перескочивъ за рѣшетку, стремглавъ вскочилъ въ вагонъ.

— Великій Боже, это Гордановъ!

Катерина Астафьевна не взвидѣла свѣта и, окомъ прозрѣнія замѣтивъ за опущенною шторой одного вагоннаго окна черный глазъ Ларисы, бросилась къ кассѣ.

— Билетъ мнѣ, билетъ! — шипѣла она, колотя рукой въ закрытую форточку кассирской будки, но форточка не отпиралась, а между тѣмъ на платформѣ прозвонилъ третій звонокъ.

Отчаянная Форова съ воплемъ бросилась назадъ къ поѣзду, но предъ нею уже только мелькнулъ красный флагъ задняго вагона, и въ воздухѣ звучало бафъ-тумъ, бафъ-тумъ...

Но наконецъ затихло и это.

Катерина Астафьевна швырнула на полъ чепецъ и зарыдала, воия:

— Лара! дитя мое! моя дѣвочка! что ты надѣлала? Куда тебя повезъ этотъ злодѣй?

Но прошли первые истерическіе порывы, и Катерина Астафьевна, вставъ на ноги, подошла, шатаясь, къ кассѣ, съ вопросомъ: когда она можетъ ѣхать? Ей отвѣчали, что слѣдующій поѣздъ пойдетъ завтра.

— Завтра!.. Это ужасно. А какъ же я видѣла тамъ сейчасъ собираютъ опять какіе-то вагоны... Я видѣла.

— Да; это черезъ часъ пойдетъ товарный поѣздъ,—отвѣчала ей кассиръ,—но,—добавилъ онъ,—на этихъ поѣздахъ пассажировъ не возятъ.

— Батюшка, какъ-нибудь!—умоляла майорша, но требованіе ея не могло быть удовлетворено: ей рассказали, что при товарныхъ поѣздахъ люди только принимаются со скотомъ,

— Какъ со скотомъ? Расскажите же мнѣ толкомъ: какъ это со скотомъ? Я поѣду со скотомъ.

— Если у васъ будетъ лошадь, или корова, или другая скотина, вы можете ее провозать.

Катерина Астафьевна подхватила чепецъ, исчезла, и мѣнѣе чѣмъ черезъ часъ снова явилась на станцію съ узелочкомъ, въ сопровожденіи майора, который держалъ подъ рукой визжавнаго поросенка.

— Стой здѣсь,—сказалъ Форовъ женѣ:—а я пойду сдатьъ этого путешественника и запишу при немъ тебя.

И черезъ десять минутъ Катерина Астафьевна уже мчалась по тому самому направленію, по которому часъ тому назадъ унеслась Лариса. На дворѣ уже была ночь, звѣзды сіяли во все небо, вѣтеръ несся быстрою струей вокругъ открытой платформы и прохлаждалъ горячечный жаръ майорши, которая сидѣла на полу между ящиками и бочками, въ колѣняхъ у нея помѣщался поросенокъ и она кормила его булочкой, доставая ее изъ своего узелочка одною рукой, межъ тѣмъ какъ другою ударяла себя въ грудь, и то порицала себя за гордыню, что сердилась на Лару и не выдалась съ нею послѣднее время и тѣмъ дала усилиться Жозефу и проклятому Гордашкѣ, то, поднявъ глаза къ звѣздному небу, шептала вслухъ восторженные молитвы. Она не замѣчала, какъ мимо мелькали полустанціи и станціи и какъ лучъ восходящаго солнца освѣтилъ ее на бѣгущей

платформѣ колѣнопреклоненную съ развѣвающимися по вѣтру до-бѣла посѣдѣвшими косами и устами, шепчущими крылатыя мольбы Богу милосердія.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Близокъ ужъ часъ торжества.

Ненавистный соперникъ Ропнина умчался далеко. Все это сдѣлалось чрезвычайно быстро и неожиданно и совершенно противъ всякаго желанія и всѣхъ расчетовъ Глафиры. Она никакъ не ожидала отъ Горданова такой глупой безразсчетливости въ такое кипучее время. Кромѣ того, она была оскорблена этимъ побѣгомъ не только какъ заговорщица, но и какъ женщина. Она поняла, что чары ея уже уходятъ и даже совсѣмъ отошли; что она только дѣйствуетъ на юность, да на глупость, — на Ропнина, да на Висленева, а разборчивый Гордановъ уже нагло и дерзко манкируетъ ея тридцатилѣтнею красой, открыто предпочитая ей юную прелесть молодой Лары, за которою онъ бросился, покинувъ всѣ дѣла и всѣ замыслы, и умчался очертя голову.

Ропнинъ довольно близко отгадывалъ то, что должна была чувствовать Бодростина, получивъ доставленное имъ извѣстіе о побѣгѣ Горданова съ Ларисой.

Сообщивъ это Глафирѣ, секретарь доложилъ ей почтительно, что Гордановъ пронасть не можетъ, что онъ далъ слово вернуться изъ отлучки черезъ мѣсяць, чему Ропнинъ и совѣтовалъ вѣрить.

— Но,—прибавилъ онъ со вздохомъ:—намъ это все мало поможетъ.

Глафира взглянула ему въ глаза и спросила: что онъ хочетъ этимъ сказать?

— Въ теченіе мѣсяца, Глафира Васильевна, много можетъ случиться: я не отвѣчаю, что въ это время все не откроется Михаилу Андренчу про завѣщаніе.

— Но кто же ему можетъ это открыть?

Ропнинъ поднялъ голову такъ, какъ онъ ее никогда еще не поднималъ предъ Глафирой, и смѣло произнесъ:

— Я самъ.

«Ага! вотъ въ чемъ дѣло!» — подумала та и, покачавъ головой, добавила, что она этому не вѣрить.

— Нѣтъ-съ, я увѣряю васъ, что долѣе ждать нельзя.

Глафира закусилa губу и послѣ минутной паузы отвѣтила, что онъ и не будетъ ожидать долѣе, и съ этимъ она сдѣлала шагъ [въ глубину комнаты и спросила съ легкой улыбкой:

— Говорите прямо: чего вы хотите? Чтò вамъ нужно за ваше молчаніе?

Ропшинъ оробѣлъ и пролепеталъ, что его смущаетъ страхъ, что онъ не можетъ быть покоенъ и даже не спать, потому что ему по цѣлымъ ночамъ чудится, что его запираютъ въ его комнатѣ и хотятъ взять.

— Приходите сюда, ко мнѣ, когда вамъ сдѣлается очень страшно.

— Я не шучу-съ: мнѣ страшно... и я не сплю; какъ почь, я въ страхѣ.

— Ну, приходите сюда: у меня здѣсь горитъ лампада.

Ропшинъ кинулся предъ ней на колѣна и, схвативъ ея руку, прильнулъ къ ней устами.

— Черезъ часъ, когда разойдемся, моя дверь будетъ отперта, — проговорила, отстраняя его отъ себя, Бодростина и, возвратясь въ свою половину, послѣ того какъ семейство разошлось по своимъ спальнямъ, она отпустила свою горничную, стала противъ окна и, глядя на тѣ самыя звѣзды, которыя свѣтили теперь вѣдущей майоршнѣ Форовой, задумалась и потомъ разсмѣялась и сказала себѣ:

— Я все, все предвидѣла, но никогда не думала, чтобы мнѣ пришлось играть такую роль. Но неужто же на этомъ остановиться и потерять все, все, что уже сдѣлано? Нѣтъ, нѣтъ, впередъ!

Въ это время дверь тихо отворилась и на порогѣ появился Ропшинъ.

— Вы аккуратны какъ часовая стрѣлка,—встрѣтила его улыбкой Глафира.

— Какъ нѣмецъ-съ, — отвѣчалъ ей Ропшинъ, пожирая ее глазами, и, осторожно положивъ на стулъ ключъ отъ своей комнаты, подошелъ къ столу и завернулъ кранъ лампы.

— Такъ,—сказалъ онъ:—будетъ гораздо безопаснѣе, потому что хотя къ вамъ и никто не смѣетъ взойти, но все-таки свѣтъ.

Впрочемъ, опасенія Ропшина были не совсѣмъ излишни,

потому что Жозефъ, обрадованный отъѣздомъ Горданова, гз спалъ и, видя изъ своего окна свѣтъ въ окнѣ Глафиры, сс-шелъ заглянуть подъ штору, но трудъ его былъ напрасенъ, и тяжелыя шторы не позволили ему ничего видѣть, да и огонь стухъ при самомъ его приближеніи.

Слегка подвыпившій за ужиномъ Жозефъ долженъ былъ ограничиться только тѣмъ, что посидѣлъ подъ окномъ своего кумира и, распѣвая: «Влизокъ ужъ часъ торжества моего», — напугалъ суевѣрныхъ сторожей, которые рассказывали потомъ, что слышали какъ завываетъ коровья смерть, о которой тогда толковали, будто она ходитъ по селамъ.

Висленевъ, узнавъ объ этомъ чрезъ слугъ, былъ чрезвычайно радъ, что его принимаютъ за коровью смерть: это, съ одной стороны, возвышало въ его глазахъ его мистическое значеніе, а съ другой—онъ набрелъ на мысль: нельзя ли взбудоражить мужиковъ, что скотскій падежъ пошелъ по селамъ отъ скота, нагнаннаго Бодростинымъ на его невиданную и неслыханную консервную фабрику? Жозефъ положилъ агитировать въ этомъ смыслѣ и, припоминая поученіе Горданова, не пренебрегать ничѣмъ, началъ свою агитацію, внушая встрѣчному и поперечному изъ крестьянъ злыя намеки, съ надеждой, что авось что-нибудь изъ этого да разыграется.

Александра Ивановна Синтянина едва только черезъ нѣсколько дней послѣ происшествія узнала объ исчезновеніи Ларисы и Форовой, и то вѣсть объ этомъ пришла на хуторъ чрезъ отца Евангела, который, долго не видя майора, ходилъ освѣдомляться о немъ, но его не видалъ, а только узналъ о томъ, что всѣ разѣхались, и что самъ майоръ какъ ушелъ провожать жену, съ той поры еще не бывалъ назадъ.

Гдѣ онъ могъ быть? Куда онъ дѣлся въ то время, когда онъ одинъ могъ сообщить интереснѣйшія свѣдѣнія?

Это чрезвычайно занимало и священника, и генеральшу, но отвѣта на это ни откуда не слышалось.

Наконецъ, въ одинъ прекрасный день майоръ свится, какъ съ неба, къ Синтяниной и прямо началъ со словъ:

— Жена вамъ кланяется!

— Боже, что это такое: гдѣ Катя? Что съ нею?

— Я получилъ отъ нея письмо,— отвѣчалъ майоръ, вру-

чая ей листочекъ, на которомъ Катерина Астафьевна извѣщала, что она, доѣхавъ до Москвы, искала здѣсь Ларису совершенно понапрасну и потомъ отправилась въ Петербургъ, гдѣ надѣялась отыскать племянницу, но тоже опять ошиблась. Ни ея, ни Горданова пѣтъ и слѣда.—Я же,—добавляла майорша:—вчера вспомнила, что я уже недѣлю не обѣдала, и присѣла въ Гостиномъ дворѣ у саечника поѣсть теплаго супцу и горько заплакала, вспомнивъ, что всѣ деньги протратила даромъ и мнѣ не на что вернуться, а между тѣмъ ты, мой бѣдный Форушка, сидишь безъ гроша и безъ хлѣба.

— Какъ же это, Филетеръ Ивановичъ, почему не обратились вы къ намъ?—остановилась генеральша.

— Читайте, читайте далѣе.

Синтянина далѣе вычитала, что здѣсь подъ навѣсами Гостиного двора плачущая Катерина Астафьевна неожиданно увидала Подозерова и была имъ утѣшена, какъ будто ангеломъ, и поселилась у него вмѣстѣ съ нимъ на одной квартирѣ, открыла ему все и старается его утѣшить и разыскать Ларису.

— Аминь, — рѣшилъ Форовъ, и на вопросъ генеральши: что будетъ дальше? отвѣчалъ, что онъ ничего не знаетъ.

Генераль слегка осудилъ майоршу за привязанность къ Ларѣ, но Форовъ заступился за жену и сказалъ:

— Что жъ васъ тутъ удвѣляетъ? она ее любитъ, а коли любитъ, и толковать нечего.

— Это вы-съ виноваты, — шутила генераль:—вы должны были внушать, что недостойное уваженія любить не слѣдуетъ?

— Ну, да, какъ разъ! тогда я прежде всего долженъ бы внушать ей, чтобъ она перваго меня не любила.

— Развѣ вы себя не уважаете?

— А вы себя уважаете?

— Конечно, уважаю.

— Ну, а я себя нисколько.

— Вотъ какъ!

— Да разумѣется-съ! Да и за что же мнѣ себя уважать, когда я дожилъ до старости и не сдѣлалъ ничего достойнаго моихъ знаній, побужденій и способностей, а только слонялся, да разговоры разговаривалъ? Прощайте-съ.

— Куда же вы? оставайтесь, поговоримъ, — упранивали

его Сиятелины, но Филетеръ Ивановичъ протрѣвъ отказался и отвѣчалъ, что онъ столько въ свою жизнь наговорилъ, что какъ вспомнить все наговоренное и что изъ этого всего могло лечь на юныя души, то ему противно всякое мѣсто, гдѣ нужно говорить.

— Прощайте, — добавилъ онъ: — я люблю осенніе дни и мнѣ теперѣ пріятно и хочется поговѣть и поисповѣдываться государынѣ широкой пустынь.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Гдѣ Лара?

Неподалеку отъ Яссы, въ Молдавіи, на невысокомъ, по крутомъ глинистомъ берегу стоитъ безобразный, но довольно большой домъ, частію сложенный изъ мѣстнаго широкаго кирпича, частію сбитый изъ глины и покрытый мѣстами череницей, мѣстами соломой. Въ немъ два этажа и еще небольшая, совершенно раскрытая вышка. Общій характеръ постройки самый странный: домъ смахиваетъ немножко на корчму, немножко на развалившійся замокъ, его точно застраивалъ рыцарь и докончилъ жидъ, тѣмъ не менѣе онъ ни замокъ и ни корчма, а боярскій домъ, принадлежащій довольно богатой усадьбѣ. Онъ почти пустъ и не меблированъ, и въ его окнахъ много выбитыхъ стеколъ, особенно на второмъ этажѣ. Внизу нѣсколько крѣпче, но и то не совсѣмъ крѣпко, вѣтеръ ходитъ по всѣмъ поклоямъ, гудитъ въ трубахъ и хлопаетъ дверями.

Быль шестой часъ вечера; на дворѣ совсѣмъ смерклось, когда у развалившихся воротъ этого дворца остановилась пара лошадей, и изъ забрызганной грязью каруцы выскочилъ человекъ въ шубѣ и мѣховой шапочкѣ и, пролѣзши подъ своды низкой калитки, постучался въ крошечное окошечко, гдѣ едва мерцалъ свѣтъ плошки.

Ему отперла дверь старая, черная молдаванка, съ заросшею сѣдыми волосами бородавкой, и снова юркнула въ свою яму.

Путникъ, оцупью держась стѣны, а потомъ веревки, протянутой вдоль высокой покривившейся лѣстницы, сталъ подниматься наверхъ.

Въ это самое время въ большой, круглой, темной и сырой казармѣ второго этажа, изъ угла, встала легкая фигура

и, сдѣлавъ шагъ впередъ, остановилась и начала прислушиваться.

Все, казалось, было тихо.

Робкая фигура, дрожа, нащупала стѣну, пошла вдоль нея и, ощутивъ подъ ногами какую-то упругую, колючую мякоть, забрала ее дрожащими отъ холода руками и сунула въ большое черное отверстіе.

Черезъ минуту она нашла спичку и, черкнувъ ею по стѣнѣ, начала зажигать верескъ.

Блѣдная искра спички коснулась смолистыхъ иголь и красный огонь прыгнулъ по кучѣ вереска, но тотчасъ же захлебнулся густымъ, желтымъ дымомъ, который было попользъ сначала въ трубу, но потомъ внезапно метнулся назадъ и заслонилъ всю комнату; послышался раздрающій пискъ, множество мелкихъ существъ зарѣяли, оплывая въ воздухѣ косыя линіи.

Это были летучія мыши, расположившіяся зимовать въ трубѣ нежилого дома и обезпкоенныя такъ неожиданно несноснымъ имъ куревомъ. Цѣлое гнѣздо ихъ, снявшись съ своихъ крючьевъ, упало внизъ и, вырываясь изъ огня, носились, цѣпляясь за что пошло.

Особа, которая зажигала каминъ, бросилась въ уголъ и, облѣпленная потерявшими сознаніе животными, вскрикнула и закрыла руками глаза.

Въ эту самую минуту нижній гость отворилъ дверь и, недоумѣвая, крикнулъ:

— Лара!

— Боже! Кто здѣсь? Спасите меня!—отвѣчала, бросаясь къ нему въ совершенномъ отчаяніи, Лариса.

— Ты видишь: я тебя нашель, — проговорилъ знакомый голосъ Горданова.

Лариса дрожала и молча искала рукой, не держится ли гдѣ-нибудь за ея волосы мышь.

Гордановъ вынулъ изъ кармана свѣчу и зажегъ ее.

— Ыдемъ, — сказалъ онъ. — Я совсѣмъ на пути; ты мнѣ надѣлала хлопотъ: я потерялъ ноги, искавши тебя цѣлыя двое сутокъ, но, наконецъ, ѣдемъ.

— Въ Россію?

— Да; но на самое короткое время.

— Ни за что, ни на одинъ часъ!

— Лариса, оставь этотъ тонъ! развѣ ты не знаешь, что

я этого не люблю? Или ты забыла, что я могу съ тобою сдѣлать?

Лара молчала.

— Ёдемъ, ёдемъ сейчасъ, безъ всякихъ разговоровъ, или я не пожалѣю себя и накажу твое упрямство!

— О, дѣлайте что хотите! Я знаю все, на что вы способны; я знаю, кто вы и что вы хотите дѣлать. Я отъ васъ не скрою: я васъ любила, и васъ однихъ, однихъ на цѣломъ свѣтѣ; вамъ я была бы преданною, покорною женой, и я преступница, я вышла за васъ здѣсь замужъ отъ живого мужа; я надѣялась, что вы сдержите ваши обѣщанія, что вы будете здѣсь работать и... я перенесла бы отъ васъ все. Но когда вы снова поворачиваете меня туда, гдѣ совершился мой позоръ, гдѣ я не могу ни въ чьихъ глазахъ имѣть другого имени, какъ вашей любовницы, и должна буду оставаться въ этомъ званіи, когда вы вздумаете жениться...

— Это возможно; но вы знаете, что этого никогда не будетъ.

— О, теперь я понимаю, зачѣмъ вы были страстны и не хотѣли дожидаться моего развода съ мужемъ, а обвѣнчали меня съ собою.

— Я всегда тебѣ говорилъ, что у насъ развестись нельзя, а жениться на двухъ можно: я такъ сдѣлалъ, и если мнѣ еще разъ вздумается жениться, то мы будемъ только квиты: у тебя два мужа, а у меня будетъ двѣ жены, и ты должна знать и молчать объ этомъ или идти въ Сибирь. Вотъ тебѣ все на чистоту: ѣдешь ты теперь или не ѣдешь?

— Я лучше умру здѣсь.

— Пожалуй, я упранивать не люблю, да мнѣ и некогда: ты и сама пріѣдешь.

И онъ спокойно поворотился, кивнулъ ей и уѣхалъ.

Ему, дѣйствительно, было некогда: одна часть его программы была исполнена удачно: онъ владѣлъ прелестнѣйшихъ женщиной и увѣренъ былъ въ нерасторжимости своего права надъ нею. Оставалась другая часть, самая важная: сочинить бунтъ среди невозмутимой тишины святого своимъ терпѣніемъ края; сбить въ этотъ бунтъ Бодростина, завладѣть его состояніемъ и потомъ однимъ смѣлымъ секретомъ взять такой кушъ, предъ которымъ должны разинуть отъ удивленія рты великіе прожектеры.

Селадонничать было некогда, и чуть только восторги насыщенной страсти немножко охладѣли, въ Гордановѣ закипѣла жажда довершить свои предпріятія, распустивъ всё препятствія какъ плетенку, вытягиваемую въ одну нитку. Овладѣвъ Ларой, онъ не могъ упустить изъ виду и Глафиру, такъ какъ она была альфа и омега, начало и конецъ всего дѣла.

Гордановъ несся въ Россію, какъ дерзкій коршунъ на недоѣденную падаль, и немножко боялся только одного: не подѣлъ ли тамъ кто-нибудь еще похищеніе.

Информационный фонд
РГБ - СССР

Защитный Комитет
ЗКВ-ДР № 513

194 г.
И 494

Оглавление

XXVI ТОМА.

На ножахъ.

Романъ въ 6 частяхъ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Темныя силы.

	стр.
I. Два Вавилона	5
II. Нимфа и Сатиръ	9
III. Собакъ снится хлѣбъ, а рыба—рыбаку	15
IV. Другой рыбакъ съ иною отвагой	17
V. Рыбакъ рыбака видитъ	21
VI. Отбой	25
VII. Monsieur Borne	30
VIII. Парижскія бѣды monsieur Borne	34
IX. Онъ теряетъ свое имя и получаетъ имя Устина	42
X. Устинъ не помогъ	45
XI. Въ шутовскомъ колпакѣ	53
XII. Въ дыму и въ искрахъ	57
XIII. На краю погибели	62
XIV. Въ черномъ цвѣтѣ	69
XV. Удивилъ!	75
XVI. Висленевъ въѣзжаетъ въ Петербургъ	78
XVII. Потопъ	81
XVIII. Проба пера и чернилъ	87
XIX. Свой своему поневоле другъ	90

	стр.
XX. Ошибка	95
XXI. Старые пріатели	99
XXII. Объясненіе	102
XXIII. Висленевъ вмѣсто хожденія по оброку отпускается на волю, безъ выкупа	106
XXIV. Зато дѣлается очень худо Бодростину	110
XXV. Двѣ кометы.	113
XXVI. Маланьина свадьба	122
XXVII. Куда кривая выносить.	130
XXVIII. Тѣ же раны.	136
XXIX. Неожиданныя событія	142
XXX. Убѣжденія храбраго майора колеблются	149
XXXI. Чего достигъ Ропшинъ.	155
XXXII. За ширмами	161
XXXIII. Во всей красотѣ	171
XXXIV. Начало конца	179
XXXV. Близокъ ужъ часъ торжества	187
XXXVI. Гдѣ Лара?	191

Handwritten scribbles and faint markings in the top left corner, possibly including a date or initials.

1871
L
CROSS

H-637

0-60

